ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Годъ XLIII-й. ІЮЛЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. 1812-й годъ. Избраніе Кутузова главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, пріѣздъ его въ армію и первые дни его дѣятельности. Б. М. Колюбакина . . . . . 3— 32

II. Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ. Л. Бѣлковича. . . . . 33— 70

III. Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву. В. . . . . 71— 85

IV. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1812 г. Сообщ. Н. А. Вилламовъ. 88— 94

V. Къ бою 7-го іюля 1812 года при Гр.-Эккау. Сообщ. Ка-Элъ. 95— 96

VI. „День Субботній". Д. Перскаго. . . . . 97—103

VII. По поводу воспоминаній г. И. И. Янжула. S. 104—107

VIII. По поводу ст. „Встрѣчи и столкновенія", Р. Сементковскаго . . . . 108—109

IX. Посѣщеніе Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной, 1 мая 1818 г., и Императоромъ Александромъ I, 23 августа 1823 года. Н. Лашкова. . . . . 110—117

X. Къ характеристикѣ патріарха Гермогена. (Къ 300-лѣтію его кончины). Адр. Круковскаго . . 118—125

XI. Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни. (1870—1875 г.). В. С. Чеважевскаго. . . . . 127—133

XII. Сто лѣтъ назадъ. Письма И. П. Одентала къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. С. Долгова. . . 134—144

XIII. Кто управлялъ русскими войсками въ іюнѣ 1812 г., послѣ переправы арміи Наполеона черезъ Нѣманъ. П. Воронова. . . . . 145—163

XIV. Изъ записной книжки „Русской Старины":

а) Порядокъ провоза иноземцевъ отъ Архангельска къ Вологдѣ (1613 г.). Сообщ. Ив. Суворовъ. . 86— 87

б) Отцу бить сына плетью (1680 г.). Сообщилъ Ив. Суворовъ. 126

XV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4 по 25 августа 1911 г. (на оберткѣ).

Въ приложеніи къ „Русской Старинѣ" — Записки генерала Ермолова, въ Отечественную войну 1812 года. . . . 16— 44

Приложеніе: Портретъ князя Петра Ивановича Багратіона.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.
1912.

VII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюля 1912 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4 по 25 августа 1911 г.

Толстой, Л. Н. Послѣ смерти. (Путь жизни, вып. 29-й). М. 1911. Изд. Посредни (Петровскія линіи). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, соб. д.). 8° (14×20). стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 15.200 экз.

Чеботаревская, Анас. О Ѳедорѣ Сологубѣ. Критика, статьи и замѣтки. С 1911. Тип. т-ва „Екатерингофское печатное дѣло“ (Екатерингофск. пр., 10). 8° (16× 356 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 1.200 экз.

Ѳемелиди, А. М. Генрихъ Сенкевичъ. Его литературная эпоха, жизнь, тру и мысли. Изъ серіи „Художники и мыслители XIX в.„ Польша. Одесса. 1912. Изд. Тип. Акц. Ю.-Р. О-ва Печ. Дѣла (Пушкинская, 18). 8° (17×24). 6 нен.+409 стр.+1 пор Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 1.960 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Съ автографами и пи мами автора, указателемъ разбираемыхъ писателей и произведеній, указателемъ тем вопросовъ, затрагиваемыхъ авторомъ попутно въ различныхъ статьяхъ и крити біографическимъ очеркомъ Г. В. Александровскаго. Подъ ред. Б. К. Фукса. Т Кіевъ. 1911. Изд. книгоизд. Б. К. Фукса. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 8° (16×24). 442+2 нен. стр. Складъ: кн. маг. В. А. Просяниченко (Фундуклеевская, Ц. за 6 т. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 6.000 экз.

Бюллетень Библіотеки Императорскаго Харьковскаго Университета.Апрѣль 1911 Харьковъ. 1911. Тип. Сергѣева и Гальченка (Московская, 10). 8° (17×25). 15 стр. В 2 л. 300 экз.

В-въ, П. Т. Посѣщеніе въ іюлѣ 1891 года Благовѣрнымъ Государемъ Наслѣдник Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николае Александровичемъ Томской губерніи и гор. Томска. Томскъ 1911. Тип. Губ. Управл (15×20). 32 стр.+2 портр. Вѣсъ 3 л. 4.300 экз.

Вейхельтъ, К. О., Коваленскій, М. Н., Петрушевскій, В. А. и Уланов В. Я. Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ и первыхъ классовъ средн учебныхъ заведеній (Историческая группа Исполн. Коммиссіи по учрежд. Московск городского музея наглядно учебныхъ пособій). М. 1911. Тип. П. П. Рябушинскаго (Стра бульв., сб. д.) 8° (16×23). 263 стр. Съ карт. и рис. Ц. 55 к. Вѣсъ 22 л. 10.000 экз.

Гнѣвушевъ, А. М. Новгородскій дворцовый приказъ въ XVII вѣкѣ (Крат очеркъ дѣятельности приказа и документы). М. 1911. Тип. Русская Печатня (Садов Тріумф., 170). 8° (17×26). XXXVI+162 стр. Ц. 1 р. 25 к, Вѣсъ 20 л. 300 экз.

Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Мос музея 1812 г., за третій 1910—11 г. м. 1911. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій п св. д.). 8° (18×28). 112 стр. Вѣсъ 14 л. 600 экз.

Иловайскій, Д. Руководство ко всеобщей исторіи. Средній курсъ.М. 1911. И автора (у ц. Стараго Пимена), 34-ое. Тип. Т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая, соб. 16° (14×19). 492 стр.+3 карты. Ц. 1 р. Вѣсъ 30 л. 8.000 экз.

Каманинъ, И. Памяти проф. Филиппа Алексѣевича Терновскаго (по поводу лѣтія со времени его смерти). Кіевъ. 1911. Тип. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (17× 26 стр.+1 портр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Кулжинскій, Я. С. Какъ сложилась сказка о Кириллѣ Кожемякѣ.(О превраще исторіи въ сказку). Кіевъ. 1911. Изд. Книгоизд. Сотрудникъ. Тип. С. Н. Яковлева (Золо воротская, 11). 8° (13×21). 16 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 5.100 экз.

Лебедевъ, Н. К. XVI столѣтіе о ратномъ дѣлѣ. М. 1911. Изд. автора (4-я Мѣщ ская, 14). Тип. Посредникъ, Я. Г. Сазонова (Никитскія вор., 31). 8° (16×24). 158+IV стр. карта. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 22 л. 2.500 экз.

Матеріалы для исторіи церквей Владимірской губерніи. Отдѣлъ третій для Вла мірской, Гусской, Медужской и Ярополческой десятинъ. Вып. шестой. М. 1911. Тип. Ру Т-ва (Мыльниковъ пер., соб. д.). 8° (15×23). 146+1 нен. стр. Вѣсъ 15 л. 125 экз.

Микулинъ, П. А. Слово о Толстомъ. Томскъ. 1911. Тип. Сибирскаго Т-ва П дѣла (уг. Дворянской и Ямск. пер., соб. д.). 8° (18×26). 8 стр. Вѣсъ 3 л. 250 экз.

Михайловъ, Дм. Дм. Курсъ устной народной словесности и хрестоматія. С 1911. Изд. 2-е. Тип. Государственная. 8° (17×25). VII+177+V стр. Складъ: Спб., Петербу ская Сторона, Большой пр., д. 6. Адр. Изд.: Книжн. магаз. „Учебное Дѣло“. Ц. 9 Вѣсъ 26 л. 10.000 экз.

На память о 150-лѣтномъ юбилеѣ Холмской Духовной Семинаріи. Холмъ. 1910. Т Вайнштейновъ. 8° (17×24). 192 стр. Съ рис. Вѣсъ 20 л. 1.000 экз.

Озноби шинъ, Н. Неизвѣстные Герои. Разсказы изъ Русско-Японской вой Варшава. 1911. Изд. Автора. Тип. Эстетическая (Ново-Вельская, 25). 8° (16×24). 73+1 н стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Орловъ, полковникъ. Генералъ-майоръ Гайдаровъ. Слава и гордость Самурце Спб. 1911. Тип. Улей (Кирпич. пер., 3). 8° (15×23). 19 стр. Съ портр. Вѣсъ 4 л. 300 экз

О Толстомъ. Воспоминанія и характеристики представителей различныхъ на Подъ ред. П. А. Сергѣенко. Т. I. М. 1911. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка Обидиной). 8° (15×19). 255+16 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

О Толстомъ. Воспоминанія и характеристики представителей различныхъ націй. П ред. П. А. Сергѣенко. Т. II. М. 1911. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Оби ной). 8° (15×19). 259+16 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ
рисунокъ съ натуры ген.-лейт. Маркова
(изъ собраній Б. М. Колюбакина).

Кавалерійскій генералъ Марковъ, сподвижникъ Кутузова и Багратіона; рисовалъ очень хорошо и преимущественно портреты; значительное число рисунковъ Маркова находится въ собраніи П. Я. Дашкова.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1912.

ІЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1912.

1812-ый годъ.

Избраніе Кутузова главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, пріѣздъ его въ армію и первые дни его дѣятельности [1]).

Въ началѣ августа положеніе дѣлъ на главномъ театрѣ войны требовало принятія чрезвычайныхъ мѣръ для отраженія находившейся уже въ самомъ сердцѣ Россіи арміи Наполеона. Въ числѣ таковыхъ мѣръ прежде всего требовалось назначеніе общаго полномочнаго главнокомандующаго надъ всѣми арміями. На это неотложное мѣропріятіе и назначеніе таковымъ главнокомандующимъ именно *Кутузова* указывало общественное мнѣніе Россіи. Склоняясь на избраніе общаго главнокомандующаго, но не останавливая своего выбора на *Кутузовѣ*, Императоръ Александръ повелѣлъ опредѣлить выборъ такого главнокомандующаго особому „Чрезвычайному Комитету".

Первое засѣданіе установленнаго по повелѣнію Императора Александра Чрезвычайнаго Комитета для избранія главнокомандующаго состоялось 5-го августа въ 7 часовъ вечера въ домѣ предсѣдателя этого Комитета и предсѣдателя Государственнаго Совѣта генералъ-фельдмаршала *графа Салтыкова.*

Членами Комитета состояли: Главнокомандующій столицы генералъ *Вязьмитиновъ*, предсѣдатели Государственнаго Совѣта *князь Лопухинъ* и *графъ Кочубей* и министръ полиціи *Балашевъ.*

Послѣ вступительной рѣчи предсѣдателя *графъ Аракчеевъ* представилъ Комитету рапорты и донесенія на Высочайшее имя главно-

---

[1]) См. „Русская Старина", іюнь 1912 г.

командующаго 1-ой арміею *Барклая* и 2-ой *князя Багратіона*, а равно и частныя письма Государю *князя Багратіона*, генералъ-адъютантовъ *графа Шувалова*, *графа Сенъ-При* и *Винценгероде* и полковника *Толя* [1]).

По выслушаніи всѣхъ этихъ документовъ члены Комитета единогласно признали, что „недѣятельность въ военныкъ операціяхъ“ происходитъ отъ отсутствія „положительной единоначальной власти“, что, при невыгодѣ въ настоящее время „раздробленія сей власти, ей необходимо общее соединеніе“ и что „согласованіе дѣйствій разныхъ армій требуетъ назначенія надъ всѣми арміями одного общаго главнокомандующаго“.

Признавъ далѣе неудобство соединенія власти военнаго министра и главнокомандующаго 1-ой арміею въ одномъ лицѣ *Барклая* и что будучи въ чинѣ моложе другихъ главнокомандующихъ, *Барклай* можетъ быть стѣсненъ въ рѣшительности предписаній, Комитетъ единогласно пришелъ къ мнѣнію, что „назначеніе общаго главнокомандующаго арміями должно быть основано: во-первыхъ, на извѣстныхъ опытахъ въ военномъ искусствѣ, отличныхъ талантахъ, на довѣріи общемъ, а равно и на самомъ старшинствѣ; по сему единогласно убѣждаются предложить къ сему избранію генерала-отъ-инфантеріи *князя Кутузова*“ [2]).

Признавъ такимъ образомъ необходимость назначенія общаго и единаго главнокомандующаго, Комитетъ, не останавливаясь на *Барклаѣ* и выставивъ главными мотивами—извѣстный опытъ и общее довѣріе и предлогомъ еще и старшинство, единогласно остановилъ свой выборъ, въ согласованіи съ общественнымъ всей тогда Россіи мнѣніемъ, на *Кутузовѣ*, высоко цѣня котораго еще великая монархиня называла „мой генералъ *Кутузовъ*“, который пользовался исключительнымъ уваженіемъ и довѣріемъ великаго *Суворова* и только что оказавшаго отечеству громадную услугу побѣдой у *Рущука* и заключеніемъ въ столь трудное для государства время выгоднаго для насъ мира съ Турціею.

Въ заключеніе постановлено, что *Барклай*, останется ли онъ при арміи подъ начальствомъ Кутузова, или вернется въ Петербургъ, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть уволенъ отъ званія военнаго министра.

8-го августа послѣдовало Высочайшее назначеніе Кутузова

---

[1]) Судя по журналу засѣданій Комитета письма Ермолова Государю Комитету представлены не были.

[2]) Подлинная редакція журнала засѣданій Комитета.

главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, повелѣно выдать ему 30.000 рублей на подъемъ, и Кутузовъ удостоенъ рескриптомъ:

„Михаилъ Илларіоновичъ. Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ нашихъ дѣйствующихъ армій хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ Мнѣ той быстрой дѣятельности, съ каковою бы надлежало дѣйствовать на пораженіе непріятеля.

Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ.

Извѣстныя военныя достоинства ваши, любовь къ отечеству и неоднократные опыты отличныхъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію Мою довѣренность.

Избирая васъ для сего важнаго дѣла, Я прошу всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ россійскаго оружія и да и оправдаются тѣмъ счастливыя надежды, которыя отечество на васъ возлагаетъ. Пребывая вамъ всегда благосклонный".

Въ тотъ же день, 8-го августа, Императоръ *Александръ* въ письмѣ къ сестрѣ Великой Княгинѣ *Екатеринѣ Павловнѣ* слѣдующимъ образомъ изображаетъ обстоятельства этого назначенія: „я нашелъ, что настроеніе здѣсь хуже, чѣмъ въ Москвѣ и провинціи; сильное озлобленіе противъ военнаго министра (*Барклая*), который, нужно сознаться, самъ тому способствуетъ своимъ нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій и безпорядочностью, съ которой ведетъ свое дѣло. Ссора его съ *Багратіономъ* до того усилилась и разрослась, что я былъ вынужденъ, изложивъ всѣ обстоятельства небольшому нарочно собранному мной для этой цѣли Комитету—назначить главнокомандующаго всѣми арміями; взвѣсивъ все основательно, остановились на *Кутузовѣ*, какъ на старѣйшемъ, и дали такимъ образомъ *Беннигсену* возможность служить подъ его начальствомъ; кромѣ того, они еще и очень дружны [1]). Кутузовъ вообще въ большомъ фаворѣ у здѣшняго общества и въ Москвѣ" [2]).

Признавъ здѣсь лично ошибки *Барклая* и объясняя ихъ главнымъ образомъ его нерѣшительностью, Императоръ Александръ,

---

[1] Остается неизвѣстнымъ откуда установилось у Государя мнѣніе объ этой дружбѣ, во всякомъ случаѣ оказавшейся непрочной.

[2] Вел. Кн. Николай Михайловичъ: Переписка Императора Александра съ сестрой Вел. Кн. Екатериной Павловной.

считавшій *Беннигсена* болѣе другихъ подходящимъ для главнаго командованія, признаетъ весьма важнымъ участіе *Беннигсена* въ руководительствѣ операціями, на что, по мнѣнію Государя, *Беннигсенъ* можетъ разсчитывать въ силу его дружбы съ *Кутузовымъ*, что въ дѣйствительности однако не оправдалось, частью по недовѣрію *Кутузова* къ *Беннигсену* и главнымъ образомъ по противодѣйствію тому ревниваго къ своему значенію и положенію генералъ-квартимейстера армій полковника *Толя*.

Позднѣе, уже 18-го сентября, въ письмѣ къ той же Великой Княгинѣ *Екатеринѣ Павловнѣ* Императоръ *Александръ* такъ изображаетъ обстоятельства назначенія общаго главнокомандующаго:

„Можно ли требовать большаго отъ человѣка, когда онъ поступаетъ согласно своему убѣжденію? этимъ убѣжденіемъ я только и руководился; оно заставило меня назначить *Барклая* главнокомандующимъ 1-ой арміи въ виду репутаціи, которую онъ заслужилъ во время войнъ съ французами и шведами. Наконецъ то же убѣжденіе заставило меня думать, что по познаніямъ своимъ онъ стоитъ выше *Багратіона*. Крупныя ошибки, сдѣланныя послѣднимъ въ эту кампанію, послужившія отчасти причиной нашихъ неудачъ, поддерживали во мнѣ это убѣжденіе, и я больше, чѣмъ когда-либо, считалъ его неспособнымъ командовать соединенными арміями подъ *Смоленскомъ*. Хотя я не былъ особенно доволенъ дѣйствіями *Барклая*, но все-таки я считаю его лучшимъ стратегомъ, чѣмъ *Багратіонъ*, который о стратегіи понятія не имѣетъ. Наконецъ въ то время въ силу того же убѣжденія я не имѣлъ въ виду никого лучшаго.

„Мой адъютантъ *Кутузовъ* сказалъ, что въ арміи считаютъ *Барклая и Багратіона одинаково неспособными командовать такими большими массами и что желали бы видѣть во главѣ арміи—Петра Палена*. Не говоря уже о его другихъ отрицательныхъ качествахъ, вспомните только, что болѣе 18—20 лѣтъ не видѣлъ онъ непріятеля и что послѣдній разъ, когда онъ участвовалъ въ бою, онъ былъ только бригаднымъ генераломъ. Могъ ли я положиться на этого человѣка и гдѣ доказательства его военныхъ дарованій?

Въ *Петербургѣ* я увидѣлъ, что *рѣшительно всѣ были за назначеніе главнокомандующимъ старика Кутузова; это было общее желаніе*. Зная этого человѣка, я вначалѣ противился его назначенію, но когда *Ростопчинъ* письмомъ отъ 5-го августа сообщилъ мнѣ, что *вся Москва желаетъ, чтобы Кутузовъ командовалъ арміей, находя, что Барклай и Багратіонъ оба неспособны* на это, а тѣмъ временемъ и когда, какъ нарочно, *Барклай* надѣлалъ подъ *Смоленскомъ* рядъ глупостей, *мнѣ оставалось только усту-*

пить единодушному желанію и я назначилъ Кутузова. Я и теперь думаю, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы тогда находились, *изъ трехъ генераловъ*, одинаково неспособныхъ для роли главнокомандующаго, *я долженъ былъ остановить свой выборъ на томъ, на кого указывалъ общій гласъ*“ [1]).

Наконецъ, уже значительно позже, 24 ноября Императоръ *Александръ* удостоилъ *Барклая* отвѣтомъ на его письмо, и обстоятельства назначенія *Кутузова* изложены въ этомъ письмѣ слѣдующимъ образомъ:

„Потеря *Смоленска* произвела огромное моральное впечатлѣніе во всей Имперіи. Къ общему неодобренію нашего плана кампаніи присоединились еще и упреки; говорили: „опытъ покажетъ, насколько гибеленъ этотъ планъ, Имперія находится въ неминуемой опасности“, и такъ какъ Ваши ошибки, о которыхъ я выше упомянулъ, были у всѣхъ на устахъ, то меня обвиняли въ томъ, что благо Отечества я принесъ въ жертву своему самолюбію, желая поддержать сдѣланный въ Вашемъ лицѣ выборъ. *Москва и Петербургъ* единодушно указывали на князя *Кутузова*, какъ на единственнаго человѣка, могущаго, по ихъ словамъ, спасти отечество. Въ подтвержденіе этихъ доводовъ говорили, что по старшинству Вы были сравнительно моложе *Тормасова*, *Багратіона и Чичагова*; что это обстоятельство вредило успѣху военныхъ дѣйствій и что это неудобство высокой важности будетъ вполнѣ устранено съ назначеніемъ князя *Кутузова*. Обстоятельства были слишкомъ критическія. Впервые столица Государства находилась въ опасномъ положеніи и мнѣ не оставалось ничего другого, какъ уступить всеобщему мнѣнію, заставивъ все-таки предварительно обсудить вопросъ за и противъ въ совѣтѣ, составленномъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ Имперіи. Уступивъ ихъ мнѣнію, я долженъ былъ заглушить мое личное чувство. Мнѣ только остается сохранить Вамъ возможность доказать Россіи и Европѣ, что Вы были достойны моего выбора, когда я Васъ назначилъ главнокомандующимъ. Я предполагалъ, что Вы будете довольны остаться при арміи и заслужить своими воинскими доблестями, что вы и сдѣлали при *Бородинѣ*, уваженіе даже Вашихъ хулителей“ [2]).

---

[1] Великій Князь Николай Михайловичъ. Переписка Императора Александра съ сестрой Вел. Кн. Екатериной Павловной.

[2] Вел. Кн. Николай Михайловичъ. Та же переписка.

8-го августа, послѣ обѣда, Императоръ Александръ приказалъ *Кутузову* пріѣхать на Каменный Островъ и объявилъ ему о состоявшемся его назначеніи. Отъ Государя *Кутузовъ* поѣхалъ прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ, какъ разсказываетъ его первый исторіографъ, „снявъ мундиръ, ордена, знаки отличія и украшенія, молился передъ иконой Божьей матери со слезами и на колѣняхъ“.

На слѣдующій день, 9-го августа, *Кутузовъ* съ женой молился въ церкви Владимірской Божьей матери, „что въ придворныхъ слободахъ“. 10-го августа, наканунѣ отъѣзда къ арміямъ, *Кутузовъ* сдаетъ дѣла по начальствованію Петербургскимъ ополченіемъ, заканчиваетъ послѣдніе сборы и одновременно уже распоряжается по должности главнокомандующаго, рапортуетъ Государю, сносится съ *графомъ Ростопчинымъ*, управляющимъ военнымъ министерствомъ *княземъ Горчаковымъ*, ген. *Эртелемъ*, *графомъ Орловымъ* и другими должностными лицами, а губернаторовъ—*Кологривова*, *барона Аша* и *Сумарокова* проситъ о заготовкѣ ему лошадей; изъ сношеній видно, что Кутузовъ беретъ съ собой чиновниковъ (офицеровъ) ополченія: *Казначеева*, *Хвостова*, *Сомова* и *Данилевскаго*.

11-го Кутузовъ выѣзжаетъ въ армію. Въ 9 часовъ утра онъ садится въ карету, около дома его на Дворцовой набережной толпы народа вынуждаютъ его ѣхать шагомъ, изъ толпы ему шлютъ пожеланія счастливаго пути и побѣды. По пути *Кутузовъ* посѣщаетъ Казанскій соборъ, гдѣ, стоя на колѣняхъ, выслушиваетъ молебствіе, цѣлуетъ крестъ и послѣ окропленія святой водой возлагаетъ на себя поданный ему образъ Казанской Божьей матери [1]) и, выходя изъ церкви, успѣвшей наполниться толпами народа, обращается къ священникамъ со словами: „молитесь, ибо посылаютъ меня на великое дѣло“.

Думалъ ли тогда кто-нибудь, что *Кутузову* оставалось жить 8 всего мѣсяцевъ и что черезъ 9 мѣсяцевъ въ тотъ же соборъ для погребенія будетъ доставлено тѣло его.

По свидѣтельству одного изъ его біографовъ—*Синельникова*, *Кутузовъ* всю дорогу держалъ въ рукахъ карту театра войны, изучалъ его и твердилъ: „Господи! донеси меня здороваго до мѣста моего назначенія, сохрани армію до того времени въ цѣлости! объ

---

[1]) „Въ маломъ медальонѣ, украшенномъ золотой ризой“, добавляетъ историкъ его („анекдоты о Кутузовѣ“): „принявъ сей честный даръ, маститый герой возложилъ его на себя; въ семъ мѣстѣ запечатлѣлъ онъ въ чувствахъ своихъ клятву, что первая добыча, отнятая у непріятеля, будетъ украшеніемъ сего храма, что и не приминулъ исполнить“.

одномъ молю, благоволи мнѣ застать еще *Смоленскъ* въ нашихъ рукахъ и врагу Россіи не бывать тогда въ первопрестольномъ градѣ ея".

На первой станціи, въ *Ижорѣ*, отъ проѣзжаго курьера, по данному ему праву вскрывать бумаги изъ арміи, *Кутузовъ* узнаетъ о паденіи *Смоленска* и говоритъ: „Ключъ въ *Москвѣ* взятъ!", а вечеромъ встрѣчаетъ на пути въ *Петербургъ* Великаго Князя *Константина Павловича*, отъ котораго узнаетъ подробности паденія *Смоленска*.

Съ дороги *Кутузовъ* посылаетъ приказы, отзывы, запросы и другія подобныя распоряженія въ цѣляхъ оповѣщенія о своемъ назначеніи, ріентированіи высшихъ властей своими личными воззрѣніями на положеніе дѣлъ и важнѣйшими мѣропріятіями, равно съ цѣлью отдать себѣ отчетъ въ силахъ и средствахъ возможнаго усиленія арміи (затребовавъ свѣдѣнія о рекрутскихъ депо, новыхъ формированіяхъ регулярной арміи и ополченій) и въ цѣляхъ ускорить всѣ формированія и вообще приготовленія и намѣтить пункты сосредоточенія всѣхъ этихъ создаваемыхъ силъ и средствъ [1]).

Кутузовъ уже съ первыхъ дней пути оцѣниваетъ общее положеніе дѣлъ и въ его головѣ совершенно опредѣленно складывается ближайшая цѣль дѣйствій и соотвѣтствующія неотложныя и важнѣйшія мѣропріятія. *„Время и обстоятельства подвинутъ какую-либо сторону къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ"*, пишетъ *Кутузовъ* съ пути и 11-го августа командиру резервныхъ войскъ *Милорадовичу*, *„нынѣшній предметъ состоитъ въ прегражденіи непріятеля въ Москву"* и далѣе наставляетъ *Милорадовича* мѣстомъ сосредоточенія этихъ подкрѣпленій, дабы они „не замедлили поддержать и усилить отступающую къ *Москвѣ* главную армію".

12-го вечеромъ Кутузовъ прибываетъ въ *Крестцы*; все это время продолжается непрерывно его распорядительная дѣятельность.

Двигаясь безостановочно, *Кутузовъ* 13-го уже на пути въ *Вышній-Волочокъ*, куда прибываетъ утромъ 15-го и гдѣ встрѣчаетъ *барона Беннигсена*, возвращающагося изъ арміи въ *Петербургъ* съ новыми обличеніями *Барклая* и не безъ тайной надежды получить главное командованіе. *Кутузовъ* сообщаетъ ему свое назначеніе и волю Государя, чтобы онъ—*Беннигсенъ* принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Беннигсенъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]) говоритъ, что *Кутузовъ* отговорилъ его отъ намѣренія все же проѣхать въ *Петер-*

---

[1]) Журн. исходящ. бумагъ Кутузова. Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. шт.

[2]) Рус. Стар. 1909 г., стр. 492.

бургъ, представиться Государю и повидаться съ семьей. „Изъ чувствъ самолюбія и честолюбія“, говоритъ *Беннигсенъ*, „мнѣ было непріятно служить подъ начальствомъ другого“ и далѣе говоритъ о своихъ заслугахъ въ борьбѣ съ Наполеономъ въ войну 1806 и 1807 годовъ, „но я заглушилъ въ себѣ эти чувства“, добавляетъ *Беннигсенъ*.

Кутузовъ пригласилъ *Беннигсена* въ армію, исполняя волю Государя, но со свойственной ему проницательностью прекрасно понималъ, что *Беннигсенъ* лелѣялъ мысль, въ случаѣ чего, стать на мѣсто *Кутузова*, что и предусматривало пріуготовленная ему должность „начальника штаба надъ всѣми арміями“, и едва-ли *Кутузовъ* разсчитывалъ на его полное и искреннее ему—*Кутузову* содѣйствіе.

Изъ *Вышняго-Волочка Кутузовъ* имѣлъ намѣреніе направиться въ *Вязьму*, хотя по свѣдѣніямъ земскаго исправника непріятельскіе разъѣзды были уже недалеко *Вязьмы*, что отвѣчало дѣйствительности, такъ какъ 15-го арміи уже оставили *Вязьму* позади. Извѣстіе это поразило *Кутузова*, не представлявшаго себѣ столь быстраго отступленія и столь быстраго хода событій, и *Кутузовъ* ускорилъ свою поѣздку, выѣхавъ въ тотъ же день въ *Торжокъ*.

Прибывъ еще 15-го въ *Торжокъ*, *Кутузовъ* сообщаетъ *Барклаю*, что онъ въ тотъ же день выѣзжаетъ далѣе, въ *Старицу*, и проситъ: „Ежели что до пріѣзда моего можетъ случиться, то симъ трактомъ прошу увѣдомить“. Къ вечеру *Кутузовъ*, свернувъ теперь уже на смоленскую дорогу, выѣзжаетъ въ *Старицу*, куда и прибываетъ рано утромъ 16-го [1]). 16-го же Кутузовъ выѣхалъ изъ *Старицы* въ *Зубцовъ*, гдѣ имѣлъ ночлегъ.

На протяженіи всего пути распорядительная дѣятельность *Кутузова* не прекращается.

Торопясь въ армію, *Кутузовъ* въ 8 часовъ вечера и уже изъ *Зубцова* пишетъ *Барклаю*: „настоящее дождливое время препятствуетъ мнѣ быть завтра къ обѣду въ армію, но едва только съ малымъ разсвѣтомъ сдѣлается возможнымъ мнѣ продолжать мою дорогу, то я надѣюсь съ 17-го на 18-ое быть непремѣнно въ главной квартирѣ. Сіе, однако, короткое замедленіе ни въ чемъ не препятствуетъ В. В. производить въ дѣйствіе предпринимаемый вами

---

[1]) Такъ слѣдуетъ по письмамъ *Кутузова*, съ пути, къ *Барклаю*, а историкъ *Мих.-Данилевскій* говоритъ, что 15-го *Кутузовъ* прибылъ въ *Вышній-Волочокъ*, а 16-го въ *Торжокъ*, тогда какъ у насъ есть письма *Кутузова* изъ *Торжка*, помѣченныя 15-мъ. Тотъ же *Мих.-Данилевскій* утверждаетъ, что 16-го въ *Торжкѣ Кутузовъ* встрѣтилъ *Беннигсена* и *Пфуля*, а *Беннигсенъ* утверждаетъ, что эта встрѣча состоялась въ *Вышнемъ-Волочкѣ*.

планъ до прибытія моего". Весьма характерно это предоставленіе Кутузовымъ Барклаю свободы дѣйствій до своего личнаго прибытія.

Рано утромъ 17-го *Кутузовъ* выѣзжаетъ изъ *Зубцова* и къ 11-ти часамъ утра находится уже въ виду *Гжатска*, и почти одновременно обѣ арміи выступаютъ изъ с.с. *Федоровскаго* и *Максимовки* и въ теченіе утра исполняютъ переходъ къ *Цареву-Займище*, гдѣ и располагаются вблизи подготовляемой къ бою позиціи.

Въ приказѣ по арміи объявлено о прибытіи сего 17-го августа къ арміи „его свѣтлости князя Кутузова-Голенищева".

Въ началѣ полудня *Кутузовъ*, находившійся уже въ 5-ти верстахъ отъ г. *Гжатска*, былъ встрѣченъ множествомъ вышедшихъ ему навстрѣчу жителей, которые выпрягли лошадей его кареты и везли ее на себѣ до приготовленнаго для него дома купца *Церевитинова*.

Въ *Гжатскѣ* Кутузовъ, по свидѣтельству его біографовъ [1]), увидя первый встрѣтившійся полкъ, обратился къ нему съ восклицаніемъ: „Боже! кто бы могъ меня увѣрить, что когда-либо врагъ нашъ могъ сражаться на штыкахъ съ такими молодцами, какъ вы, братцы!", и подарилъ полку 150 рублей [2]).

Слова эти быстро распространились по арміи.

Въ *Гжатскѣ Кутузовъ* занялся разрѣшеніемъ важнѣйшихъ и неотложныхъ вопросовъ и въ числѣ таковыхъ тутъ же отвѣтилъ на только что полученное имъ здѣсь письмо графа *Ростопчина*, которому писалъ, что, не видѣвшись еще съ *Барклаемъ* и *Багратіономъ* и не ознакомившись еще съ силами и средствами арміи, онъ *не можетъ ему сообщить ничего опредѣленнаго* (положительнаго) *о планѣ предстоящихъ дѣйствій* и далѣе выдвигаетъ важнѣйшее положеніе въ формѣ вопроса: *„не рѣшенъ еще вопросъ—потерять ли армію или потерять Москву"*? А далѣе тутъ же высказываетъ и свое личное мнѣніе: *„по моему мнѣнію съ потерею Москвы соединена потеря Россіи"*.

„Теперь я обращаю все свое вниманіе на приращеніе арміи", заканчиваетъ *Кутузовъ* это свое высокой важности откровеніе *графу Ростопчину*. Далѣе, въ томъ же письмѣ, *Кутузовъ*

---

[1]) „Анекдоты о Кутузовѣ или достопамятныя сказанія" и пр. 1814 г

[2]) Это обращеніе, видоизмѣняемое историками, отнесено къ пріему почетнаго караула. Извѣстно также въ обращеніи солдатское присловіе: „пріѣхалъ Кутузовъ—бить французовъ".

просить возможнаго содѣйствія графа *Ростопчина* по вопросу о вооруженіи „Московской военной силы".

Такимъ образомъ *Кутузовъ* еще только оріентируется и осматривается въ сложной обстановкѣ средины августа войны 1812 г., озабочиваясь пока только усиленіемъ арміи. Неизвѣстнымъ остается искренность заявленія, что „съ потерей Москвы соединена потеря Россіи", чему противорѣчитъ его заявленіе въ *Филяхъ*, или же *Кутузовъ* такъ говорилъ *Ростопчину* для вѣрнѣйшаго его успокоенія и ввѣренной ему столицы, какъ бы устраняя самую мысль о возможности уступленія арміею *Москвы*, въ чемъ усматриваемъ только мудрость *Кутузова*.

Послѣ полудня *Кутузовъ* выѣхалъ въ *Царево-Займище*, гдѣ свидѣлся съ главнокомандующими, принялъ почетный караулъ и, наскоро пообѣдавъ, отправился верхомъ въ армію и объѣхалъ войска, которыми былъ встрѣченъ восторженно.

„День былъ пасмурный", свидѣтельствуетъ очевидецъ *Щербининъ*, „но сердца наши прояснились".

Разсказываютъ, что, подъѣзжая къ войскамъ и видя часть, люди которой суетились, чистились, строились и выравнивались, *Кутузовъ* направился къ части, не ожидая окончанія ея приготовленій, и обратился къ людямъ со словами: „не надо ничего этого, я пріѣхалъ посмотрѣть, здоровы ли вы, дѣти мои; солдату въ походѣ не до щегольства, ему надобно отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ [1])".

Появленіе *Кутузова* среди войскъ и его особое, въ духѣ Суворова, обращеніе и отношеніе, вызвало радостное возбужденіе и особый подъемъ духа. „Вотъ пріѣхалъ отецъ, всѣ нужды наши знаетъ, какъ не подраться съ французомъ на его глазахъ, всѣ до одного рады головы положить!"

И *Кутузовъ* понялъ настроеніе арміи и умѣло подымалъ далѣе ея духъ. „Армія въ полномъ духѣ", писалъ онъ женѣ, „духъ въ арміи чрезвычайный, хорошихъ генераловъ много, я полонъ надежды".

Объѣхавъ позицію, *Кутузовъ*, по словамъ *Барклая*, нашелъ ее будто бы сильной, изъявилъ будто бы согласіе дать на ней генеральное сраженіе и приказалъ ускорить постройку укрѣпленій.

Казалось, что наступило наконецъ время рѣшительнаго сраженія и именно здѣсь, такъ казалось и не одному *Барклаю*, а мно-

---

[1]) „Анекдоты о Кутузовѣ"

гимъ въ арміи, которая въ этотъ день уже не получила приказанія продолжать дальнѣйшее отступленіе на слѣдующій день. На 18-ое приказано арміямъ оставаться на мѣстѣ, но 18-го, въ полдень внезапно послѣдовало приказаніе отойти къ *Гжатску* и *Иваш-ково* 2-му корпусу, всей II-ой арміи, части артиллеріи и всѣмъ обозамъ.

Стало несомнѣннымъ, что *Кутузовъ* рѣшилъ продолжать отступленіе.

Положеніе *Кутузова* ко времени принятія имъ главнаго командованія нашими арміями было чрезвычайно трудно по причинамъ *близости противника къ Москвѣ, огромнаго превосходства противника главной арміи* и *поздняго его назначенія главнокомандующимъ*, когда спасеніе *Москвы* было почти безнадежно.

Трудность положенія *Кутузова* была обусловлена прежде всего и главнымъ образомъ огромнымъ превосходствомъ противника во всѣхъ смыслахъ.

Обѣ противныя арміи, будучи первоклассными тогда въ Европѣ, были равны только по духу, но неравны по основамъ своихъ учрежденій и по боевой подготовкѣ въ широкомъ и тѣсномъ значеніи слова.

Французская армія опиралась на новыя военныя учрежденія, обезпечивавшія ей полное и высшее развитіе военнаго искусства, десятки лѣтъ вела на новыхъ началахъ рядъ побѣдоносныхъ войнъ и была руководима величайшимъ полководцемъ всѣхъ временъ и народовъ.

Русская армія со временъ Императора Павла отошла во многомъ отъ таковыхъ же учрежденій Великаго Петра и продолжателей его началъ,—*Румянцева, Потемкина* и *Суворова*—и во многомъ восприняла учрежденія и военную систему, исходившую изъ свойствъ вербовочныхъ армій запада, уступала французской въ боевой подготовкѣ арміи въ широкомъ значеніи слова и въ тактической подготовкѣ въ частности и, наконецъ, уступала въ управленіи войсками по сравненію съ таковымъ величайшимъ геніемъ.

Говоря объ учрежденіяхъ и военной системѣ, слѣдуетъ указать на господство тогда у насъ линейной тактики и теоріи пассивныхъ позицій и связанной съ ними излишней въ высшей инстанціи централизаціею управленія войсками.

Помимо этихъ столь важныхъ данныхъ превосходства противника, онъ превосходилъ насъ и численно, и тогда какъ *Кутузовъ*, на случай генеральнаго передъ *Москвой* сраженія, могъ бы сосредоточить со всѣми ожидаемыми имъ подкрѣпленіями наибольшее

115.000—120.000 человѣкъ, изъ коихъ только 90.000 старыхъ солдатъ и 30.000 рекрутовъ и ополченцевъ, Наполеонъ могъ сосредоточить до 150.000 человѣкъ старыхъ испытанныхъ и отборныхъ войскъ (Подъ *Бородинымъ Наполеонъ* имѣлъ болѣе 130.000, имѣя остальныя войска въ *Смоленскѣ* и на маршѣ къ Бородину) [1]).

Помимо всѣхъ невыгодъ условій силы, трудность положенія Кутузова обусловлена была еще *всѣми невыгодами его поздняго назначенія*, когда, кромѣ боя, положеніе дѣлъ уже ничѣмъ не могло быть исправлено, и также *несовершенствами организаціи верха арміи*, при которой *Кутузовъ* не имѣлъ въ органахъ управленія (въ старшихъ начальникахъ) вполнѣ гибкихъ и послушныхъ орудій, какъ то было въ арміи его геніальнаго противника.

Сравненіе власти и положенія во главѣ своихъ армій *Наполеона* и *Кутузова* является болѣе чѣмъ не въ пользу послѣдняго. Наполеонъ императоръ и вмѣстѣ полководецъ, безграничный авторитетъ, соединяя неограниченную власть, имѣлъ въ своемъ начальникѣ штаба и маршалахъ—корпусныхъ командирахъ гибкіе, безусловные и послушные органы и единицы управленія, проявлявшія свое личное только въ искусномъ исполненіи его предначертаній. *Кутузовъ*, по существу, главнокомандующій только двумя „западными“ арміями, невольно долженъ былъ считаться и сообразоваться съ положеніями своего начальника штаба и обоихъ главнокомандующихъ, и каждый изъ троихъ считалъ, что именно ему по праву принадлежало главное командованіе: *Беннигсенъ*, бывшій также главнокомандующимъ въ 1807 году, считалъ, что онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ генераловъ могъ съ успѣхомъ вести борьбу съ Наполеономъ, и что только близорукость и несправедливость общественнаго мнѣнія отняла у него командованіе въ 1812 году; глубоко оскорбленный, *Барклай* считалъ, что низведенъ съ главнаго командованія интригами, недоброжелательствомъ къ нему и непониманіемъ его заслугъ страной и арміею, и *князь Багратіонъ* считалъ, что именно ему, по заслугамъ, славному боевому прошлому и старшинству—одному принадлежало главное командованіе.

Въ начальникѣ своего штаба—*Беннигсенъ*, бывшемъ по положенію самымъ близкимъ его помощникомъ, Кутузовъ имѣлъ тайнаго недоброжелателя и не могъ разсчитывать на его искреннее и полное содѣйствіе и сотрудничество, а оскорбленный своимъ подчиненіемъ *Барклай* будировалъ и сталъ сразу въ непріязненное отношеніе къ *Кутузову*, его окружающимъ и всѣмъ его мѣропріятіямъ

Итальянская дивизія *Пино* пришла къ Бородино вечеромъ дня сраженія, а въ Смоленскѣ оставалась гвардейская дивизія *Делаборда*.

со всей страстностью и субъективностью глубоко уязвленнаго человѣка.

Умаленный въ своемъ званіи и положеніи главнокомандующаго, преисполненный чувства острой обиды и горечи, *Барклай*, отнынѣ какъ бы опальный и неудачникъ и чуть ли не измѣнникъ въ глазахъ арміи и всей Россіи, естественно становится въ натянутое и враждебное положеніе со всѣми окружающими новаго главнокомандующаго, и забывъ всѣ неустройства въ арміяхъ со времени ихъ соединенія у *Смоленска*, видитъ отнынѣ все происходящее лишь въ мрачномъ свѣтѣ и не щадитъ въ глазахъ Государя въ составленномъ имъ для личнаго пользованія Государя трудѣ, ни *Кутузова*, ни его близкихъ окружающихъ. „Тогда оказались“, пишетъ *Барклай*, „первые признаки духа пристрастій, безпорядковъ, пронырствъ, ежедневно умножавшихся впослѣдствіи времени и приближавшихъ армію къ погибели. Вскорѣ по прибытіи князя *Кутузова* окружила его толпа праздныхъ людей, въ томъ числѣ находились многіе, высланные мною изъ арміи. Полковникъ *князь Кудашевъ*, отличившійся съ самаго начала отъ прочихъ, какъ все дѣлающій и намѣревающійся командовать арміею отъ имени *Кутузова* и компаніи. За нимъ слѣдовалъ полковникъ *Кайсаровъ*, что въ качествѣ наперсника и свод . . . имѣлъ не менѣе права на командованіе арміею. Съ перваго дня каждый имѣлъ уже своихъ приверженцевъ“.

Ко всѣмъ этимъ трудностямъ положенія *Кутузова* слѣдуетъ прибавить еще извѣстную неполноту его власти и нерасположеніе къ нему Государя.

Итакъ *Кутузову* приходилось бороться и считаться съ геніемъ Наполеона, огромнымъ превосходствомъ его арміи во всѣхъ смыслахъ, мириться съ невыгодами его, Кутузова, поздняго назначенія, считаться съ непріязненнымъ къ нему отношеніемъ и особымъ положеніемъ *Барклая* и *Беннигсена*, считаться съ желаніями Государя и общественнымъ мнѣніемъ страны и арміи, требовавшими во что бы то ни стало рѣшительнаго сраженія.

„*Кутузовъ* принялъ начальство надъ арміями“, свидѣтельствуетъ всегда рѣзкій въ своихъ отзывахъ *Ермоловъ*“, и если единогласіе не могло совершенно прекратить несогласія между командующими арміями, по крайней мѣрѣ, оно было уже безвредно и продолжалось подъ лучшими формами. Но возродило оно ощутительнымъ образомъ въ каждомъ изъ подчиненныхъ надежду на прекращеніе отступленія, большую степень порядка и успѣха“.

Дѣятельность *Кутузова* въ первый день по принятіи главнаго командованія заключалась въ оріентированіи общимъ положеніемъ дѣлъ, въ ознакомленіи съ общими условіями неизбѣжно предстоящаго и долженствовавшаго рѣшить судьбу Москвы генеральнаго сраженія, въ приказаніи развѣдки мѣстности у *Гжатска* и въ различныхъ административныхъ мѣропріятіяхъ по вопросамъ пополненія арміи,—ея снабженія и искорененія было начавшагося, по недостаткамъ довольствія, мародерства въ арміи.

Что касается до важнаго рѣшенія, гдѣ именно встрѣтить французскую армію, здѣсь ли—у *Царева-Займища* или гдѣ либо, отходя далѣе, то очевидно, что *Кутузовъ* до времени, до полнаго своего ознакомленія со всѣми условіями состоянія и положенія арміи и противника, сохранялъ себѣ свободу рѣшенія и дѣйствія, и изъ письма его *графу Ростопчину* утромъ этого же дня изъ *Гжатска* не видно даже намека на принятіе сраженія здѣсь—у *Царева-Займища*, скорѣе напротивъ, между строкъ читается возможность отхода на прибывающія по московской дорогѣ подкрѣпленія. Вечеромъ *Кутузовъ* переѣзжаетъ въ д. *Старая* [1]).

На слѣдующій день 18-го арміи съ утра продолжаютъ оставаться на отдыхѣ, и утромъ же *Кутузовъ* въ своемъ первомъ приказѣ по арміямъ объявляетъ о Высочайшемъ врученіи ему предводительства надъ тремя западными и бывшей Молдавской арміями. „Прибывъ лично нынѣ къ первымъ двумъ, отнынѣ всѣ впередъ донесенія отъ нихъ Его Императорскому Величеству Государю Императору“, объявляетъ онъ далѣе, „не иначе восходить будутъ, какъ черезъ меня повергаемыя. Власть каждаго изъ гг. главнокомандующихъ арміею остается при нихъ на основаніи учрежденія большихъ дѣйствующихъ армій“. Здѣсь же объявлено назначеніе *Беннигсена* начальникомъ Главнаго Штаба арміи.

Въ полдень того же дня 18-го *Кутузовъ* неожиданно для арміи приказываетъ упомянутой части ея перейти къ *Гжатску* и *Ивашково*, что окончательно открыло рѣшеніе его продолжить отступленіе.

Этотъ приказъ объ оставленіи части арміи *Царева-Займища* поразилъ *Барклая*, какъ громомъ, и повергъ его въ смущеніе, перешедшее въ негодованіе; теперь у него отнималась надежда, что ему принадлежала идея и рѣшеніе предстоящаго сраженія, что въ престоящемъ сраженіи ему принадлежалъ по крайней мѣрѣ выборъ

---

[1]) Между Царево-Займище и г. Гжатскомъ.

мѣста и времени сраженія и инженерная подготовка поля сраженія, и теперь у *Барклая* отнималась всякая надежда оправдаться отъ обвиненія, что онъ избѣгалъ сраженія за все время своего командованія, и отнынѣ роль его ограничивалась подчиненнымъ и пассивнымъ положеніемъ.

И въ этомъ оставленіи позиціи у *Царева-Займище* *Барклай* склоненъ видѣть интригу приближенныхъ *Кутузова князя Кудашева* и *Кайсарова*, которые, говоритъ *Барклай* въ своемъ „изображеніи воен. дѣйствій въ 1812 г.“, „условились замѣтить престарѣлому князю, что по разбитіи (Наполеона яко бы) въ позиціи у *Царева-Займище* слава сего подвига не ему припишется, а избравшему позицію. Причина достаточная для самолюбивца, какимъ былъ князь, чтобы снять армію съ сильной позиціи“.

Если *Барклай* могъ унизиться до степени подобнаго объясненія Государю непринятія *Кутузовымъ* сраженія у *Царева-Займище*, то это можно объяснить только страстями человѣческими, которымъ не былъ чуждъ какъ человѣкъ прежде всего и Барклай въ своемъ тяжеломъ состояніи острой обиды и горечи, страстями, приведшими его до потери равновѣсія и всякаго чувства справедливости. *Барклай* болѣе чѣмъ кто-либо могъ тогда искать объясненіе въ этомъ оставленіи *Кутузовымъ* *Царева-Займище* стремленія *Кутузова* передъ принятіемъ рѣшительнаго сраженія возможно усилить армію, такъ какъ *Барклаю* было извѣстно, что только резервныя (запасныя) войска *Милорадовича* въ числѣ 14.000 ожидались къ 18-му и 19-му августа въ *Гжатскъ*, а что всѣ остальныя ожидаемыя и слѣдующія подкрѣпленія, какъ—запасная кавалерія, запасныя артиллерійскія роты, рекрутскіе баталіоны, баталіоны внутренней стражи (гарнизонъ) и московское ополченіе, всѣ эти части могли бы присоединиться къ арміи у *Царева-Займище* при самомъ форсированномъ движеніи не ранѣе 28-го—30-го августа, опаздывая по меньшей мѣрѣ на недѣлю, если бы *Кутузовъ* далъ сраженіе у Царева-Займище, тогда какъ, продолжая отступленіе на эти подкрѣпленія и сокращая время ихъ присоединенія, армія получала возможность значительно усилиться передъ рѣшительнымъ сраженіемъ.

Въ резервѣ у *Барклая*, впрочемъ, оставалась намѣченная имъ „на всякій случай“ позиція у *Гжатска*, и онъ ухватился за идею дать здѣсь сраженіе. 18-го *Кутузовъ* съ *Барклаемъ* и *Беннигсеномъ* осматривали эту позицію, и *Барклай* настаивалъ на расположеніи на ней и принятіи здѣсь сраженія, но встрѣтилъ сильную оппозицію въ *Беннигсенѣ*. „Нынѣ представилось новое явленіе“, свидѣтельствуетъ *Барклай*, „генералъ *Беннигсенъ*, гордясь похищенной

25394
Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

имъ славой [1]) и почитающій себя первымъ генераломъ на свѣтѣ, сію мысль старался онъ внушить при всякомъ случаѣ и даже мнѣ объявилъ сіе. Все, что не отъ него происходило, или не имъ было предлагаемо, подвергалось осужденію. Съ самой *Вильны* питалъ онъ ко мнѣ злобу, по неудачѣ его происковъ, для полученія нѣкотораго вліянія въ управленіе арміею. Онъ, по обыкновенію, нашелъ Гжатскую позицію невыгодной. *Кутузовъ* былъ моего мнѣнія и твердо рѣшился сражаться на семъ мѣстѣ [2]). Но въ ночь съ 19-го по 20-е получили мы приказъ продолжать отступленіе".

Какъ это свидѣтельство *Барклая* о его возобновившихся треніяхъ съ *Беннигсеномъ*, такъ и приведенныя выше тренія его и съ *Багратіономъ* и его отношеніе къ штабу *Кутузова*, все это рисуетъ намъ картину нежелательныхъ на верхахъ арміи явленій, но неизбѣжныхъ при свойственныхъ людямъ всѣхъ положеній страстяхъ.

Около этого же времени огромное значеніе и вліяніе по оперативной части получаетъ у *Кутузова* полковникъ *Толь*, когда-то любимый ученикъ его въ кадетскомъ корпусѣ, и это господство молодого сравнительно годами и опытомъ полковника представляло явленіе также нежелательное при къ тому же излишней его самоувѣренности, властолюбіи, рѣзкости, заносчивости и дурныхъ отношеніяхъ со старшими начальниками. Будучи давно извѣстенъ *Кутузову*, какъ старательный и способный ученикъ, *Толь*, своимъ умѣньемъ импонировать, образованіемъ, характеромъ и дѣятельностью, болѣе другихъ внушалъ къ себѣ довѣріе и занялъ у *Кутузова* немедленно первое мѣсто.

Это зло не было бы велико при децентрализаціи полевого управленія войскъ, когда въ боевыхъ распоряженіяхъ части арміи имѣли бы свободу расположенія и дѣйствій, но при связанной съ линейной тактикой централизаціей управленія войсками въ бою вся распорядительная по оперативной части власть была сосредоточена въ главномъ штабѣ всѣхъ армій, т. е. въ рукахъ *Беннигсена* и *Толя*, а при довѣріи и расположеніи *Кутузова* къ *Толю*—въ рукахъ сего послѣдняго.

Поздній и крайне спѣшный, такъ сказать экстренный, пріѣздъ *Кутузова* въ армію и невозможность заблаговременно и основательно образовать себѣ штабъ и наладить его дѣятельность не

---

[1]) Рѣчь идетъ о сраженіи подъ *Пултускомъ*, и замѣчаніе *Барклая* конечно справедливо.

[2]) Это рѣшеніе *Кутузова* сомнительно и могло лишь казаться *Барклаю* при манерѣ *Кутузова*, не любившаго спорить, какъ бы молчаливо соглашаться; а можетъ быть впрочемъ, что тогда *Кутузовъ*, еще не рѣшился на дальнѣйшее за *Гжатскъ* отступленіе.

могли не повліять на правильную, вполнѣ соотвѣтственную и нормальную службу этого штаба.

Препятствіемъ въ нѣкоторой степени къ правильной боевой дѣятельности арміи служила также несоразмѣрность состава обѣихъ армій, такъ какъ первая заключала въ себѣ 11 единицъ управленія (6-ть пѣхотныхъ, 3 кавалерійскихъ корпуса, казачья масса *Платова* и резервная артиллерія), а вторая армія—4 единицы управленія, но составъ армій, оказавшійся, по соединеніи ихъ, неудобнымъ, не могъ быть измѣненъ, какъ Высочайше утвержденный, и если бы *Кутузовъ* взялъ это на себя и переорганизовалъ бы армію въ три частныхъ арміи, то это несомнѣнно вызвало бы сопротивленіе и новую обиду *Барклая*, который усмотрѣлъ бы здѣсь новое свое умаленіе и уничиженіе, такъ какъ при этой реорганизаціи число войскъ въ арміи *Барклая* было бы уменьшено значительно.

Распорядительная дѣятельность *Кутузова* въ день 18-го августа заключала въ себѣ разрѣшеніе разнаго рода вопросовъ административнаго характера, клонившихся къ возможному усиленію арміи. Прежде всего были имъ приняты мѣры по возвращенію въ строй разнаго рода людей, вольно и невольно отбившихся отъ строя, и таковыхъ въ этотъ день собрано до 2.000 человѣкъ, немедленно возвращенныхъ въ строй, а затѣмъ *Кутузовъ* принялъ рядъ строгихъ мѣръ, дабы явленіе это не повторялось.

Усиленіе числительности частей пѣхоты запасными войсками Милорадовича (14.000) началось уже съ вечера этого дня у *Гжатска*, куда эти войска прибыли.

Кутузовъ полагалъ еще усилиться формированіями *князя Любакова* и *Клейнмихеля*, считая ихъ достаточно зрѣлыми, и приказалъ первому направить изъ *Костромы*, *Владиміра*, *Рязани*, *Тамбова*, *Ярославля* и *Воронежа*, изъ каждаго по 2 полка, къ *Москвѣ*, а *Клейнмихелю* приказалъ направить 9-ый и 10-ый полки также къ *Москвѣ*, а 11-ый изъ *Твери*, 12-ый и 13-ый изъ *Москвы* и 14-ый изъ *Подольска* къ *Смоленску*, т. е. къ нему навстрѣчу, на *Можайскъ* [1]).

Наконецъ, графу *Моркову Кутузовъ* приказалъ направить всѣ части московскаго ополченія, такъ называемой „Московской военной силы“, къ *Можайску*.

---

[1]) Но формированія обоихъ генераловъ, по ихъ незрѣлости, къ арміи не присоединились, войдя въ ея составъ уже въ Тарутинскомъ лагерѣ.

18-го числа вся II-ая армія, 2-й корпусъ, артиллерія и всѣ обозы перешли въ *Ивашково* и частью въ *Гжатскъ*.

Кутузовымъ установленъ окончательно новый составъ арріергардовъ, объединенныхъ въ рукахъ начальника 3-ей дивизіи генералъ-лейтенанта *Коновницына*, сохранившаго это командованіе до полудня 24-го августа.

Платовъ, уже было донесшій вечеромъ этого дня, что онъ во исполненіе Высочайшей воли и предписанія Барклая, „хотя и слабъ здоровьемъ, но поспѣшаетъ въ Москву", оставленъ при арміи [1]).

Ознакомившись со всѣми условіями обстановки вообще и въ частности съ качествами ввѣренной ему русской арміи конца августа 1812-го года, *Кутузовъ*, столь равнодушный къ достоинствамъ или недостаткамъ той или другой позиціи, которые онъ и не оспаривалъ, чаще соглашаясь съ докладчикомъ, главное значеніе придавалъ условіямъ силы и наиболѣе—духовной сторонѣ, духовной силѣ арміи и качествамъ старшихъ начальниковъ. Эти положительные факторы качествъ нашей арміи 1812-го года были опредѣлены глазомъ опытнаго и прозорливаго полководца, и въ суммѣ всѣхъ факторовъ успѣха именно имъ придалъ онъ наибольшее значеніе и именно они преисполнили его надеждой на успѣхъ.

Въ лаконическомъ письмѣ къ женѣ въ этотъ день продолженія отступленія, уже подъ его началомъ, *Кутузовъ* столь же характерно, сколь и высоко знаменательно, передаетъ слѣдующія свои объ арміи впечатлѣнія: „Я питаю много надежды, духъ въ арміи чрезвычайный, хорошихъ генераловъ весьма много".

Такова аттестація, данная *Кутузовымъ* русской арміи въ періодъ подготовки и развитія операціи рѣшительнаго сраженія въ данныхъ условіяхъ—Бородинской операціи, аттестація вождя, опытнаго, дальновиднаго и глубоко-русскаго.

Въ другомъ письмѣ къ женѣ *Кутузовъ* пишетъ: „Я вполнѣ увѣренъ, что съ помощью Бога, который никогда не оставлялъ меня, поправлю дѣла къ чести Россіи.

Весьма характерна здѣсь надежда *Кутузова* только поправить дѣла къ чести Россіи.

Возвращаясь къ неожиданному для арміи выступленію ея 18-го,

---

[1]) Отъѣздъ *Платова* изъ арміи былъ обусловленъ неудовольствіемъ на него Барклая за время командованія имъ арріергардомъ, особенно за дни 13, 14 и 15 августа, но тщательное изслѣдованіе дѣйствій арріергарда въ эти дни приводитъ къ винѣ самого Барклая.

замѣтимъ, что нѣтъ основаній думать, что *Кутузовъ* скрывалъ это намѣреніе отъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ.

Кутузовъ скрывалъ свои намѣренія тогда, когда это было необходимо для обезпеченія успѣха предпріятія, а въ данномъ случаѣ этого не требовалось и тайна не имѣла смысла. Естественнѣе искать объясненіе въ томъ, что *Кутузовъ*, до полнаго ознакомленія со всѣми условіями обстановки, не принималъ еще опредѣленнаго рѣшенія и, давъ арміи нѣкоторый отдыхъ и облегчивъ отходъ спасавшихся жителей, сохранилъ себѣ, до времени, свободу рѣшенія и свободу дѣйствія.

Еще менѣе могли вліять на его рѣшеніе достоинства или недостатки позиціи. *Кутузовъ* не принадлежалъ къ заимствованной отъ западныхъ вербовочныхъ армій школѣ *„позиціонной войны“* и, какъ представитель школы *Великаго Петра*, *Румянцева* и *Суворова*, представитель школы такъ называемыхъ „Екатерининскихъ орловъ“, офицеръ громаднаго опыта побѣдоносныхъ войнъ, менѣе всего въ позиціи могъ искать вѣрное средство обезпечить успѣхъ сраженія.

Ознакомившись въ теченіе дней 17-го и 18-го со всѣми условіями обстановки предстоящаго у *Царева-Займища* или у *Гжатска* сраженія и разсчитавъ отступленіемъ трижды усилиться въ то время, какъ французы параллельно ослабнутъ еще болѣе, *Кутузовъ* нашелъ болѣе выгоднымъ отойти еще на нѣсколько переходовъ назадъ. Всѣ ваши позиціи прекрасны, какъ бы говорилъ *Кутузовъ* на всѣ предложенія, но, ставивъ себѣ цѣлью возможное усиленіе арміи, отходилъ назадъ на подкрѣпленія.

Въ тотъ же день 19-го *Кутузовъ* доноситъ Государю: „Я нашелъ, что многіе полки отъ частыхъ сраженій весьма истощились. *Я принялъ намѣреніе недостающее число людей пополнить приведенными* вчера (въ *Гжатскъ*) генераломъ *Милорадовичемъ* и *впредь прибыть имѣющими* (всего 15.589 чел.), распредѣливъ ихъ по полкамъ. Для еще болѣе удобнѣйшаго комплектованія *велѣлъ я* изъ *Гжатска отступить на одинъ маршъ и, смотря по обстоятельствамъ, и еще на другой*, дабы присоединить къ арміи, на вышеупомянутомъ основаніи (т. е. пополняя ряды частей войскъ и увеличивая числительность войсковыхъ частей) отправляемыхъ изъ *Москвы* въ довольномъ числѣ ратниковъ; къ тому же *мѣстоположеніе при Гжатскѣ* (значитъ, рѣчь идетъ уже не о *Царевѣ-Займищѣ*, а о *Гжатскѣ*) *нашелъ я по обозрѣнію моему для сраженія весьма невыгоднымъ*“.

„Усилясь, такимъ образомъ, какъ черезъ укомплектованіе потерпѣвшихъ войскъ, такъ и черезъ пріобщеніе къ арміи нѣкоторыхъ полковъ, формированныхъ княземъ *Лобановымъ-Ростовскимъ*, и части Московской милиціи, въ состояніи буду, для спасенія *Москвы*, отдаться на произволъ сраженія, которое, однако же, предпринято будетъ *со всѣми осторожностями, которыхъ важность обстоятельствъ требовать можетъ*".

Въ письмѣ къ женѣ отъ того же дня *Кутузовъ* говоритъ: „Не будьте же удивлены, что я немного отошелъ назадъ безъ боя: это *чтобы усилить себя подкрѣпленіями какъ можно больше*".

Въ директивѣ *Тормасову*, подтверждая и здѣсь мотивъ отступленія: „Предметъ отступленія заключается въ усиленіи насъ такъ, чтобы непріятельскія силы немного насъ превосходили", *Кутузовъ* далѣе весьма важно и характерно впервые упоминаетъ г. *Можайскъ*, *какъ мѣсто сраженія*: „Такимъ образомъ *ожидать я буду непріятеля на генеральное сраженіе у Можайска*, уповая на помощь Всевышняго и храбрость войскъ, *нетерпѣливо ожидающихъ сраженія*".

Въ директивѣ *Чичагову Кутузовъ*, упомянувъ, что *засталъ непріятеля въ самомъ сердцѣ Россіи*, подъ *Москвой*, добавляетъ: *„Настоящій мой предметъ есть спасеніе Москвы самой"* [1]).

Такимъ образомъ, ко дню своего прибытія къ арміи *Кутузовъ*, силой неотвратимыхъ обстоятельствъ вынуждаемый къ генеральному сраженію гдѣ-либо не доходя *Москвы*, первоначальной и важнѣйшей цѣлью ставитъ—усиленіе арміи, „приращеніе" ея всѣми возможными силами и способами, иначе—ставитъ цѣлью сосредоточеніе превосходныхъ силъ передъ рѣшительнымъ и общимъ сраженіемъ и это сосредоточеніе онъ ставитъ на первое мѣсто, выдвигаетъ главнѣйшимъ факторомъ, изъ достиженія котораго исходятъ всѣ остальные и только въ зависимости отъ котораго опредѣлятся мѣсто и время этого сраженія, которыя являются въ данныхъ условіяхъ обстановки факторами уже менѣе важными, при чемъ, однако, мѣсто этого сраженія естественно обусловлено расположеніемъ гдѣ-либо не доходя до *Москвы* и что весьма характерно, что уже 10-го *Кутузовъ* указываетъ таковое вблизи *Можайска*.

Итакъ первыя условія—силы, условія же мѣста и времени—по достиженіи перваго.

Оставаясь у *Царева-Займища* и даже у *Гжатска*, *Кутузовъ* рисковалъ принятіемъ сраженія ранѣе усиленія себя всѣми пред-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

ставлявшимися силами и средствами, и это усиленіе наилучше осуществлялось путемъ отступленія на всѣ эти прибывшія подкрѣпленія, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее отступленіе все болѣе и болѣе ослабляло и истощало французскую армію.

Наконецъ, прибывшія и влившіяся въ ряды ярміи укомплектованія и вступившія въ ея составъ цѣлыя части требовали времени *на спайку*, слѣдовательно, и это обстоятельство требовало выигрыша времени, что также достигалось отходомъ арміи и выборомъ мѣста сраженія отдаленнаго, насколько то позволятъ обстоятельства.

У *Можайска* можно было разсчитывать на присоединеніе еще и войскъ „Московской военной силы“.

Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, нельзя не отдать справедливости *Кутузову*, не потерявшемуся ко времени прибытія къ арміи въ сложной обстановкѣ войны 1812 года и въ сферѣ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ мнѣній и отзывовъ, въ аренѣ страстей и правильно поставившаго *ближайшей и первоначальной цѣлью—усиленіе арміи всѣми возможными средствами и способами*, изъ чего логично вытекалъ выигрышъ времени, достигавшійся продолженіемъ отступленія.

Въ числѣ существенно важныхъ распоряженій дня было установленіе Главнаго Штаба армій и въ дополненіе назначенія *Беннигсена* начальникомъ этого штаба въ приказѣ дня было объявлено о назначеніи генералъ-маіора *Вистицкаго* „генералъ-квартирмейстеромъ“ армій, полковника *Толя*—состоять при *Кутузовѣ* и полковника *Кайсарова*—„дежурнымъ генераломъ“ тѣхъ же армій, при чемъ касательно послѣдняго добавлено: „приказы, мной отдаваемые, имъ засвидѣтельствованные и объявляемые, принимать, какъ мои собственные“.

Назначеніе г.-м. *Вистицкаго* было лишь, такъ сказать,—формальное, фиктивное, въ виду, вѣроятно, только его старшинства, и вся квартирмейстерская часть и важнѣйшій отдѣлъ ея (служба генеральнаго штаба) былъ объединенъ и сосредоточенъ фактически и всецѣло въ рукахъ полковника *Толя*, равно какъ въ рукахъ полковника *Кайсарова* была сосредоточена вся административная часть вообще и инспекторская въ частности.

Барклай, значеніе котораго еще болѣе умалялось съ этой организаціей высшаго управленія арміями, отнесся къ ней съ порицаніемъ и свидѣтельствуетъ въ своемъ „Изображеніи войны“: Арріергарду предписано непосредственно доносить генералу *Беннигсену* и получать отъ него предписанія. За причисленіемъ *Толя* къ *Кутузову*, 1-ая армія была безъ генералъ-квартирмейстера. Всѣ инженерные и квартирмейстерскіе офицеры, піонеры и понтонеры были

отдѣлены отъ корпусовъ и армій, при самихъ командующихъ генералахъ не оставлено квартирмейстерскихъ офицеровъ, могущихъ сообщать имъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстоположеніяхъ, дорогахъ и позиціяхъ, Все сіе время было достаточно къ истребленію управленія арміею, устроеннаго по новому учрежденію и къ уничтоженію власти главнокомандующихъ. Но сего еще мало. Войска часто получали повелѣнія отъ *Беннигсена*, *Кайсарова*, *Толя*, *Кудашева*, не только безъ свѣдѣнія о томъ главнокомандующаго арміею, но и корпусныхъ командировъ. Тогда сдѣлались главнокомандующіе арміями совершенно излишними. Въ самой арміи трудно было изслѣдовать, кто въ точности начальствовалъ, ибо очевидно, что князь (*Кутузовъ*) носилъ только имя, подъ коимъ дѣйствовали его сообщники. Сіе устройство возбудило партіи, а отъ оныхъ произошли происки. Сильнѣйшая партія, имѣющая при томъ обширнѣйшее вліяніе, принадлежала *князю Кудашеву*. Хотя армія и не имѣла главнаго свѣдѣнія о присоединеніи его къ обществу начальствующихъ, но въ качествѣ зятя князя *Кутузова* сохранялъ онъ первенство надъ прочими".

Конечно, *Барклай* въ своихъ обличеніяхъ установившихся порядковъ управленія правъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но несомнѣнно, что онъ излишне страстенъ въ осужденіяхъ и даже пристрастенъ и многое нежелательное было неизбѣжно, какъ несовершенство системы и той борьбы страстей, которая сопровождаетъ всѣ людскія дѣянія и къ которой *Кутузовъ* относился съ философскимъ спокойствіемъ. Помимо общихъ причинъ и частью неизбѣжныхъ, извѣстное неустройство заключалось еще и въ позднемъ назначеніи и пріѣздѣ *Кутузова* въ армію, когда новыя установленія въ новыхъ рукахъ не успѣли еще перебродить, наладиться и образоваться, отчасти и въ нѣкоторой дряхлости и малой подвижности *Кутузова*. Но всѣ эти недостатки выкупались выигрышемъ въ духовномъ отношеніи, въ подъемѣ духа арміи, выкупались той громаднаго значенія данной, которую почтенный *Барклай* въ горечи своего положенія и недостаткѣ прозорливости или не замѣчалъ, или не хотѣлъ видѣть.

Прозорливый *Кутузовъ* естественно не могъ довѣрять *Беннигсену*, котораго онъ взялъ начальникомъ своего штаба только во исполненіе воли Государя, а нерасположеніе къ *Беннигсену* и властолюбиваго *Толя*, приведшее къ умаленію значенія перваго, къ установившимся уже треніямъ на верхахъ арміи прибавило еще новыя.

Полковникъ *Толь*, повидимому, пользовался безграничнымъ довѣріемъ *Кутузова*, довѣріемъ къ его способностямъ, служебному рвенію, исполнительности и знаніямъ, отвѣчавшимъ, впрочемъ, тог-

дашнимъ въ нашей арміи понятіямъ пріемовъ и способовъ веденія войны и боя. *Толь* получилъ огромное значеніе, играя первенствующую роль въ подготовкѣ Бородинскаго сраженія и во многомъ и въ его розыгрышѣ.

Толь обладалъ характеромъ, умѣлъ внушать и пользовался достаточнымъ въ арміи довѣріемъ и уваженіемъ, но былъ мало любимъ по своей заносчивости, самомнѣнію и рѣзкости; *Ермоловъ* цѣнилъ въ немъ служебную исполнительность и рвеніе, офицеры же квартирмейстерской части, по преимуществу молодежь, стояли за *Толя* и предпочитали его *Вистицкому*; старшіе же, особенно боевые, опытные не жаловали *Толя* (*Монахтинъ*, *Гавелрдовскій*, *Липранди*). Извѣстный впослѣдствіи военный мыслитель, прусскій офицеръ Генеральнаго штаба—*Клаузевицъ*, близко знавшій *Толя* и часто его сопровождавшій въ поискахъ и развѣдкахъ позицій и расположеній войскъ, совершенно опредѣленно охарактеризовавшій *Кутузова* и *Барклая*, говоритъ много о *Толѣ*, но какъ бы уклоняется дать опредѣленную характеристику *Толя*. Между прочимъ, онъ приписываетъ *Толю* идею уступа при расположеніи армій 9-го, 10-го и 11-го августа на р. *Ужъ* у сел. *Усвятья*, когда вся II-я армія была поставлена такимъ уступомъ для обезпеченія нашего лѣваго фланга, и утверждаетъ, что „это сочетаніе было излюбленной идеей *Толя*“.

Совершенно опредѣленную характеристику *Толя* даетъ *Беннигсенъ* въ своихъ мемуарахъ. Указавъ, что выборъ Бородинской позиціи принадлежалъ *Толю*, *Беннигсенъ* прибавляетъ: „Служа продолжительное время по квартирмейстерской части, *Толь* пріобрѣлъ тотъ навыкъ, который эта служба даетъ всякому мало мальски интеллигентному офицеру, чтобы руководить движеніями нѣсколькихъ колоннъ, но она не даетъ ни надлежащей опытности, ни правильнаго взгляда относительно выбора позиціи и веденія боя, особенно при дѣйствіи противъ такого врага, какъ *Наполеонъ*, и которые нужны, чтобы нести столь видныя и отвѣтственныя обязанности“. Осудивъ выборъ Бородинской позиціи, *Беннигсенъ* говоритъ далѣе: „Офицеръ не виноватъ, если у него нѣтъ вѣрнаго взгляда на вещи, это можетъ дать ему только время, случай и опытъ, если только онъ не обладаетъ отъ природы выдающимися дарованіями, что бываетъ очень рѣдко (*Беннигсенъ* таковыхъ дарованій у *Толя*, слѣдовательно, не признаетъ). Но я скажу, что офицеръ виноватъ, если *самодовольство и самолюбіе настолько ослѣпляютъ его*, что онъ не хочетъ слѣдовать мудрымъ совѣтамъ и не желаетъ поучаться опытамъ другихъ лицъ; онъ виновенъ вдвойнѣ, если онъ дѣлаетъ это изъ *каприза*, подвергая опасности судьбу арміи во время тѣхъ уроковъ, которые

даетъ ему непріятель и которые обыкновенно обходятся слишкомъ дорого Монарху и Государству. Примѣромъ тому *Бородино*. Полковникъ *Толь* овладѣлъ умомъ *Кутузова*, которому тучность не дозволяла производить лично рекогносцировку мѣстности“ [1]).

Хотя здѣсь *Беннигсенъ* ведетъ рѣчь болѣе объ участіи *Толя* въ выборѣ позиціи при *Бородинѣ* и расположеніи на ней войскъ, но здѣсь есть и характеристика *Толя* вообще. Конечно, *Беннигсенъ* не любилъ *Толя*, дѣйствовавшаго ему наперекоръ и ставшаго ему поперекъ дороги, но нельзя не признать, что, даже считаясь съ пристрастіемъ и нерасположеніемъ *Беннигсена*, въ его словахъ есть большая доля справедливости: самодовольство, самолюбіе, капризы (т. е. упрямство), а мы еще прибавимъ—излишняя самонадѣянность, самомнѣніе, заносчивость, временами упрямство и рѣзкость,— всѣ эти качества были присущи *Толю*.

Всѣ эти недостатки были бы простительны, если бы *Толь* обладалъ большимъ боевымъ опытомъ или постиженіемъ расцвѣтшаго при Наполеонѣ военнаго искусства, но въ 1812 г. *Толь* былъ еще молодъ и малоопытенъ и вся его дѣятельность, особенно активное участіе при выборѣ и занятіи Бородинской позиціи, показываютъ, что онъ еще былъ чуждъ тактическому искусству французской арміи [2]). По свидѣтельству *Липранди*, 23-го августа, при обсужденіи вопроса укрѣпленія центральнаго кургана и расположеніи войскъ центра большинство начальниковъ и офицеровъ Генеральнаго штаба было на сторонѣ предложенія *Беннигсена* (особенно полковникъ *Монахтинъ*) и что, если противоположное мнѣніе *Толя* взяло верхъ, то только потому, что *Толь* былъ силенъ у *Кутузова*, что самъ былъ докладчикомъ и исполнителемъ, и что *Кутузовъ* не довѣрялъ и не любилъ *Беннигсена*. Изученіе документовъ Бородинской операціи, особенно изслѣдованіе вопроса выбора позиціи и расположенія на ней войскъ, приводитъ насъ къ убѣжденію, что руководительство *Толя* расположеніемъ войскъ не обнаруживаетъ въ немъ пониманія идей и основаній военнаго искусства, заложеннаго у насъ *Петромъ Великимъ* и продолжаемаго и развиваемаго *Румянцевымъ*, *Потемкинымъ* и *Суворовымъ*, ни того искусства, которое зародилось на западѣ въ концѣ 18-го и расцвѣло въ 19-мъ столѣтіи въ рукахъ геніальнаго французскаго императора.

Въ централизаціи квартирмейстерской власти и обязанностей, въ порядкахъ расположенія арміи подъ *Бородинымъ*, въ пассивности

---

[1]) Русская Старина 1909 г. № 9.

[2]) Въ арміи у насъ уже были сторонники народившагося тактическаго искусства, какъ *Сабанѣевъ*, *графъ Воронцовъ* и др.

этого расположенія, въ расположеніи войскъ линіями, хотя бы и нѣсколькими,—во всемъ этомъ *Толь* является рутинеромъ и рутинеромъ того отжившаго ученія о боевыхъ порядкахъ и о веденіи боя, которое крѣпко привилось у насъ съ воцареніемъ *Императора Павла*, будучи слѣпо заимствовано отъ вербовочныхъ армій Западной Европы.

Дальнѣйшая дѣятельность *Кутузова* къ вечеру этого дня, по совершеніи арміями перехода къ *Ивашкову*, помимо указанныхъ—донесенія Государю и директивъ *Тормасову* и *Чичагову*, заключалась въ объявленіи состава арріергарда, въ ходатайствѣ черезъ *князя Горчакова* о разрѣшеніи притянуть на театръ дѣйствій формированія *князя Лобанова-Ростовскаго* и *Клейнмихеля*, въ объявленіи порядка и разсчета распредѣленія въ части войскъ для пополненія ихъ числительности формированій *Милорадовича*, въ рядѣ приказаній и распоряженій административнаго характера *графу Ростопчину*, Можайскому предводителю дворянства и, наконецъ, боевыхъ уже приказаній по исполненію уже въ утро слѣдующаго дня 20-го отступательнаго марша-маневра арміи въ *д. Дурыкино*. Ожидая разрѣшенія ходатайства объ усиленіи арміи формированіями *князя Лобанова-Ростовскаго* и *Клейнмихеля*, *Кутузовъ* приказалъ полки изъ *Твери*, *Москвы* и *Подола* направить къ *Можайску*, а всѣ прочіе — къ *Москвѣ*. На мѣру эту не послѣдовало разрѣшенія по полной незрѣлости этихъ формированій, и они вошли въ составъ арміи по оставленіи нами *Москвы*.

Графу Ростопчину данъ рядъ приказаній административнаго характера, напримѣръ, о заготовкѣ и отправкѣ въ армію 1.000 топоровъ, 1.200 жел. лопатъ, 250 буравовъ, о вооруженіи Московскаго ополченія, требованіе помощи Московской губерніи о доставленіи въ *Москву* изъ арміи 8.000 больныхъ и раненыхъ, для чего потребно „на три станціи 300 подводъ“.

Можайскому предводителю дворянства приказано выслать въ армію „землемѣра съ его картою и 4-хъ человѣкъ изъ дворянъ, знающихъ болѣе положеніе (мѣстность) и дороги уѣзда, 30 чел. крестьянъ, преимущественно лѣсниковъ и охотниковъ, кои могли бы служить проводниками для войскъ“. На него же возлагаетъ *Кутузовъ* „возможное сбереженіе подводъ, которыхъ, собравъ, ввѣрить попеченію генералъ-интенданта *Ланскаго* и наблюдать за исполненіемъ этихъ мѣръ въ уѣздахъ“ и „что относится до подводъ, имѣть особое попеченіе, предписавъ уѣзднымъ предводи-

телямъ исполнять предписанія верховнаго дежурства съ всевозможной точностью и поспѣшностью".

20-го *Кутузовъ*, опередивъ армію, рано утромъ переѣхалъ въ *Михалево* (восточнѣе *Дурыкино*), а армія въ теченіе дня тремя колоннами перешла въ *Дурыкино*.

Арріергарды стали передъ г. *Гжатскомъ* и въ теченіе дня съ горячимъ боемъ прошли г. *Гжатскъ* и р. *Гжать* правѣе и лѣвѣе и стали на ночь на линіи дд. *Полянниново—Афанасково*, имѣя впереди казачьи полки. Главныя силы Наполеона къ вечеру заняли *Гжатскъ*, авангардъ Мюрата—*Ивашково*, IV корпусъ сел. *Павлово* и V—*Будаево*.

Энергичное преслѣдованіе Наполеона 20-го временно прекратилось, такъ какъ на 21-ое и 22-ое онъ назначилъ своей арміи дневку.

Распорядительная дѣятельность *Кутузова* въ теченіе дня 20-го обнимала преимущественно вопросы административнаго характера и въ числѣ таковыхъ—мѣры по принятію порядка въ тылу, устройства почтовыхъ станцій отъ *Дурыкино* до *Москвы* „для безпрепятственнаго слѣдованія курьеровъ, требованіе отъ *Ростопчина* о высылкѣ въ армію лопатъ и топоровъ, распоряженіе о спѣшномъ сосредоточеніи ополченія изъ *Вереи*, *Рузы* и *Москвы* въ *Можайскъ*, а также мѣропріятія по снабженію арміи въ *Можайскѣ* запасными для артиллеріи людьми и лошадьми, равно и зарядными ящиками.

Первоначально и еще днемъ 20-го, дано арміи приказаніе „на слѣдующій день 21-го перейти въ с. *Бородино*", но затѣмъ къ вечеру это приказаніе отмѣнено, по причинѣ ли величины перехода (35—37 в.), недостатка дорогъ или состоянія пути—неизвѣстно, но первое приказаніе отмѣнено и послѣдовало новое—арміи перейти со свѣтомъ только до *Колоцкаго монастыря* (переходъ 24—25 в.), двинувъ съ вечера 20-го всю артиллерію и всѣ обозы, часть которыхъ направлена прямо въ *Можайскъ*.

На слѣдующій день 21-го *Кутузовъ* рано утромъ переѣхалъ къ *Колоцкому монастырю*, гдѣ уже засталъ обозы арміи.

Съ 9-ти утра начали прибывать къ *Колоцкому монастырю* и первыя части войскъ, а къ полудню собралась и вся армія.

Для успокоенія *Ростопчина* и главнымъ образомъ первопрестольной столицы, *Кутузовъ*, давно уже рѣшившій принять сраженіе гдѣ-либо у *Можайска*, сообщаетъ *Ростопчину*, что хотя

„позиція здѣсь и хороша, но велика для арміи и могла бы ослабить одинъ флангъ“ и что онъ отступаетъ далѣе для избранія лучшей и заканчиваетъ слѣдующимъ: *„Теперь намѣреваюсь, по избраніи мѣста вблизи Можайска, дать генеральное сраженіе и рѣшительное для спасенія Москвы“.*

Распоряженія *Кутузова* въ этотъ день продолжали обнимать административные вопросы: продовольствія арміи, фуражнаго довольствія (разрѣшеніе косить овесъ на корню), возвращенія въ строй отсталыхъ и отбившихся, устройства „особаго депо подводъ“ для перевозки больныхъ и раненыхъ и т. п.

Съ прибытіемъ въ армію *Кутузова* значительно успокоился и князь *Багратіонъ*—въ его письмахъ больше спокойствія и увѣренности въ успѣхѣ. „Шельма лѣзетъ, есть надежда, что мы побьемъ ихъ плотно. Войска знаю въ страшномъ духѣ и мы всѣ; истинно только и нужно, чтобъ дали волю“, пишетъ онъ въ этотъ день графу *Ростопчину*.

Арміи приказано въ ночь на 22-ое перейти къ с. *Бородино*, куда *Кутузовъ* лично прибылъ рано утромъ, произвелъ лично первое обозрѣніе позиціи и далъ свое согласіе на расположеніе здѣсь арміи въ цѣляхъ общаго и рѣшительнаго сраженія.

Цѣлью сраженія *Кутузовъ* ставилъ—спасеніе *Москвы*.

Не было ли для спасенія *Москвы* другого средства, менѣе рѣшительнаго, но и менѣе рискованнаго, чѣмъ сраженіе съ превосходной числомъ и искусствомъ арміею, руководимой величайшимъ геніемъ?!..

Не было ли цѣлесообразнѣе свернуть здѣсь на югъ и, увлекая за собой армію Наполеона, выигрывать время, задерживая, стѣсняя ее и откладывая сраженіе до болѣе благопріятныхъ условій, не рискуя *Москвой*?!.. Или не было ли цѣлесообразнѣе продолжать отступленіе на Москву и, возможно задерживая и ослабляя непріятельскую армію, стѣсняя ее въ пользованіи мѣстными средствами и выигрывая время, дать сраженіе, хотя бы подъ стѣнами *Москвы*, опираясь на громадныя средства столицы?!

Оставляя открытымъ вопросъ о возможности или невозможности принятія первой мѣры, укажемъ лишь на громадныя тому затрудненія по подготовкѣ новаго пути сообщенія, по недостатку на то времени за позднимъ назначеніемъ *Кутузова* и на неполноту власти и авторитета *Кутузова* бросить направленіе на *Москву*, не испы-

тавъ еще силы оружія жаждавшей боя арміею [1]), обратимся ко второму мѣропріятію—отложить время и мѣсто рѣшительнаго сраженія—хотя бы до самой *Москвы*.

На отступленіе хотя бы до самой *Москвы* было достаточно власти *Кутузова* и вообще несомнѣнно, что было выгоднѣе дать сраженіе возможно позже, ибо французская армія въ своемъ сосредоточеніи, въ виду нашей арміи, стѣсненная въ пользованіи мѣстными средствами, была обречена лишеніямъ и убывала съ каждымъ лишнимъ переходомъ, и никогда еще величайшій полководецъ не нуждался въ общемъ и рѣшительномъ сраженіи столь насущно и столь настоятельно, какъ въ концѣ августа 1812-го года.

Кутузовъ съ своимъ яснымъ и дальновиднымъ умомъ конечно прекрасно понималъ, что условія силы все еще были на сторонѣ его противника, и что, конечно, было бы значительно выгоднѣе отходить возможно далѣе назадъ, но надо обнять всю совокупность условій обстановки въ концѣ августа, включая и личное положеніе *Кутузова*, чтобы понять, что если потребность сраженія еще не созрѣла въ условіяхъ силы и времени, то она созрѣла для насъ такъ сказать въ психологическомъ отношеніи, и эта потребность въ рѣшительномъ, наконецъ, сраженіи настолько созрѣла въ общемъ сознаніи, въ сознаніи массы, а постоянное отступленіе настолько осуждалось и даже чуть не проклиналось, что было почти невозможно требовать отъ войскъ продолженія отступленія съ обѣщаніемъ сраженія въ будущемъ.

Глубоко былъ правъ герой многихъ славныхъ дѣлъ князь *Багратіонъ* въ его характеристикѣ духа войскъ: „Войска знаю въ страшномъ духѣ и мы всѣ (т. е. начальники), истинно только и нужно, чтобы дали волю“.

Да, наконецъ, и самъ *Кутузовъ*, признававшій, что „духъ въ арміи чрезвычайный“ и что „армія въ полномъ духѣ“, не могъ, живя въ этой атмосферѣ общей жажды боя, не подчиниться въ извѣстной степени этому общему чувству.

Въ концѣ августа требованіе сраженія достигло наивысшей степени, оно какъ бы висѣло въ воздухѣ, и общее во всѣхъ чувство

---

[1]) Перемѣна операціонной линіи—трудная операція, требующая заблаговременной и тщательной подготовки, а въ данномъ же случаѣ особенно трудной, такъ какъ съ ней было связано открытіе дороги въ Москву.

только и говорило, что пора наконецъ противостать арміи Наполеона и дать волю арміи сразиться во всю съ дерзкимъ противникомъ.

Казалось, не было такой силы, которая отклонила бы армію отъ рѣшительнаго боя.

Удовлетворяя и подчиняясь ожиданіямъ Государя, требованіямъ арміи и народа, т. е. ожиданіямъ верховной власти и требованіямъ массы, неизбѣжно подчиняясь духовному настроенію арміи, ея нетерпѣнію боя въ этотъ періодъ войны, понуждаемый общимъ желаніемъ и требованіямъ пріостановить, наконецъ, наступленіе, не доходя *Москвы*,—*Кутузовъ*, въ его личномъ положеніи, уже не могъ взять на себя идти наперекоръ всѣмъ этимъ общимъ желаніямъ и требованіямъ и еще разъ уклониться отъ сраженія и продолжать отступленіе, тѣмъ болѣе, что онъ у Бородина усилился всѣмъ, чѣмъ только было возможно, и теперь уже не могъ сослаться на необходимость идти на подкрѣпленія, такъ какъ онъ достигъ ихъ, или на слабость позиціи, такъ какъ настоящая у *Бородина* была признана его квартирмейстерами „наилучшей, какую въ сихъ плоскихъ мѣстахъ найти можно“.

Подчиняясь такимъ образомъ совокупности общихъ требованій, *Кутузовъ* въ утро этого дня рѣшился пріостановить свое отступленіе и стать всей арміею на поляхъ Бородинскихъ.

Утромъ этого дня *Кутузовъ* собственноручно и знаменательно пишетъ Ростопчину: „Надѣюсь дать баталію въ теперешней позиціи, *развъ непріятель будетъ меня обходить, тогда долженъ я буду отступать*, чтобы ходъ ему къ Москвѣ воспрепятствовать..... (точки въ подлинникѣ). Ежели буду побѣжденъ, то пойду къ *Москвѣ* и тамъ буду оборонять столицу“. Отдаваясь общему чувству и уступая всѣмъ требованіямъ, *Кутузовъ* тѣмъ не менѣе настолько сохранилъ равновѣсіе, что какъ бы поставилъ условіе своей арміи — не быть обойденной, а противнику — не смѣть его обходить, что и было разгадано геніемъ *Наполеона*.

Итакъ, рѣшеніе дать сраженіе гдѣ-либо не доходя Москвы, вблизи *Можайска* и именно на Бородинскихъ позиціяхъ, въ личномъ положеніи *Кутузова* въ концѣ августа было неизбѣжно-необходимо, а слѣдовательно было правильно.

Это рѣшеніе было *Кутузовымъ* твердо и опредѣленно обусловленно лобовой атакой противникомъ его расположенія, каковая при силѣ позиціи и чрезвычайномъ духѣ его арміи и примѣненіи искусства въ расположеніи и веденіи боя могла оказаться поги-

бельной для арміи *Наполеона*, или, въ крайности, могла смертельно разстроить эту армію.

Съ принятіемъ этого рѣшенія, *Кутузовъ* всецѣло отдался подготовкѣ этого знаменитаго сраженія, какъ въ области матеріи, такъ особенно и главнымъ образомъ въ области духа, въ той области, въ которой мудрый полководецъ болѣе всего искалъ опоры въ борьбѣ съ превосходной числомъ и военнымъ искусствомъ первоклассной арміею, руководимой величайшимъ геніемъ всѣхъ временъ и народовъ.

Въ лаконическомъ и характерномъ въ этотъ день письмѣ къ женѣ *Кутузовъ* полонъ надежды и рѣшимости: „Я здоровъ. Слава Богу и съ надеждой на Бога; армія въ полномъ духѣ. Солдаты изъ *Смоленска* вынесли чудотворный образъ Божьей Матери, и сей образъ всюду сопутствуетъ намъ“.

Б. М. Колюбакинъ.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ.

„Господь упованіе мое и крѣпость моя,—кого убоюся“. Вотъ тѣ проникновенныя слова, которыя нашли въ сердцахъ своихъ всѣ русскіе люди въ тяжелый 1812 годъ. Эти слова посылали теплый лучъ надежды, какъ въ сердце Государя, такъ и послѣдняго рядового, призваннаго къ защитѣ отечества; въ нихъ черпали силу и вожди воинства русскаго, да и вся Русь соединилась подъ великимъ стягомъ, на которомъ огненными буквами сіяли эти слова. И люди русскіе, нося ихъ въ сердцѣ своемъ, взывали къ Создателю, прося, чтобы Онъ послалъ силу воинству,—доблесть и мудрость вождямъ его. И теперь нельзя читать повѣствованій объ этой великой брани и не преклониться передъ именами людей, бывшихъ ея участниками и своею доблестью давшихъ Россіи право на ея дальнѣйшую жизнь. Однимъ изъ этихъ великихъ людей былъ и князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, душой своей постигшій ту истину, что успѣхъ на войнѣ зависитъ отъ степени подъема духа человѣческаго. Ему была извѣстна скрытая отъ огромнаго большинства людей святая тайна воспламененія огня въ сердцѣ каждаго воина, и онъ пользовался этимъ даромъ, превращая этотъ огонь въ ураганъ всесокрушающаго пламени. Даръ этотъ нельзя позаимствовать отъ людей, ибо онъ не отъ человѣка—нельзя передать его изъ устъ въ уста, т. к., съ переходомъ въ вѣчность, человѣкъ возвращаетъ его къ трону Создателя.

Родъ князей Багратіоновъ ведетъ свое начало съ IX столѣтія нашей эры. Нѣкоторые кн. Багратіоны были царями Имеретіи, Кахетіи и Карталиніи. При Императорѣ Александрѣ 1-мъ въ 1803 году кн. Багратіоны внесены въ число россійскихъ княжескихъ родовъ. Внукъ царя Грузіи Вахтанга VI состоялъ на русской службѣ еще при Екатеринѣ II-й и въ чинѣ генералъ-поручика командовалъ сибирской дивизіей; племянникъ же царя Вахтанга—царевичъ Александръ, въ то же царствованіе, былъ полковникомъ русской же службы. Внукъ этого царевича Александра и былъ герой отечественной войны—князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, который еще до этой войны составилъ себѣ имя, будучи однимъ изъ лучшихъ генераловъ въ арміи Суворова.

Кто не помнитъ дѣяній нашего безсмертнаго полководца, а также и того, что въ трудныя и рѣшительныя минуты Суворовъ возлагалъ на своего любимца—кн. Багратіона самыя отвѣтственныя порученія, говоря ему: „атакуй съ Богомъ“, или: „иди, Господь тебя благословитъ“,—и кн. Багратіонъ съ честью выполнялъ всѣ эти порученія.

Кн. Багратіонъ родился въ 1765 году и въ 1782 г. былъ уже сержантомъ въ мушкетерскомъ полку, съ которымъ и начинаетъ свое боевое поприще въ битвахъ съ кавказскими горцами въ 1783—84—86 и 90 г.г., а также принимаетъ участіе и при взятіи Очакова въ 1788 г. Въ ноябрѣ 1793 г. онъ уже произведенъ въ чинъ премьеръ-маіора и въ 1794 г. переведенъ въ Софійскій карабинерный полкъ, съ которымъ дѣйствуетъ противъ польскихъ конфедератовъ. Здѣсь, командуя небольшими отрядами, онъ выказываетъ въ полной мѣрѣ свое стремленіе всегда атаковать, а не ждать атаки непріятеля,—атаковать, несмотря на то, что численно онъ всегда слабѣе непріятеля: 25 іюня при Бресчи, 7 іюля при Сѣдлицахъ, 26 іюля—при Дерячинѣ, 21 сент.—при Тогнардни и 23 сент.—дѣло съ 6-ю польскими эскадронами, 13 окт. при С. Брокъ—вотъ краткій перечень тѣхъ смѣлыхъ и стремительныхъ налетовъ, которыми онъ составилъ уже извѣстность себѣ среди войскъ и былъ произведенъ въ подполковники. Ни разу за весь этотъ періодъ, онъ не потерпѣлъ неудачи, а наоборотъ наносилъ удары врагу, забирая даже плѣнныхъ и пушки. Во время штурма Праги, онъ отбрасываетъ многочисленную конницу поляковъ къ Вислѣ, чѣмъ облегчаетъ задачу по взятію этого предмѣстья. Тутъ Суворовъ обратилъ на него вниманіе, и съ этой поры кн. Багратіонъ становится близкимъ помощникомъ и сотрудникомъ великаго полководца,—становится однимъ изъ наиболѣе чуткихъ его учениковъ, подготовляя себѣ будущность славнаго вождя нашей арміи, вождя, вся дѣятель-

ность котораго является какъ бы продолженіемъ дѣлъ его учителя.

Въ 1798 г. кн. Багратіонъ былъ назначенъ шефомъ 6 Егерскаго полка и на слѣдующій годъ, будучи уже генералъ-маіоромъ, выступилъ въ итальянскій походъ въ рядахъ Суворовской арміи [1]). Во время этой кампаніи, блестящія страницы боевой дѣятельности кн. Багратіона смѣняютъ одна другую; тутъ—что ни дѣло, то новый лавръ въ вѣнокъ его славы. Командуя передовымъ отрядомъ изъ батальона и двухъ казачьихъ полковъ, онъ рѣшительно атакуетъ многочисленнаго непріятеля у Бресчіи и наноситъ ему пораженіе: беретъ 1.800 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ былъ и комендантъ этой крѣпости и 42 пушки. Непріятель отходитъ на Бергали, оставивъ у Пуцолло заслонъ силою до 7.000 съ 6-ю пушками. Багратіонъ 12 апрѣля атакуетъ и разбиваетъ этотъ отрядъ и, захвативъ 80 плѣнныхъ, гонитъ непріятеля до Лекко, и все это сравнительно съ небольшими силами.

1 мая у Лекко непріятель сосредоточилъ дивизію; у Багратіона было три казачьихъ полка, егерскій полкъ и бат. гренадеръ; съ ними онъ атакуетъ и наноситъ непріятелю потерю до 700 челов. Два раза непріятель, видя малочисленность войскъ Багратіона, переходитъ самъ въ наступленіе, но послѣ 12 часового боя, потерявъ болѣе 3.000 человѣкъ и 200 плѣнныхъ, отступаетъ. Багратіонъ былъ раненъ въ этотъ день пулею въ ногу. Подъ Тортоной Багратіонъ отражаетъ внезапную вылазку непріятеля. Подъ Александріей онъ искуснымъ маневромъ угрожаетъ обходомъ праваго фланга французовъ и наноситъ имъ потерю до 2.000 челов., захвативъ до 300 плѣнныхъ. На Тидонѣ, Требіи и Нурѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней идетъ упорный бой, при чемъ Багратіономъ взято до 1.600 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ до 120 офицеровъ,—взято также 13 знаменъ и 3 пушки. Подъ Серравали авангардъ Багратіона забралъ въ плѣнъ гарнизонъ этой крѣпостцы. Подъ Нови, во время атаки, онъ беретъ въ плѣнъ 4 генераловъ, 500 н. чиновъ и захватываетъ 21 пушку.

Начался Швейцарскій походъ, гдѣ на каждомъ шагу препят-

---

[1]) Въ гор. Веронѣ Суворову представлялись начальники арміи. Великій полководецъ стоялъ зажмурившись и когда ему называли фамиліи генераловъ, ничѣмъ не заявившихъ о себѣ на воен. поприщѣ, онъ, не открывая глазъ, говорилъ: „Помилуй Богъ—не слыхалъ“. Назвали Багратіона. Суворовъ взглянулъ на него и, сказавъ: „князь Петръ“, обнялъ его и поцѣловавъ въ глаза и въ губы, добавилъ: „Господь съ тобою“. У Багратіона показались на глазахъ слезы. Да и кого не потрясетъ эта глубоко проникновенная сцена.

ствія и отъ суровой природы, и отъ войскъ непріятеля, и отъ недостатка припасовъ, и, наконецъ,—отъ горной стужи. 13 сент. авангардъ Багратіона, состоящій изъ двухъ егерскихъ полковъ и 4 отдѣльныхъ б—новъ, настигъ непріятеля въ окрестностяхъ С.-Готарда у м. Айроло и пошелъ въ штыки противъ праваго фланга противника; послѣдній отступилъ и утвердился за скалами С.-Готарда, но это не остановило Багратіона, который не сталъ заниматься безполезной въ данномъ случаѣ перестрѣлкой, а снова пошелъ въ штыки и выбилъ французовъ изъ-за скалъ.

14 сент. онъ перешелъ черезъ „Чортовъ мостъ“ и гналъ французовъ до Люцернскаго озера. 16 онъ быстро атакуетъ небольшой непріятельскій отрядъ у д. Мутенталь и забираетъ его въ плѣнъ. 19 съ авангардомъ выступаетъ изъ Мутенталя къ Гларису и у дер. Кленталь встрѣчаетъ сильный отрядъ французовъ. Обойдя съ егерями правый непріятельскій флангъ, онъ ударилъ въ штыки и погналъ французовъ къ оз. Сейруте, захвативъ при этомъ въ плѣнъ командира полка и 70 н. чиновъ. Въ Сейруте, подъ его напоромъ, утонуло до 200 французовъ.

На другой день, соединившись съ дивизіею ген. Швейковскаго, Багратіонъ атакуетъ французовъ, укрѣпившихся на трудно доступной позиціи у Клопталя. Сраженіе длится цѣлый день, непріятель упорно сопротивляется. Багратіонъ контуженъ картечью, но все же въ полночь упорство французовъ сломлено, и они отступаютъ. 24 сент. мы видимъ Багратіона въ роли начальника арьергарда, прикрывающимъ отходъ арміи Суворова по невѣдомымъ никому горнымъ тропамъ, и здѣсь онъ, какъ раненый левъ, бросался на врага и не только не уступилъ ему ни пяди занимаемаго имъ мѣста, но даже самъ погналъ французовъ, вдохнувъ отвагу въ свои измученныя войска. Этимъ закончилась дѣятельность кн. Багратіона въ эту кампанію, и, конечно, имя его стало бы историческимъ, если бы судьбѣ было угодно поставить точку именно въ этомъ мѣстѣ его книги жизни, но она готовила его будущности еще много тяжелыхъ испытаній. Дѣйствія только лишь 24 сент. могли бы создать для Багратіона историческую извѣстность: сдай онъ тогда со своими голодными и измученными воинами передъ противникомъ и конецъ всѣхъ дѣлъ Суворова въ Швейцаріи былъ бы печаленъ; померкла бы слава русскихъ знаменъ, и самое имя Суворова и память о его „чудо-богатыряхъ“ не были бы такъ святы, какъ святы они теперь не только въ памяти русскаго человѣка, но и въ памяти горцевъ Швейцаріи. Не даромъ же среди нихъ живетъ повѣріе, что по горамъ ходитъ старикъ съ огневымъ взоромъ и ищетъ чего-то среди угрюмой природы. Это русскій полководецъ Суво-

ровъ, говорятъ они: ходитъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бились когда-то его воины; онъ посѣщаетъ могилы павшихъ въ бояхъ и молитъ Всевышняго о упокоеніи ихъ душъ (Петрушевскій—о Суворовѣ). Но Багратіонъ не сдалъ, и его свѣтлое имя не было омрачено темнымъ пятномъ, такъ же, какъ и слава воиновъ русскихъ и ихъ незабвеннаго великаго вождя.

Наступаютъ 1805—6 и 7 годы, и здѣсь на долю Багратіона выпадаетъ быть начальникомъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, изъ которыхъ съ честью только и могутъ выходить люди, одаренные свыше. Въ самомъ началѣ войны онъ уже, въ отвѣтственной роли начальника арьергарда, прикрываетъ отходъ арміи Кутузова и прикрываетъ съ успѣхомъ, но отнюдь не при посредствѣ пассивныхъ дѣйствій, а съ постояннымъ стремленіемъ атаковать. И онъ дѣйствительно атакуетъ, заставляетъ непріятеля отступать и забираетъ плѣнныхъ. Какъ хорошо и полно обрисованъ Багратіонъ въ шенграбенскомъ бою гр. Толстымъ, сдерживающій здѣсь со своимъ 6 тысячнымъ отрядомъ натискъ огромныхъ силъ французовъ. Въ этомъ описаніи такъ и сквозитъ то „нѣчто“, чѣмъ былъ одаренъ этотъ воинъ. Безъ многихъ словъ, безъ громкихъ фразъ онъ дѣйствуетъ на войска лишь только своимъ личнымъ присутствіемъ. Читатель не найдетъ въ этомъ правдивомъ повѣствованіи, переданномъ глубокимъ знатокомъ души человѣческой, никакихъ особыхъ приказаній, которыя исходили бы отъ Багратіона, нѣтъ,—онъ увидитъ его спокойно разъѣзжающимъ среди войскъ. Онъ то останавливается и всматривается въ поле сраженія, то подъѣзжаетъ къ войскамъ, какъ бы для того, чтобы посмотрѣть, что они дѣлаютъ,—на самомъ же дѣлѣ только для того, чтобы удостовѣриться въ томъ, что не колеблется ли духъ ихъ. На всѣ доклады адъютантовъ и начальствующихъ лицъ онъ, какъ бы нехотя, отвѣчаетъ: „хорошо, хорошо“. Можно подумать, читая все это, что онъ и совсѣмъ не интересуется этими докладами,—пропускаетъ ихъ мимо ушей, какъ нѣчто не важное и незначительное, но это не такъ. На самомъ дѣлѣ онъ все выслушиваетъ, все взвѣшиваетъ и это апатично сказанное, съ наклономъ головы, „хорошо“ произнесено имъ только лишь для успокоенія его войскъ, съ которыми онъ связанъ теперь невидимыми нитями, по которымъ его настроеніе передается и имъ.

Онъ все слышитъ и все видитъ и, какъ парящій подъ облаками орелъ, онъ уже знаетъ то мѣсто, куда ему нужно низвергнуться, чтобы схватить добычу, такъ и онъ въ рѣшительную минуту уже тамъ, гдѣ его присутствіе необходимо. „Молодцами идете“, говоритъ онъ полку, который, отбивая шагъ, стремится какъ лавина на-

встрѣчу непріятелю. „Рады стараться, го-го-го“ кричатъ польщенные похвалой солдаты, и этотъ вопль уже закрѣпилъ за ними побѣду, потому что они не захотятъ уже уронить себя въ его глазахъ, тѣмъ болѣе послѣ этой похвалы. Онъ и еще похвалитъ, думаютъ эти люди и въ предвкушеніи этого „еще“ каждый готовъ жертвовать жизнью. Да вотъ и самъ онъ идетъ уже съ ними, вотъ поднялась его рука съ обнаженной шашкой. Значитъ, настала минута. А-а-а, какъ стихійный ревъ ургана,—могучій и неотразимый застоналъ въ воздухѣ, и съ такимъ воплемъ и съ такимъ порывомъ нельзя быть побѣжденнымъ. Надо умѣть во-время прибыть туда, куда, по условіямъ боя,—это необходимо; надо умѣть похвалить безъ фальши,—отъ души и сердца, такъ, чтобы солдатъ почувствовалъ, что эта похвала есть братаніе начальника съ его простой солдатской душой; надо умѣть стать впереди части и вести ее въ бой, показывая примѣръ, но сдѣлать это безъ игры, безъ рисовки, а такъ, чтобы солдаты почувствовали, что идущій впереди ихъ начальникъ вдругъ сталъ такимъ же простымъ солдатомъ, какъ и они,—что онъ ихъ старшій братъ, который любитъ ихъ всѣмъ нутромъ своимъ, и тогда они начнутъ боготворить такого человѣка и въ огонь и воду пойдутъ за нимъ и грудью своею закроютъ его. Нужно знать и чувствовать, что душа человѣка русскаго соткана Творцомъ изъ иныхъ „струй“, нежели душа француза, итальянца и т. д. Быть можетъ, Творецъ для созданія этихъ душъ взялъ горячій солнечный лучъ, и душа, не утративъ внутренняго жара, вложеннаго въ нее отъ начала временъ, получила способность воспламеняться отъ какого-нибудь пустяка:—отъ высокопарнаго слова,—отъ театральнаго жеста,—въ чемъ, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего теплотворнаго, „Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ“, слышитъ эта душа и видитъ, что говорящій эти слова выкрикиваетъ ихъ съ полнымъ театральнаго паѳоса жестомъ,—и этого довольно для ея воспламененія, ибо достаточно прикоснуться тлѣющимъ угольком къ ней, чтобы загорѣлся неглубоко скрытый въ ней внутренній очагъ. А русская душа,—изъ чего ты соткана Творцомъ, неуловимая въ глубинѣ своей? то холодная, то нѣжная и любящая до предѣловъ святой ласки материнской; то безропотная въ страданіи, то спокойная въ радости. Кто пойметъ тебя и кто дойдетъ до глубинъ твоихъ и найдетъ въ нихъ тотъ святой огонекъ вѣчно горящей предъ Трономъ Создателя лампады, изъ луча которой Онъ и соткалъ, быть можетъ, твои фибры. Только геній можетъ проникнуть въ глубины твои, ибо предъ нимъ снимаются печати отъ нѣдръ твоихъ.

Помню, во время турецкой войны довелось мнѣ быть въ

3-хъ дневномъ бою въ окрестностяхъ Карса, и мы не имѣли тогда того успѣха, на который надѣялись. Богъ знаетъ—чему это приписать,—быть можетъ и тому, что мѣстность была безводна, и всѣ страдали отъ жажды. Библейскій старецъ, Араратъ, въ бѣлой снѣжной шапкѣ, былъ великолѣпенъ. Кутаясь въ туманной фіолетовой дымкѣ солнечнаго заката, онъ хмуро смотрѣлъ на человѣческій муравейникъ, копошащійся гдѣ-то тамъ въ дали—у его подножія. И безстрастенъ былъ старикъ ко всѣмъ воплямъ и стонамъ человѣческимъ, несущимся изъ глубины, какъ безстрастна къ нимъ и сѣдая вѣчность. И мнѣ пришла тогда въ голову такая мысль: что, если бы кто-либо изъ генераловъ, или самъ главнокомандующій, котораго очень любили въ арміи, собравъ утомленныя войска, сказалъ бы, указывая на Араратъ: ребята, океаны вѣковъ смотрятъ на васъ съ убѣленной сѣдиной вершины этой горы—и т. д. Думаю: ничего бы изъ этого не вышло, и результатъ получился бы приблизительно такой:

— Чавой то ёнъ говорилъ,—спросилъ бы Ивановъ у Петрова по окончаніи этого „парада“.

— А кто е знаетъ чаво,—рази поймешь ихъ, про чаво они говорятъ; тыкнулъ энто значитъ въ гору, да и говоритъ, что каки-то вѣки оттель на насъ уставились, а каки-таки и не разберешь.

— Что жъ,—коли глядятъ, то и пущай себѣ глядятъ,—сказалъ бы Ивановъ.

— И пущай глядятъ,—подтвердилъ бы Петровъ и вслѣдъ за этимъ заговорилъ бы о какихъ-нибудь подметкахъ, которыя у него износились или о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ. Словомъ: изъ всего этого получился бы только лишь мыльный пузырь.

Помню: въ кавказской арміи былъ одинъ старый генералъ, которому секретъ проникновенія въ тайники души солдатской былъ повидимому отчасти знакомъ. Какъ и всегда можетъ случиться на войнѣ, войска очень обносились обувью. Солдаты ходили либо въ стоптанныхъ сапогахъ, изъ которыхъ торчали пальцы, либо въ самодѣльныхъ рваныхъ опоркахъ. Писали, куда надо, и говорили кому слѣдовало, а сапогъ все нѣтъ. Люди ходятъ понурые,—начальники затылки почесываютъ. Словомъ: вопросъ былъ остръ для всѣхъ. Пріѣзжаетъ этотъ генералъ—смотритъ полки. Солдаты выстроены. Пальцы изъ сапогъ торчатъ, опорки воніютъ о своемъ убожествѣ. Начальникъ волнуется: распушитъ, молъ, насъ неповинныхъ, и будетъ стыдъ передъ людьми. Подъѣхалъ старикъ и сразу поправилъ дѣло и не тѣмъ, конечно, что привезъ съ собою сапоги для раздачи, а чѣмъ-то другимъ, на что, быть можетъ, онъ только одинъ и былъ здѣсь способенъ: „Здорово, солдатушки“, сказалъ онъ

громко и такимъ задушевнымъ тономъ, слыша который, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что стоящіе передъ нимъ люди дѣйствительно для него „солдатушки-ребятушки“ и что онъ желаетъ имъ здоровья не потому, что это такъ принято при привѣтствіи, а отъ души и сердца, какъ любящій и желающій имъ всякаго добра старый ихъ начальникъ. Солдаты сразу уловили это и насторожились, ожидая, что-то еще имъ скажетъ этотъ старикъ; а онъ непремѣнно скажетъ, иначе и быть не можетъ. И онъ дѣйствительно сказалъ; всего только три слова и сказалъ имъ, но и этимъ онъ уже привлекъ ихъ простыя сердца. И ничего не было особеннаго въ этихъ словахъ, но именно въ силу ихъ крайней задушевности и простоты, они и дошли до глубины: „Какъ ваши сапожки?“ услышали люди вопросъ, послѣ того, какъ дружно отвѣтили старику на привѣтствіе. Лица солдатъ сразу почему-то повеселѣли; послышался даже сдержанный смѣхъ въ заднихъ рядахъ, и полкъ сбросилъ съ лица своего уныніе и тоску и превратился въ часть, хотя и одѣтую въ лохмотья и опорки, но бодрую и твердую духомъ.

— Орелъ старикъ-то,—говорилъ послѣ смотра Ивановъ Петрову.

— Н-да, братъ, жалословый: какъ, гритъ: ваши сапожки, въ самую жилу, значитъ, угодилъ, потому все горе теперь отъ сапоговъ происходитъ.

— Енъ до всего дойдетъ.

— Дойдетъ; съ такимъ не пропадешь... и т. д.

Зато когда Елизаветпольскій полкъ шелъ подъ Ардаганомъ на штурмъ сильнаго форта Гюлябердъ, то стоило этому старику только сказать солдатамъ: „навались, ребятушки“, и они духомъ взобрались на высокую гору и штыками вырвали у турокъ сильный фортъ и ключъ къ крѣпости. Вотъ какое впечатлѣніе производятъ на сердце солдатское высокопарныя фразы объ „океанахъ вѣковъ“, и вотъ что дѣлаютъ безхитростныя три слова по поводу изношенныхъ солдатскихъ сапогъ. Нужно только умѣть сказать эти слова. Другой бы и сказалъ, да только ровнымъ счетомъ изъ этого ничего бы не вышло.

Вотъ тотъ „секретъ“, который въ сердцѣ своемъ носилъ и кн. Багратіонъ; вотъ то „нѣчто“, при посредствѣ чего онъ улавливалъ солдатскія души, покоряя ихъ себѣ и дѣлая людей героями [1]).

Продолжаемъ дальнѣйшее повѣствованіе о дѣятельности кн. Ба-

---

[1]) Не даромъ же солдаты въ пылу боя кидались къ нему, цѣловали его стремя и кричали: „Отецъ нашъ, веди насъ, умремъ съ тобою“.

гратіона:—14-го ноября 1805 г. онъ со своимъ авангардомъ ведетъ упорный бой подъ Вишау, и непріятель подъ его напоромъ отходитъ до Раусница, гдѣ, несмотря на соединеніе войскъ противника, Багратіонъ все же успѣшно его атакуетъ и беретъ въ плѣнъ 23 офиц. и 500 н. чиновъ.

Послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ, онъ ведетъ арьергардный бой у М. Уртицъ.

За войну 1805 г. кн. Багратіонъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и орденъ Св. Георгія 2-й ст.

Въ кампаніи 1807 г. кн. Багратіонъ принимаетъ едва-ли не самое видное участіе. По обыкновенію, онъ то авангардный, то арьергардн. начальникъ, словомъ—на отвѣтственныхъ постахъ.

15-го января, онъ съ авангардомъ выбиваетъ французовъ изъ ретраншаментовъ Замборы. Тѣмъ временемъ подоспѣваетъ Наполеонъ съ гл. силами и тѣснитъ нашу армію, которую Багратіонъ прикрываетъ своимъ арьергардомъ. Главнокомандующій Беннигсенъ рѣшаетъ дать у Прейсишъ-Эйлау отпоръ противнику и приказываетъ Багратіону во что бы то ни стало задержать французовъ, чтобы дать возможность присоединиться къ арміи слѣдовавшимъ изъ Вольфдорфа батарейнымъ пушкамъ. Французы атаковали нѣсколько разъ, но Багратіонъ отразилъ ихъ и стоялъ до тѣхъ поръ, пока не приказали ему присоединиться къ арміи. Въ теченіе дальнѣйшаго 2-хъ дневнаго боя, онъ, присоединивъ къ своимъ войскамъ и корпусъ Дохтурова, много способствовалъ одержанной тогда побѣдѣ.

До 23 мая кн. Багратіонъ принималъ непосредственное участіе во многихъ мелкихъ дѣлахъ въ прежней своей роли. Онъ то атакуетъ, то устраиваетъ засады и всегда съ успѣхомъ. Перечислить всѣ эти дѣла въ этомъ краткомъ очеркѣ трудно. 24 мая онъ ведетъ бой съ сильнымъ отрядомъ французовъ у Альткирхена. Въ этомъ бою кн. Багратіонъ предварительно маневрируетъ, стараясь поставить свой авангардъ въ наивыгоднѣйшее для нанесенія рѣшительнаго удара противнику положеніе. Непріятель правымъ своимъ флангомъ занялъ Альткирхенъ, лѣвый прикрылъ за густымъ лѣсомъ, а на фронтѣ расположилъ сильныя батареи и множество стрѣлковъ. Передъ фронтомъ мѣстность была болотистая и сильно изрытая. Багратіонъ поставилъ отряды Багговута и Раевскаго противъ фланговъ непріятеля, а самъ во главѣ главной массы своихъ войскъ пошелъ въ штыки на фронтъ непріятеля, который, не выждавъ удара, бросилъ позицію. Конница наша съ конной артил. преслѣдовали и нанесли французамъ значительный уронъ. Въ этомъ дѣлѣ непріятель былъ численно сильнѣе насъ, да и позиція его была крѣпка, но вѣдь Багратіонъ, а не кто другой атаковалъ фран-

цузовъ. Давъ войскамъ кратковременный отдыхъ у дер. Квецъ, Багратіонъ въ 3 ч. утра слѣдующаго дня снимается съ бивака и настигаетъ ихъ на высотахъ у дер. Анкендорфъ. Правый ихъ флангъ занималъ высокую лѣсистую гору, гдѣ были и батареи, а лѣвый былъ прикрытъ болотами. Передъ всей ихъ позиціей была открытая равнина. Снова повторилась вчерашняя же исторія: прикрываясь огнемъ артиллеріи, Багратіонъ ведетъ атаку противъ праваго фланга и принуждаетъ непріятеля къ отступленію, преслѣдуя его конницею Уварова. Оба эти дѣла ведены съ необычайной энергіей. „Глазомѣръ, быстрота и натискъ".

Непріятель отошелъ за р. Пассаргу; ночью въ тотъ же день, Багратіонъ посылаетъ Платова съ казаками, которые тревожатъ его пикеты и берутъ плѣнныхъ. Сидѣть на плечахъ отходящаго непріятеля и днемъ, и ночью, — вотъ обычная тактика Багратіона. На слѣдующій день французы успѣли подкрѣпиться свѣжими войсками и рѣшили перейти въ наступленіе, имѣя намѣреніе открыть себѣ путь на Кенигсбергъ. 27 мая они начали переправу черезъ Пассаргу, намѣреваясь обойти правый флангъ нашей арміи. Нашъ главнокомандующій, получивъ объ этомъ извѣстіе отъ Багратіона, началъ отходить къ Гейльсбергу, прикрываясь арьергардомъ Багратіона. 28 мая, сильно напирая на арьергардъ, непріятель атаковалъ его своею конницею. Это было у Гутштата. Несмотря на порывъ и энергію, которыми сопровождалась эта атака, она все же была неудачна. Ощетиненныя штыками каре отбили эти атаки, и такъ повторялось нѣсколько разъ, пока вечеромъ этого числа кн. Багратіонъ не присоединился къ арміи на позиціи у Гейльсберга, гдѣ главнокомандующій нашъ рѣшилъ встрѣтить французовъ, но 29 числа опредѣлилось, что французы берутъ направленіе не на Гейльсбергъ, а на Лаунау, и тогда Багратіону приказано выступить противъ непріятеля и боемъ привлечь его къ нашей позиціи. Задача, какъ видно, требующая большого искусства и выдержки, и Багратіонъ все это выполняетъ съ полнымъ успѣхомъ. Встрѣтивъ французовъ, онъ вступилъ съ ними въ бой, дѣлая видъ, что препятствуетъ ему на переправѣ черезъ рѣчку, но потомъ онъ начинаетъ медленно отходить, чѣмъ и увлекаетъ за собою французовъ, которые мало-по-малу всѣ устремляются за его слабыми силами. Отходя такимъ образомъ, Багратіонъ привелъ за собою французовъ къ нашимъ гл. силамъ и предоставилъ ихъ дѣятельности нашего главнокомандующаго. Государь Императоръ изволилъ выразить ему за всѣ эти дѣйствія Свое особое Монаршее Благоволеніе.

Послѣ этого Багратіонъ прикрываетъ отходъ арміи къ Бартенштейну. Онъ до утра 31 мая держится у Гейльсберга, давая воз-

можность арміи нашей продвинуться дальше и, задерживая французовъ на переправѣ черезъ р. Алле, но около 11 ч. дня 31 мая непріятель перебросилъ большія силы черезъ эту рѣчку, и тогда кн. Багратіонъ началъ отходить, но, остановившись за дер. Лаутергагенъ, еще на два часа задержалъ противника и уже послѣ сего отошелъ къ Бартенштейну и оттуда присоединился къ арміи у Фридланда, гдѣ снова рѣшено было дать сраженіе.

2-го іюня была битва подъ Фридландомъ. Кн. Багратіонъ командуетъ войсками, занимавшими лѣвый флангъ нашей позиціи. Французы противъ этого фланга занимали большими силами лѣсъ, изъ котораго они могли всегда внезапно на насъ обрушиться. Багратіонъ рѣшилъ выбить ихъ отсюда. Построивъ свои полки къ атакѣ, онъ ведетъ ихъ на штурмъ, врывается въ лѣсъ и, несмотря на самоотверженное сопротивленіе, овладѣваетъ имъ. Это дало возможность ему имѣть передъ собою болѣе широкій кругозоръ. Непріятель сознавалъ значеніе этой утраты и напрягалъ усилія, чтобы вернуть таковую, но долго имъ не удавалось это осуществить. Наконецъ, сосредоточивъ огромныя силы, они ворвались снова въ лѣсъ, но дальше идти не рѣшались и только лишь въ 7 ч. вечера, собравшись съ новыми силами, они повели дальнѣйшую атаку. Кн. Багратіонъ подвергался ежеминутной смертельной опасности, но, по обыкновенію, соблюдалъ полное спокойствіе, руководя боемъ до наступленія темноты.

По окончаніи боя Багратіонъ снова прикрываетъ отходъ арміи къ Тильзиту. Почти ежедневно при этомъ у него происходили то бои, то перестрѣлки съ французами: то онъ задерживаетъ ихъ при переправахъ, то прикрываетъ корпусъ пруссаковъ, слѣдующій изъ Кенигсберга и долженствующій пройти черезъ 1½ верстную плотину въ лѣсу Гроссъ-Баушвальдъ, то прикрываетъ переправу нашей арміи черезъ Нѣманъ близъ Тильзита, послѣ чего и самъ съ арьергардомъ, подъ напоромъ противника, переправляется черезъ эту рѣку, препятствуя потомъ переправѣ непріятеля.

Вотъ та дѣятельность, которую проявилъ кн. Багратіонъ въ войну 1807 года. Всѣ тѣ порученія, которыя на него возлагали, показываютъ сами собой на то выдающееся положеніе, которое онъ занималъ тогда среди прочихъ нашихъ военачальниковъ.

Въ 1808 году была объявлена война со Швеціей. Кн. Багратіонъ 9-го февраля 1808 г. принялъ начальство надъ 21 пѣх. дивизіей и во главѣ ея выступилъ въ Тавастгусъ, гдѣ и получилъ приказаніе: слѣдовать къ Біорнсборгу и занять побережье Ботническаго залива и Аландскіе острова. Въ теченіе 8 дней войска Багратіона сдѣлали 200 верстъ и дошли до Біорнсборга, тѣсня

шведовъ, которые устройствомъ засадъ и уничтоженіемъ переправъ всячески старались задерживать наступленіе войскъ Багратіона. На берегу р. Кумо арьергардъ непріятеля рѣшилъ вступить въ бой, но Багратіонъ артиллерійскимъ огнемъ потѣснилъ шведовъ къ ихъ главнымъ силамъ, занявшимъ уже сильную позицію.

Багратіонъ безъ промедленія атакуетъ, сбиваетъ непріятеля съ позиціи и до поздней ночи преслѣдуетъ шведовъ, захвативъ въ плѣнъ 7 офицеровъ и 50 рядовыхъ. Послѣ этого, 6-го марта, безъ боя былъ занятъ Біорнсборгъ. Такъ на непріятеля подѣйствовалъ быстрый натискъ русскихъ Багратіоновыхъ полковъ — и тутъ уже начинается побѣдоносное шествіе этихъ полковъ: 10 марта занятъ Або, 12 — Христіанштадтъ, а 26 — Ваза. Въ то же время былъ посланъ отрядъ на Аландскіе острова, и они были заняты. Такимъ образомъ данная Багратіону задача была рѣшена имъ чрезвычайно быстро. Но все это не понудило шведовъ пойти навстрѣчу желаніямъ и цѣлямъ русскаго Императора, въ силу чего 26 февраля 1809 г. Багратіонъ снова выступаетъ въ походъ на Аландскіе острова. Выступивъ означеннаго числа 5-ю колоннами, онъ въ теченіе 4-хъ дней совершаетъ маршъ по льду и 2-го марта доходитъ до цѣли и въ теченіе 3-хъ дней очищаетъ острова отъ войскъ непріятеля. Въ то же время конница Кульнева, преслѣдуя бѣгущихъ съ острововъ шведовъ, заняла часть территоріи на Скандинавскомъ полуостровѣ и послѣ упорнаго боя овладѣла м. Гриссельгамъ. Тогда былъ заключенъ миръ. И снова, при оцѣнкѣ всѣхъ этихъ дѣйствій Багратіона, невольно вспоминаются три завѣтныя слова: глазомѣръ, быстрота и натискъ.

За эти дѣйствія Багратіонъ былъ пожалованъ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи и, получивъ въ командованіе Молдавскую армію, вступилъ на этотъ высокій постъ въ августѣ 1809 года.

Прибывъ къ своей арміи, онъ приказалъ продолжать начатую до него блокаду Измаила, но не имѣлъ намѣренія оставаться при этомъ пунктѣ съ главной массой своихъ войскъ. Наоборотъ: главное его намѣреніе заключалось въ быстромъ движеніи за Дунай, дабы путемъ активныхъ дѣйствій достигнуть побѣды. Для этого онъ посылаетъ отряды: ген. Маркова къ Матчину, а Платова—къ Гирсово, съ цѣлью овладѣнія этими пунктами, закрывавшими ему путь за Дунай. 18-го августа Матчинъ, послѣ непродолжительной блокады, сдался съ гарнизономъ (28 офиц., 3.100 н. чин., 13 пушекъ, знамя и всѣ запасы); такъ же быстро покончено и съ Гирсово, въ которомъ взято 1.000 плѣнныхъ. Багратіонъ, получивъ свободный ходъ за Дунай, перенесъ свою гл. квартиру въ Рассеватъ.

Отсюда онъ двигается къ Троянову валу 3-мя колоннами, на-

правляя правую къ Черноводамъ, среднюю—къ Карасу, а лѣвую—къ Кустенджи — на берегу Чернаго моря. Узнавъ, что этотъ послѣдній пунктъ сильно занятъ турками, онъ и среднюю колонну направляетъ туда же. Кустенджи былъ сильно укрѣпленъ. Находясь на полуостровѣ и окруженный глубокими рвами и высокими валами, онъ представлялъ значительную твердыню. Въ городѣ было до 500 каменныхъ домовъ, и каждый изъ нихъ могъ служить редюитомъ. Но турки не использовали всего этого, и когда началась бомбардировка, то они сдались. Такъ же быстро покончилъ Багратіонъ съ 12-ти тысячнымъ корпусомъ отборныхъ войскъ непріятеля, сосредоточеннымъ у С. Рассеватъ подъ командою Сераскира-Паши, но здѣсь дѣло не обошлось безъ кровопролитія, и непріятель держался очень стойко; но въ концѣ концовъ турки все же были выбиты изъ Рассевата и въ теченіе 8 часовъ преслѣдованы конницею. Тутъ взято: много знаменъ, 14 пушекъ и 1.000 плѣнныхъ; убитыми и ранеными турки потеряли до 4.000 человѣкъ. Это было 4-го сентября.

10-го сентября Багратіонъ начинаетъ блокаду Силистріи, не прекращая въ то же время активныхъ дѣйствій Войска его одерживаютъ рядъ побѣдъ: подъ Каларашемъ, Монгаліей, Ковариы, Варною, Базарджикомъ и Рущукомъ. Въ этотъ же періодъ времени палъ и Измаилъ.

Закончилъ Багратіонъ свои дѣйствія въ 1809 году тѣмъ, что у дер. Татарицъ—10 окт. нанесъ пораженіе Алепискому 3-хъ бунчужному пашѣ, который былъ высланъ противъ Багратіона великимъ визиремъ. Такъ же, какъ и подъ Рассеватомъ, турки и здѣсь выказали стойкость въ сопротивленіи, но побѣда все же осталась за Багратіономъ. На долю русскихъ достались снова значительные трофеи.

Наступившая зима прекратила военныя дѣйствія, но въ сущности говоря 2½ мѣсячный періодъ, въ теченіе котораго они производились, очень малъ для того, чтобы возможно было сдѣлать такъ много, какъ сдѣлалъ Багратіонъ со своими славными войсками, которыя, какъ видно, получили орлиныя крылья, съ прибытіемъ въ ихъ станъ новаго вождя.

Наступилъ 1812 годъ, когда мы видимъ кн. Багратіона на отвѣтственномъ посту командующаго 2-й арміей. Онъ былъ еще далеко не старъ къ этому времени и имѣлъ только 47 лѣтъ. Постоянные походы и битвы вполнѣ подготовили его къ той важной роли, которую судьба приготовила для него во время отечественной войны, но онъ бралъ на себя эту трудную задачу со спокойной совѣстью, такъ какъ закрѣпилъ за собою это высокое положеніе

въ той „школѣ“, полной трудовъ и лишеній, учиться въ которой приходится далеко не каждому военному и тѣмъ болѣе—учиться такъ продолжительно и успѣшно, какъ это довелось кн. Багратіону. Въ школѣ этой пули, ядра, бомбы и картечи читаютъ ученикамъ свои проникновенныя лекціи и къ ея „дверямъ“ нужно подходить съ пламенной молитвой. Кому же, какъ не ему—талантливѣйшему изъ учениковъ этой „школы“ и тонкому знатоку и ловцу душъ человѣческихъ было стоять во главѣ одной изъ нашихъ армій, готовыхъ оказать сопротивленіе нашествію враговъ.

Въ арміи князя Багратіона передъ началомъ войны 1812 г. было 58 б—новъ, 52 эскадрона, 216 орудій и 9 казачьихъ полковъ, что составляло 48 т. человѣкъ. Въ составъ арміи входили слѣдующія части войскъ: 7-й корпусъ—Раевскаго: 26 дивизія Паскевича, 12-я Колюбакина и Ахтырскіе гусары; 8-й корпусъ Бороздина: 2-я грен. дивизія—принца Мекленбургскаго, сводная гренад. дивизія гр. Воронцова и 2-я кирасирская дивизія Кноринга; 4-й кавалерійскій корпусъ графа Сиверса, въ составъ котораго входили: Харьковскій, Черниговскій, Кіевскій и Новороссійскій драгунскіе и Литовскій уланскій полкъ; въ составъ же этого корпуса входила и вновь сформированная 27-я дивизія Невѣровскаго, которая была на маршѣ изъ Москвы. Кромѣ того въ составъ 2-й арміи входили 9 каз. полковъ Платова.

Въ то время, какъ наша 1-я армія, насчитывающая въ своихъ рядахъ 127 т. человѣкъ и 558 орудій, была раскинута на С. и Ю. отъ Вильны на фронтѣ 200 съ небольшимъ верстъ и въ глубинѣ до 120 в., кн. Багратіонъ съ арміей своей занималъ фронтъ 50 в. (если не считать казаковъ Платова) и армія его была расположена такъ: 8-й корп.—у Волковыска, 7-й—у Н. Двора и 4-й—у Зельвы. Платовъ стоялъ у Гродно. Наполеонъ въ это время находился въ Дрезденѣ; армія его была разбросана отъ Кенигсберга до Люблина—и все, повидимому, благопріятствовало нашему противнику: огромная армія, гордая своими побѣдами и вѣрящая въ счастливую звѣзду и мудрость своего руководителя; опытные въ своемъ дѣлѣ маршалы, составившіе славу себѣ въ безчисленныхъ бояхъ, и наконецъ стоящій во главѣ этой арміи вождь, достигшій необычайной для обыкновеннаго смертнаго высоты своего положенія. И вся эта масса непріятельскихъ войскъ готова была наводнить страну, въ которой жилъ невѣдомый ей народъ, тепло, — безъ пафоса и рисовки любящій свою родину и готовый пожертвовать многимъ для того, чтобы она, съ ея проникнутыми тихой грустью полями, съ дремучими лѣсами, съ многоводными и тихо катящими свои струи рѣками и пріютившимися среди тишины и простора деревеньками и

усадьбами, — не досталась бы въ руки непріятеля. Воины этой страны, не менѣе закаленные въ бояхъ, нежели воины врага, уступали значительно ему въ своей численности, но вожди этихъ воиновъ были искусны и опытны въ своемъ дѣлѣ.

Въ то время, какъ у Наполеона близъ нашей границы было сосредоточено около 500 т. человѣкъ, мы въ своихъ рядахъ насчитывали не болѣе 218 т. бойцовъ, считая въ томъ числѣ и 3-ю армію Тормасова, числящую въ своихъ рядахъ до 45 т., и корпусъ Эртеля 9.500 чел., которые не могли принять прямого участія въ сопротивленіи врагу. Слѣдовательно, почти передъ 500 тысячной арміей непріятеля мы имѣли всего только около 165 т. Но этого еще мало: въ тылу у Наполеона — огромные резервы, которые онъ въ случаѣ надобности можетъ притянуть къ арміи; цѣлыхъ два корпуса Виктора и Ожеро стоятъ на Вислѣ и въ Берлинѣ; изъ Франціи и другихъ подвластныхъ странъ спѣшатъ маршевые батальоны, горящіе желаніемъ снискать себѣ побѣдоносные лавры надъ врагомъ, гибель котораго въ ихъ отуманенныхъ очахъ неизбѣжна. За свой тылъ Наполеону, повидимому, не приходилось особенно опасаться, ибо все, что пройдено имъ, — все было имъ же и загипнотизировано, и всѣ подвластные ему народы какъ будто и не скорбѣли объ утратѣ своей политической личности. Они ликовали вмѣстѣ съ нимъ при успѣхѣ и быть можетъ стали бы грустить при неудачѣ. При наличности всего этого можно было и не оглядываться назадъ, а наводнить непокоренную еще страну своими полчищами, и тогда она будетъ, конечно, униженно молить его о пощадѣ. Въ противоположность непріятелю, въ тылу нашихъ армій на сотни верстъ не стояло ни одного вооруженнаго воина, и тѣ защитники, которыхъ готовила тогда Русь въ помощь своей арміи, — находились далеко-далеко за лѣсами и болотами, и они не были еще обучены, такъ какъ ихъ только что взяли отъ сохи и призвали къ великому дѣлу—постоять за Вѣру, Царя и Отечество. Вотъ то положеніе, въ которомъ была Россія передъ началомъ великаго испытанія.

Наведя мосты черезъ Нѣманъ у Ковно, Наполеонъ 12 іюня, во главѣ 250 т., перешелъ черезъ рѣку и занялъ никѣмъ не защищаемый городъ. 16-го числа передовыя части его арміи уже атаковали арьергардъ корпуса Тучкова 1-го, который отошелъ на правый берегъ Вилíи, направляясь къ Свенцянамъ, въ окрестности которыхъ стягивалась 1-я армія. Въ тотъ же день Наполеонъ торжественно въѣхалъ въ Вильно, гдѣ и встрѣченъ былъ ликующимъ польскимъ населеніемъ города, хотя жителямъ селъ и деревень всего наводненнаго войсками непріятеля пространства между Нѣ-

маномъ и Вилiей,—едва-ли проходилось ликовать, такъ какъ дома ихъ были разорены, поля потоптаны, и сами они начали уже искать спасенія въ лѣсахъ и дебряхъ.

Занятіемъ Вильно Наполеонъ разобщилъ наши 1-ю и 2-ю арміи, и такимъ образомъ съ этого времени задача, выпавшая на долю кн. Багратіона, изолированнаго со своею малочисленною арміею отъ главныхъ нашихъ силъ, становится очень не легкою. Какъ извѣстно: 1-я армія, сосредоточившись у Свенцянъ, пошла отсюда не по минской дорогѣ, двигаясь по которой, она сближалась бы со 2-ю арміей, а—въ совершенно противоположномъ направленіи и 27 іюня сосредоточилась въ укрѣпленномъ лагерѣ у Дриссы, и такимъ образомъ разстояніе между арміями достигло 300 верстъ, считая по прямому направленію.

Во время переправы французовъ черезъ Нѣманъ армія кн. Багратіона находилась у Волковыска. Силы противника, напиравшаго на эту армію съ разныхъ сторонъ, были очень велики и въ то время, какъ у Багратіона было только около 50 т., французы могли насчитывать у себя до 240.000. И дѣйствительно: изъ Вильно по направленію Ошмяны—Минскъ устремился съ 50 т. Даву; оттуда же съ корпусами Сенъ-Сира и Груши потянулся вице-король Италійскій съ 80 т. Уже эти войска значительно превышали численность 2-й арміи. Но этимъ еще не исчерпывались силы непріятеля. Со стороны Гродно король Вестфальскій ведетъ корпуса Понятовскаго, Вандама, Латуръ-Мабура и Ренье—въ общей сложности—до 80 т. и наконецъ съ Ю.-З. на Волковыскъ устремляется 30-тысячный корпусъ Шварценберга съ цѣлью—либо атаковать Багратіона, либо изолировать его отъ 3-й арміи Тормасова. Вотъ то положеніе, въ которое былъ поставленъ кн. Багратіонъ въ самомъ началѣ кампаніи,—положеніе, изъ котораго, повидимому, выходъ одинъ:—это отходить скорѣе на востокъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ искать возможности соединиться гдѣ-либо съ 1-ю арміей, тѣмъ болѣе, что въ этомъ соединеніи видѣли залогъ успѣха, какъ Государь, такъ и Россія. Всѣ взоры въ это время были обращены главнымъ образомъ на 2-ю армію и ея вождя, и много теплыхъ молитвъ неслось къ Создателю о томъ, чтобы Онъ послалъ помощь Свою войскамъ въ столь трудномъ положеніи.

Завѣты Суворова прочно укоренились въ душѣ кн. Багратіона, и вотъ о чемъ помышляетъ онъ въ это тяжкое для него время. Не о движеніи назадъ и поспѣшной ретирадѣ думаетъ онъ, а наоборотъ: о быстромъ наступленіи. Онъ пишетъ в. министру: „Если благоугодно будетъ Его Императорскому Величеству сдѣлать диверсію, по сердечнымъ чувствамъ и по духу извѣстнаго мнѣ

воинства россійскаго выгоднѣйшую, которая имѣть будетъ особое вліяніе на всю Польшу и на движеніе союзныхъ армій непріятельскихъ, то я прошу разрѣшенія, чтобы съ корпусомъ Платова и арміею, мнѣ ввѣренною, позволено было идти черезъ Бѣлостокъ и Остроленку въ Варшаву. Поражая и истребляя непріятеля, въ сихъ мѣстахъ противъ меня расположеннаго, если наконецъ я найду себя въ необходимости отъ превосходнѣйшаго несравненно въ силахъ отступать и разумѣется уже не къ Борисову, то еще буду имѣть время воспользоваться симъ черезъ Брестъ-Литовскій и соединиться съ Тормасовымъ, который долженъ идти къ Бресту, чтобы совокупно отразить силы непріятельскія подъ командою кн. Шварценберга и другихъ начальниковъ польскихъ тамъ состоящія (Михайл.-Данилевскій). Вотъ какъ намѣревался поступить кн. Багратіонъ „въ духѣ воинства россійскаго“. Предложеніе это осталось безъ отвѣта, и мы не въ правѣ касаться его стратегической стороны, но упомянули о немъ, дабы освѣтить его духъ и тѣмъ обрисовать красоту души одного изъ славныхъ вождей русской арміи.

Исполняя полученную отъ Государя директиву о настоятельномъ соединеніи 2-й арміи съ 1-й, кн. Багратіонъ 17-го іюня начинаетъ маршъ на Слонимъ и оттуда сворачиваетъ на Новогрудскъ, намѣреваясь, какъ и было ему вторично указано Императоромъ,—черезъ Вилейку идти къ 1-й арміи. Онъ знаетъ, что на этомъ пути встрѣтитъ большія силы французовъ, которые всю энергію будутъ напрягать къ тому, чтобы не только не допустить этого соединенія, но и разбить 2-ю нашу армію, но онъ идетъ, надѣясь на духъ воинства россійскаго и на помощь Божію въ столь трудномъ своемъ положеніи. Духъ бодрости и надежда на успѣхъ видимо не покидали кн. Багратіона, и онъ пишетъ Государю: „Опредѣлить точно времени соединенія съ 1-й арміей не смѣю, поелику удостовѣренъ, что непріятель будетъ преграждать путь и безпокоить войска на походѣ толикаго пространства, но по мѣрѣ силъ 2-й арміи и всеподданнѣйшаго усердія, слѣдовать по мановеніямъ Монаршимъ отражая враговъ, поспѣшу въ точности исполнить волю Вашего Императорскаго Величества“.

Отправивъ лишніе обозы и больныхъ въ Бобруйскъ, онъ усиленными переходами стремится къ д. Николаеву на Нѣманѣ, гдѣ намѣревается устроить переправу черезъ эту рѣку. 22-го іюня, пройдя безъ дневокъ 150 верстъ, онъ достигаетъ этого пункта и начинаетъ переправлять армію. Характеренъ приказъ по арміи, отданный приблизительно въ это время: „Непріятель спѣшитъ къ гор. Минску; спѣшимъ и мы, гдѣ ихъ настигнемъ, атаковать храбро,

быстро; стрѣльбою не заниматься: артиллеріи бить мѣтко; иррегулярнымъ войскамъ стараться окружить ихъ флангъ и тылъ. Сіе имъ способно: только должно мастерски поступать. Регулярная кавалерія атакуетъ быстро, но весьма стройно, не разсыпаясь никакъ. Эскадроны должны въ атакѣ другъ друга подкрѣплять, имѣя резервы и фланги прикрытыми. Кавалерія должна быть расположена пошахматному. Рекомендую г.г. шефамъ полковъ, чтобы люди для унесенія раненыхъ изъ фронта отнюдь не выходили: на сіе наряжена будетъ особая команда. Во время стрѣльбы какъ можно высылать менѣе стрѣлковъ, развѣ по флангамъ будутъ лѣса, тогда засаду сдѣлать. Корпуснымъ командирамъ стараться и все вниманіе обратить на то, чтобы непріятеля поражать штыками въ колоннахъ и наступать на него, коль скоро будетъ опрокинутъ. Конная артиллерія должна дѣйствовать сильно, равно и кавалерія, но весьма стройно, безъ малѣйшаго замѣшательства: сіе весьма нужно въ томъ случаѣ, ежели непріятель будетъ имѣть сильные резервы, чѣмъ можетъ онъ привесть въ разстройку наступающихъ, и для того намъ стараться имѣть войска въ колоннахъ и въ готовности; а какъ всѣ обратятся въ бѣгство, тогда сильно колоть казакамъ, а регулярнымъ подкрѣплять сомкнуто и весьма стройно. Армію въ боевой порядокъ выстраивать не тѣсно, а такъ, чтобы локтями только могли трогать товарища. Сіе нужно для свободнаго заряжанія ружей. Когда непріятельская кавалерія нападетъ на пѣхоту, то ту же минуту построить сомкнутую колонну во всѣ стороны, или батальонъ каре. Всѣ атаки дѣлать съ крикомъ, а особливо казакамъ; во время наступленія барабаны бьютъ скорый походъ, а музыка играетъ.

Артиллеріи генералу предписываю избрать и опредѣлить къ пушкамъ мѣста для вѣрнаго дѣйствія; его обязанность—исправлять ихъ благоразумно и во время сраженія увѣдомлять всѣхъ подчиненныхъ своихъ—гдѣ онъ находиться будетъ, чтобы всѣ знали, ибо сіе нужно. Генералъ артил. долженъ быть въ серединѣ между первой и второй линіей.

Я увѣренъ въ храбрости ввѣренной мнѣ арміи. Г.г. начальник. войскъ вселить въ солдатъ, что всѣ войска непріятеля не что иное, какъ сволочь со всего свѣта: мы же—русскіе и единовѣрные. Они храбро драться не могутъ, особливо же боятся нашего штыка. Наступай на него — пуля мимо; подойди къ нему — онъ побѣжитъ, пѣхота коли, кавалерія руби и топчи. Г.г. офицеры наши всему свѣту доказали храбрость, преданность, ревность и послушаніе. 30 лѣтъ моей службы, и 30 лѣтъ какъ я враговъ побѣждаю черезъ вашу храбрость. Я всегда съ вами и вы со мною". (Дѣянія

россійск. полков. и генер. изд. 1822 г. Кіевск. отд Импер. Русск. В.-Истор. общества).

Въ этомъ приказѣ вся тактика Багратіона, въ виду чего мы и привели его.

Итакъ 2-я армія начала переправляться черезъ Нѣманъ у Николаева.

Когда переправилась уже половина арміи, то Багратіонъ узналъ о томъ, что какъ въ тылу у него, такъ и на лѣвомъ флангѣ—французы. И дѣйствительно: Вестф. король занялъ уже Слонимъ, а вице-король былъ съ лѣвой стороны, впереди же по-прежнему былъ Даву. При этой обстановкѣ стремиться къ 1-й арміи по избранному пути было немыслимо, и Багратіонъ 23 іюня поворачиваетъ на Н. Свержень, полагая отсюда пройти на Минскъ и далѣе—къ 1-й арміи. Но было уже поздно: въ Мирѣ онъ узналъ, что французы уже у Минска, и тогда Багратіонъ рѣшаетъ идти на Бобруйскъ и далѣе на Могилевъ, стремясь черезъ эти пункты присоединиться къ 1-й арміи. 26 іюня, въ день прибытія Государя въ Дрисскій лагерь, онъ прибываетъ въ Несвижъ, дабы, послѣ отдыха, продолжать маршъ. Всѣ эти неудачи и, главнымъ образомъ, недовольство Государя за то, что не были выполнены его директивы,—омрачали душу Багратіона. Свое неудовольствіе Государь высказалъ князю въ собственноручномъ письмѣ, въ которомъ онъ снова приказываетъ ему идти на Минскъ, говоря, что 50 т. русскихъ всегда осилятъ превосходящаго ихъ численно непріятеля. Много нужно было имѣть мужества, чтобы, не взирая на эти слова Государя, а также и на то, что въ письмѣ этомъ Его Величество прямо высказалъ увѣренность въ томъ, что въ скоромъ времени ожидается сраженіе, и что въ виду этого прибытіе 2-й арміи пріобрѣтаетъ еще большія важность и значеніе, все же продолжать преслѣдовать цѣль сохраненія арміи и ради ея величія поставить, быть можетъ, крестъ надъ всѣмъ своимъ блестящимъ прошлымъ. Получая всѣ эти невыполнимыя на дѣлѣ директивы, кн. Багратіонъ имѣлъ въ виду основную директиву: — по возможности избѣгать рѣшительнаго сраженія, дабы сохранить армію, и эта директива была объявлена ему какъ военнымъ министромъ, такъ равно и была подсказана ему его же душою глубоко понимающей смыслъ необходимыхъ въ данномъ случаѣ маршей и промедленій. Будь тогда противъ него одинъ только 50-тысячный корпусъ Даву, онъ пошелъ бы противъ него безъ колебаній, но когда съ трехъ сторонъ были французскія полчища въ подавляющихъ силахъ, нужно было думать только лишь объ осторожности и о тѣхъ пагубныхъ послѣдствіяхъ, кои получились бы при несоблюденіи таковой.

„Вся цѣль моей жизни, доноситъ кн. Багратіонъ Государю: состоитъ въ одномъ желаніи имѣть счастіе быть угоднымъ Вашему Величеству; сберегая ввѣренныхъ мнѣ защитниковъ отечества, я не пожалѣю собственно себя ни въ какомъ случаѣ, чтобы усугубить славу Россійскаго воинства“ (Михайл.-Данил.). Твердо увѣренный въ правотѣ своей, онъ форсируетъ маршъ на Бобруйскъ и 1 іюля въ Слуцкѣ—въ 150 верст. отъ Бобруйска узнаетъ, что непріятель уже въ Свислочи—всего только въ 40 в. отъ этого города. Онъ выдвигаетъ впередъ корпусъ Раевскаго съ кавалерійскими полками и приказываетъ ему атаковать французовъ въ Бобруйскѣ, съ тѣмъ, чтобы штыками пробить арміи дорогу. Тогда же онъ доноситъ Государю о томъ, что охотно бы атаковалъ короля Вестф. и, разбивъ его, разбилъ бы потомъ и Даву, да не увѣренъ въ томъ, что король приметъ атаку и не уйдетъ назадъ, съ цѣлью—отвлечь его отъ главной цѣли—скорѣйшаго соединенія армій. Все такимъ образомъ препятствовало проявленію имъ активности въ своихъ дѣйствіяхъ,—той активности, при посредствѣ которой онъ одержалъ такъ много побѣдъ въ теченіе своей долголѣтней службы и внесъ въ исторію Россіи не мало блестящихъ и славныхъ страницъ. Тѣмъ не менѣе въ верстахъ въ 20 отъ Слуцка—у дер. Романовой наноситъ сильный ударъ корпусу короля Вестф., забираетъ въ плѣнъ 16 офиц. и 300 н. чин. и этимъ такъ дѣйствуетъ на непріятеля, что у него отпадаетъ уже охота—слѣдовать по пятамъ нашей арміи, и такимъ образомъ Багратіонъ освобождаетъ армію отъ давленія на нее съ одной изъ сторонъ. 6-го іюля Багратіонъ прибылъ въ Бобруйскъ и отсюда пошелъ на Могилевъ. Даву въ это время былъ всего только въ одномъ переходѣ отъ Могилева, о чемъ Багратіонъ и узналъ, когда выступилъ изъ Бобруйска. 8-го числа Могилевъ былъ уже занятъ авангардомъ корпуса Даву, о чемъ также стало извѣстно Багратіону еще въ значительномъ разстояніи отъ Могилева. Тогда же стало извѣстно и о томъ, что непріятель уже тѣснитъ изъ Могилева бывшіе тамъ три слабыхъ нашихъ батальона. Полковникъ Сысоевъ съ 1.000 казаками подоспѣлъ къ нимъ на помощь, погналъ французовъ, захватилъ 8 офицеровъ и 200 н. чиновъ въ плѣнъ и на плечахъ бѣглецовъ едва не ворвался въ городъ. Эпизодъ, обрисовывающій духъ войскъ Багратіона.

Несмотря на всѣ эти вѣсти, Багратіонъ все же рѣшился пробиваться у Могилева, и 11 іюля происходитъ кровопролитный бой у дер. Салтыковки, въ которомъ принимаютъ участіе наши 12 и 26 дивизіи. Войска Даву были уже очень многочисленны и занимали сильную позицію за ручьемъ, переправу черезъ который приходилось форсировать подъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ.

Нѣсколько разъ полки наши сцѣпливались съ французами въ штыки, но не могли сдвинуть съ мѣста многочисленнаго непріятеля. Предпринимались обходы противъ праваго фланга противника, обходы—рискованные, но все это не привело къ успѣху—и убѣдило Багратіона только въ томъ, что силы французовъ очень велики.

Потерявъ въ этомъ бою до 2.000 человѣкъ, Багратіонъ, не преслѣдуемый французами, отошелъ къ Дашковкѣ. Непріятель понесъ также большія потери, т. к. подъ раненыхъ въ городѣ были заняты присутствен. мѣста и всѣ лучшіе дома. Повидимому, и духъ французовъ былъ поколебленъ, иначе Даву не далъ бы возможности простоять русскимъ 12 іюля у Дашковки совершенно не тревожимыми, а также не позволилъ бы имъ уйти отсюда и не прослѣдить даже того направленія, по которому они ушли. Словомъ: Даву потерялъ изъ вида нашу 2 армію, и это можно объяснить тѣмъ, что онъ, боясь повторенія атаки, принялъ мѣры къ болѣе прочной оборонѣ и благодаря этому 5 дней простоялъ неподвижно въ Могилевѣ. Вотъ какое важное значеніе имѣлъ бой у Салтыковки. Если бы этотъ бой былъ разыгранъ Багратіономъ вяло и нерѣшительно, то Даву, убѣдившись въ томъ, что имѣетъ дѣло со слабымъ духомъ противникомъ, самъ бы перешелъ въ наступленіе, но такъ какъ войска Багратіона не привыкли къ вялымъ атакамъ, даже и при наличности превосходства силъ противника, то все это и привело французовъ къ пассивности, благодаря которой арміи наши соединились подъ Смоленскомъ.

Выступивъ 13 іюля изъ Дашковки, Багратіонъ 17 былъ въ Мстиславлѣ, сдѣлавъ въ 5 дней 200 верстъ. О подобной форсировкѣ марша въ наше время какъ будто даже и не слышно.

22 іюля Багратіонъ привелъ свою армію въ Смоленскъ и тутъ, несмотря на то, что онъ былъ старше Барклая по службѣ, все же онъ добровольно подчинился ему, сознавая, что онъ не достаточно освѣдомленъ въ общемъ ходѣ дѣйствій. Кто не оцѣнитъ этого поступка, говорящаго о величіи души нашего славнаго вождя.

При оборонѣ Смоленска, судьба не дала возможности кн. Багратіону принять въ этомъ участія, и его имя не стоитъ рядомъ съ Невѣровскимъ, Раевскимъ, Дохтуровымъ, Коновницынымъ и Тучковымъ, обезсмертившими себя въ этомъ кровавомъ бою подвигами, за которые должна благодарить ихъ Россія. Здѣсь—подъ Смоленскомъ арміи наши совершали марши на Рудню и на Порѣчскую дорогу, т. к. главнокомандующій и штабъ его были увѣрены въ томъ, что Наполеонъ пойдетъ на Смоленскъ именно съ этой стороны. Не раздѣлялъ только этого мнѣнія одинъ кн. Багратіонъ, убѣжденный

въ томъ, что непріятель пойдетъ къ Смоленску черезъ Красный, дабы отбросить нашу армію къ С. События показали, на сколько правъ былъ Багратіонъ, и повидимому въ данномъ случаѣ онъ проявилъ именно тотъ „глазомѣръ", которому онъ научился путемъ долголѣтней практики.

Въ день битвы подъ Смоленскомъ армія Багратіона пошла по Московской дорогѣ, выполняя данную ей задачу, и ей только подъ Бородиномъ пришлось сойтись съ непріятелемъ. Но здѣсь же этой арміи пришлось навсегда проститься со своимъ вождемъ, смерть котораго, какъ смерти многихъ героевъ, положившихъ животы свои въ этой великой брани, оплакивалась русскими людьми.

24-го августа послѣ полудня началось жаркое дѣло подъ Шевардиномъ. Кутузовъ выдвинулъ въ этотъ пунктъ войска изъ состава арміи Багратіона. Тутъ была 27 дивизія, были гренадеры, егеря, драгуны и 2-я кирасирская дивизія.

Неоконченный редутъ, съ 12 батарейными орудіями, занималъ собою высоту къ югу отъ Шевардина. Пѣхота расположилась по обѣ его стороны, занявъ на правомъ флангѣ д. Шевардино, а на лѣвомъ—лѣсъ. Начальство надъ этимъ отрядомъ было ввѣрено кн. Горчакову, но повидимому—кн. Багратіонъ принималъ также дѣятельное участіе въ этомъ бою. Михайловскій-Данилевскій пишетъ, что онъ все время былъ въ огнѣ, а разъ это такъ, то слѣдовательно не въ качествѣ только зрителя онъ былъ на боевомъ полѣ.

Войска наши въ полной боевой готовности поджидали французовъ, но до полудня ихъ не было видно. День былъ ясный, и поля, рощи и луга были проникнуты той тишиной, которая бываетъ обыкновенно передъ наступленіемъ сильной грозы. Лучи солнца привѣтливо освѣщали тихіе пригорки, неподвижные, и какъ бы застывшіе въ напряженномъ ожиданіи лѣса, начавшіе уже мѣнять свой зеленый покровъ на ярко-желтый и оранжевый, и безлюдныя, уснувшія деревни. И несмотря на ласку и привѣтъ, посылаемые солнцемъ землѣ, все же какъ бы тяжелая дума надвинулась на чело природы. Вправо, въ глубокомъ логу, тихо шептала свою вѣчную сказку р. Колоча; за нею видны были пригорки, поля и лѣса, среди которыхъ пролегала дорога на Москву. И вотъ туда и были теперь устремлены взоры тѣхъ людей, которыхъ привели сюда для встрѣчи непріятеля.

Въ тылу верстахъ въ 2—3 видно было, какъ за ручьемъ копошилось и двигалось множество людей. Тамъ и сямъ вспыхивали яркіе отблески отъ штыковъ; видно было, какъ люди усиленно копали землю, суетясь въ этихъ мѣстахъ, какъ муравьи надъ сооруженіемъ муравейника; доносились оттуда громыханія колесъ,

и видны были колонны войскъ, двигающіяся въ разныхъ направленіяхъ. Люди уже утомились ожиданіемъ; они только изрѣдка перебрасывались между собою немногочисленными словами, но вотъ въ полдень на дорогѣ показались конные фланкеры французовъ, за ними появились небольшія сомкнутыя части, и вскорѣ густыя колонны непріятеля загрузили собою дорогу и мѣстность по сторонамъ ея. Надъ дорогой, сопровождая войска, поднимались къ небу густыя облака пыли, мѣстами совершенно скрывавшія идущихъ въ нихъ людей—и эти пыльные столбы тянулись отъ самаго горизонта надъ притаившими дыханіе лѣсами и полями. „Хранцузъ валомъ валитъ“, говорили солдаты, и сердце у каждаго начало биться быстрѣе. Влѣво надъ лѣсомъ показались такіе же пыльные столбы—это корпусъ Понятовскаго, свернувъ со ст. Московск. дороги, шелъ на Шевардино. Дойдя до дер. Фомкино и Валуево, колонны начали сворачивать къ Колочѣ, устремляясь также къ Шевардину. Войска наши стали „въ ружье“; артиллеристы зарядили свои пушки. Головы колоннъ спустились въ оврагъ Колочи. Гроза надвигалась, и предшествующая ей тишина еще болѣе усилилась—и вдругъ эта тишина нарушилась: Та-хъ, та-хъ; та-хъ-та-хъ-та-хъ послышалось изъ лѣса влѣво—и казалось, что тамъ дровосѣки начали рубить дрова; съ каждой секундой число этихъ „дровосѣковъ“ увеличивалось и вскорѣ „топоры“ ихъ застучали такъ часто, что лѣсъ хрипло застоналъ, и этотъ стонъ, сливаясь съ ударами „топоровъ“, соединился въ одинъ звукъ—протяжный и печальный, и можно было подумать, что „дровосѣки“ уже перестали рубить и падаютъ съ болѣзненнымъ храпомъ и стономъ деревья. Со стороны Колочи послышались ружейные выстрѣлы, и здѣсь эти выстрѣлы не напоминали удары топоровъ въ лѣсу. Въ теченіе часа продолжалась эта перестрѣлка, и наконецъ люди, которые стрѣляли, ушли, но нѣкоторые изъ нихъ остались и продолжали лежать неподвижно, какъ бы отыскивая что-то утерянное и очень имъ нужное.

А французы все шли и шли. Ихъ батареи уже переправились черезъ Колочу и открыли огонь. Теперь уже не удары топоровъ раздавались со стороны лѣса, а нѣчто болѣе внушительное. Бумъ-бумъ, ударялъ кто-то въ огромный барабанъ и х-р-р,-х-р-р, неслось изъ лѣса старческимъ болѣзненнымъ кашлемъ; бумъ-бумъ; бумъ-бумъ-бумъ, билъ барабанщикъ и х-р-р,-х-р-р; х-р-р,-х-р-р,-х-р-р, кашлялъ больной великанъ-старикъ гдѣ-то далеко—въ нѣдрахъ лѣса, но вскорѣ и эти звуки утратили свою правильную послѣдовательность: „барабанщикъ“ началъ бить часто и безтолково, а старикъ захрипѣлъ непрерывно, какъ хрипитъ чахоточный въ часы предсмертной агоніи. Ядра, рикошетируя и сердито фурча, начали

пронизывать воздухъ, рыть землю и жмякаться въ живое тѣло. Нѣкоторыя изъ нихъ рвались, и тогда стоналъ и сатанински хохоталъ разлетающійся чугунъ. Большинство изъ нихъ били въ редутъ, за валами котораго люди торопливо баннили, заряжали и наводили. Пушки безпрестанно отпрыгивали назадъ, и тогда стоящіе у каждой изъ нихъ люди бросались къ нимъ съ такимъ видомъ, какъ бросаются къ желающему убѣжать человѣку, котораго нужно удержать и которому въ такомъ случаѣ обыкновенно говорятъ: „постой, голубчикъ, не уйдешь отсюда“, и водворенная на свое мѣсто пушка терпѣливо ждала, пока люди, суетясь, прочищали ей глотку мокрой щетиной банника, потомъ забивали туда все необходимое, наводили ее и, отскочивъ немного въ стороны, прикладывали къ ней курящійся пальникъ; тогда пушка снова рявкала и, отпрыгивая, выпускала изъ своей глотки густое бѣлое облако, которое крутилось и вертѣлось въ разныхъ направленіяхъ. Иной разъ впереди этого облака появлялось совершенно правильное дымное кольцо, которое вращалось съ необыкновенной быстротой всей своей поверхностью вокругъ средней своей кольцевой линіи, и отъ этого вращенія слышенъ былъ легкій свистъ. Кольцо плавно подвигалось впередъ, а дымное облако, какъ бы нехотя, тихо начинало двигаться, и чудилось, что ему, получившему свободу, очень бы хотѣлось остаться тутъ и посмотрѣть на то, что дѣлаютъ всѣ эти, замѣченныя имъ только сейчасъ, странныя существа, но его осторожно толкала какая-то сила, какъ бы говоря ему: „ступай, ступай: нечего тебѣ тутъ дѣлать“.

Завизжала картечь, потому что французы были уже близко. Видно было, какъ десятками падали люди, и уцѣлѣвшіе смыкались и продолжали валомъ валить впередъ. Батарея уже вся въ дыму, квозь который мелькаютъ суетящіеся у орудій солдаты. Вотъ уже можно различить лица непріятельскихъ солдатъ, съ выраженіемъ не то ужаса, не то злобы и напряженной рѣшимости;—и вдругъ всѣ они сразу застонали и, напрягая послѣднія усилія, ринулись на батарею. Замелькали штыки, приклады и банники. Люди начали бить другъ друга съ ожесточеніемъ, не разбирая куда бьютъ, и скоро тѣ, которые стремились на батарею, перебили и переколотили тѣхъ, которые стрѣляли въ нихъ картечью и больше не кого имъ было убивать, и они, не зная, что имъ дѣлать, какъ пьяные, метались среди занятыхъ ими развалинъ, спотыкаясь о мертвецовъ и скользя и падая въ лужахъ еще не остывшей крови. Они, быть можетъ, въ своемъ опьяненіи и не замѣтили того, что противъ нихъ идутъ густыя массы другихъ людей, спѣшащихъ отомстить

за павшихъ товарищей. И дѣйствительно шли наши гренадеры съ полковыми священниками впереди.

Багратіонъ пустилъ своихъ львовъ впередъ еще тогда, когда колонны французовъ шли на батарею, но они за дальностью разстоянія не подоспѣли къ тому моменту, когда непріятель пустилъ въ ходъ свои штыки и приклады, и вотъ теперь они стремительно ломили на батарею съ полной вѣрой въ свою силу. Они были Багратіоновы питомцы, и онъ, напутствуя ихъ въ бой, навѣрно сказалъ имъ: „выручай, братцы, товарищей“, или что-нибудь въ этомъ родѣ—простое и краткое, что зажгло душу каждаго изъ нихъ. Если бы у нихъ были орлиныя крылья,—но и безъ нихъ они дойдутъ... вотъ-вотъ уже близко... А-а-а-а,—застонали гренадеры, а-а-а—застонали имъ въ отвѣтъ чуждые имъ люди, бывшіе на батареѣ, и такой же стонъ присоединился къ какофоніи звуковъ отъ массы новыхъ людей, съ чужими намъ лицами, стремившихся сюда же со стороны непріятеля. Начался ожесточенный рукопашный бой, во время котораго люди искренно ненавидѣли другъ друга,—бой длительный и упорный, въ которомъ ни одна изъ сторонъ не хотѣла признать себя слабою, но въ концѣ концовъ нашъ штыкъ восторжествовалъ, и французы побѣжали. Теперь уже на ихъ лицахъ выражался ужасъ, и они бѣжали съ единственнымъ желаніемъ уйти какъ можно дальше отъ этого страшнаго мѣста. Въ концѣ концовъ ихъ героизмъ не привелъ ни къ чему: наши войска остались на своихъ позиціяхъ, не уступивъ непріятелю ни пяди изъ занимаемаго мѣста.

Настала тихая ночь. Все снова притаилось подобно тому, какъ это было и днемъ, когда ожидали непріятеля, но теперь жутко было среди этой тишины. Въ каждомъ шорохѣ тревожно настроенные нервы слышали приближеніе врага. Около полуночи на правомъ нашемъ флангѣ люди услышали шумъ, какъ бы отъ движенія большой массы войскъ. Въ это же время на сторонѣ непріятеля запылали стога сѣна, и тогда въ свѣтѣ пожарища ясно обнаружилась идущая въ атаку большая колонна. Пожаръ скоро былъ потушенъ, но онъ принесъ намъ пользу. Посланная навстрѣчу французамъ 27 дивизія и кирасиры прогнали ихъ и захватили у нихъ 5 пушекъ. Послѣ этого главнокомандующій приказалъ отвести войска отъ Шевардина на главную позицію.

Такъ дрались въ этотъ день Багратіоновы полки. Самъ онъ былъ съ ними и своимъ присутствіемъ воодушевлялъ ихъ. Смерть пощадила его въ этотъ кровопролитный день, но близокъ былъ его великій часъ, какъ и близокъ былъ тотъ историческій день, котораго съ теплой молитвой ждала съ трепетомъ вся Русь и все ея христолюбивое воинство.

Наступилъ канунъ Бородинской битвы. Массы войскъ по обѣ стороны Бородина стояли лицомъ другъ къ другу въ разстояніи 2—3 верстъ одна отъ другой. Солнце взошло и освѣтило оба воинскіе стана и каждому изъ нихъ послало ласку и привѣтъ. Золотой крестъ церкви Бородина ярко сіялъ въ утреннихъ лучахъ и казалось, что вотъ-вотъ изъ-подъ этого креста зазвучитъ призывной звонъ къ молитвѣ Создателю міровъ, подарившему людямъ, и это дивное солнце, и свѣжесть, и чистоту утренняго воздуха, и всю эту ширь, красоту и радость среди Его непостижимаго творенія. Но люди, собранные на этомъ полѣ, не обращали никакого вниманія ни на это солнце, ни на сіявшій въ его лучахъ крестъ; они были заняты мыслями и дѣлами, которыя отвлекали ихъ отъ всего этого, и готовились къ великому и тяжелому испытанію, выпадающему на долю каждаго изъ нихъ—здѣсь на этомъ полѣ, подъ этимъ солнцемъ и подъ сѣнью этого креста.

Въ непріятельскомъ лагерѣ видно было, какъ массы войскъ ползли въ южную сторону, скрываясь въ лѣсу. На нашей сторонѣ также передвигались нѣкоторыя части въ томъ же направленіи—къ дер. Утицѣ, тѣ же, которыя оставались на мѣстахъ,—занимались спокойно кто чѣмъ могъ: пѣхота точила штыки, чистила кивера и мундиры. Нѣкоторые съ баками шли къ ротнымъ котламъ, пѣли молитву, ударяя при этомъ на „исполняёши и отверзаёши“ и въ общемъ глядя на все это обычное движеніе на бивакѣ, можно было повѣрить въ то, что люди оставались тутъ лишь для того, чтобы отдохнуть, пообѣдать и потомъ снова бодрыми и веселыми продолжить свой путь къ мѣсту, назначенному для ночлега. Артиллеристы въ рубахахъ разныхъ цвѣтовъ возились у своихъ пушекъ, приводя ихъ въ порядокъ; на бивакахъ кавалеріи также наблюдалась обыденная жизнь: фыркали лошади, навѣшивали торбы, чистили коней; слышались обычныя „но-о!, прими, куда прешь, дьяволъ“, и т. п. Всюду на бивакахъ солдаты не спѣша мѣняли бѣлье и лишь только въ этомъ можно было усмотрѣть нѣчто, выходящее изъ рамокъ обыденности, т. к. производилось это съ видомъ особаго благоговѣнія, напоминающаго о томъ торжественномъ и святомъ часѣ, ради котораго это дѣлалось.

Багратіоновы полки расположились близъ дер. Семеновское, занявъ возведенныя тутъ три укрѣпленія и расположившись въ нѣсколько линій за ними. Гдѣ находился самъ онъ въ этотъ день, намъ неизвѣстно, но навѣрно среди множества заботъ и распоряженій, онъ нашелъ все же время объѣхать свои войска,—нашелъ о чемъ поговорить съ солдатами и узнать путемъ общенія съ ними—не колеблется ли духъ ихъ. Что самъ онъ чувствовалъ въ

этотъ день? Сознавала ли его душа, что завтра будетъ его роковой день и не придется ему уже водить за собою свои желѣзные легіоны въ кровавую сѣчу, что не придется уже ободрять ихъ примѣромъ и огневымъ словомъ въ минуты, когда духъ человѣческій мятется и скорбитъ въ ничтожествѣ своемъ. Носила ли его великая душа въ глубинѣ своей скорбь и тоску, если она предугадала, что насталъ часъ сказать этому міру грустное „прости“, или же она спокойно глядѣла въ глаза вѣчности, зная, что совѣсть ея чиста передъ Богомъ и не зарытъ „талантъ“, полученный ею изъ Десницы Создателя при вступленіи въ сей грустный міръ тяжелыхъ испытаній. Намъ неизвѣстна эта его тайна; она скрылась съ нимъ въ его темной холодной могилѣ, и никому-то онъ не повѣдалъ о ней.

Вотъ послышалось церковное пѣніе. Духовенство въ золотыхъ ризахъ, такъ тепло и ласково играющихъ въ лучахъ солнца, сопровождало Пречистый Ликъ Владычицы. Икону бережно и свято несли на плечахъ тѣ самые воины, которые завтра здѣсь—на этомъ же полѣ,—грудью будутъ отстаивать каждую пядь родной земли.

Возносясь и плавно колыхаясь въ прозрачномъ воздухѣ надъ шеренгами солдатъ, Святая икона какъ бы распространяла отъ себя благодатные и теплые лучи, доходящіе до сердецъ человѣческихъ и вносящіе въ нихъ успокоеніе и тихій радостный трепетъ сознанія иного бытія,—безъ слезъ, безъ мукъ,—безъ стоновъ земли.

„Всѣ вы, здѣсь собранные воины христолюбивые, слышало сердце, восхищенное святымъ порывомъ: Я смотрю въ души ваши и живу теперь восторгомъ сердецъ и слезами умиленія, что текутъ изъ очей вашихъ. Утѣшайтесь и радуйтесь, ибо праведны пути ваши передъ Господомъ, и въ эти дни Я съ вами и не оставлю и поддержу васъ и пребуду съ вами во вѣки средп слезъ и рыданій земли“.

Процессія остановилась. Начался молебенъ. Никто не говорилъ солдатамъ накакихъ высокопарныхъ проповѣдей, никто при этомъ не называлъ ихъ „птенцами“, которыхъ выслала родина на бой съ врагомъ и за которыми теперь эта родина слѣдитъ, какъ за любимымъ дѣтищемъ... просто: начали молебенъ безъ этого предварительнаго пустословія и искреннія-чистыя слезы потекли изъ глазъ людей, склонившихся передъ иконой. Заступница, Матушка, Царица Небесная, тихо взывали солдаты, утирая эти слезы своими грубыми, мозолистыми кулаками, поддержи и помоги. И въ этихъ немногихъ словахъ было все: и горе, и тоска, и надежда измученнаго и мятущагося сердца человѣческаго. Внѣ всякаго сомнѣнія, на одномъ изъ такихъ молебновъ былъ и кн. Багратіонъ и молился

горячо и просто, какъ простой солдатъ. На самомъ дѣлѣ вѣдь онъ въ душѣ-то и былъ простой солдатъ, хотя и генералъ; въ его душѣ солдаты видѣли свою душу, въ его словахъ они слышали тѣ хорошія мысли, которыя каждому изъ нихъ приходили въ голову, но которыхъ они не могли облечь въ ясную понятную форму.

Молебенъ конченъ. Люди, тѣсня другъ друга, полѣзли, согнувшись, подъ икону и каждый, крестясь и вздыхая, торопился пройти подъ образомъ, боясь, какъ бы не опоздать. Святыня, на плечахъ солдатъ, величаво поплыла среди войскъ и—опять тѣ же теплыя молитвы, тѣ же слезы понеслись отъ другихъ сердецъ и полились изъ другихъ глазъ, но это были молитвы одной общей русской души, готовящейся къ испытанію и взывающей о помощи свыше.

Въ этотъ же день вниманіе нашихъ войскъ было неоднократно привлекаемо могучими воинственными криками, доносившимися изъ непріятельскаго лагеря. Сначала какъ бы робкіе и нерѣшительные, они мало по малу сливались въ общую фугу, и тогда казалось, что звуками ихъ наполнялись поля и лѣса и все, что видно было кругомъ.

А-а-и-и-р-р... неслись нестройныя волны звуковъ, и люди всматривались въ даль, и каждый старался объяснить другимъ причину ихъ.

„Реветъ французъ — ровно медвѣдь въ берлогѣ“, слышалось въ одной группѣ; „чавой-то тихо было, а сразу заревѣли. Репертятъ должно, какъ ревѣть будутъ, когда страженія зачнется. А можа передъ водкой, догадывались другіе: съ радости кричатъ. Обязательно промежъ ихъ инператеръ ихній ѣздить зачалъ—соскучилъ сидѣмши—дай, гритъ, поѣду, а мнѣ уру кричать станутъ—гляди и на сердцѣ полегчаетъ. И то правда: должно на прогулку поѣхалъ“. Словомъ: догадокъ было много. Не обошлось, конечно, и безъ юмора, на который очень щедръ русскій человѣкъ. На самомъ дѣлѣ стоящая противъ насъ армія выражала этими воплями свой восторгъ, который вызывали разными искусственными средствами: то ей показывали слащаво написанный портретъ чуть не грудного младенца, похожаго на херувима и играющаго земнымъ шаромъ, какъ мячикомъ, и тѣ, которые могли видѣть этотъ портретъ, выражали свой восторгъ крикомъ, несмотря на то, что были голодны и утомлены, а которымъ нельзя было видѣть—тоже кричали, подражая товарищамъ и не зная—почему они кричатъ; то читали передъ ними полный паѳоса приказъ по поводу предстоящаго боя, и они снова кричали; то наконецъ самъ виновникъ ихъ безконечно продолжительнаго похода въ невѣдомую имъ страну, блѣдный, съ одутловатымъ и строгимъ лицомъ, появился среди ихъ стана и хотя

многіе изъ нихъ, ставшихъ въ ряды этой арміи послѣ порабощенія, сознавали въ душѣ, что этотъ одутловатый человѣкъ, не моргнувъ глазомъ, пошлетъ ихъ всѣхъ на смерть, чтобы этимъ купить свою славу, но они все же кричали не ради чувства, а ради страха. А между тѣмъ и среди этихъ полчищъ было не мало людей утомленныхъ и измученныхъ душою и готовыхъ повѣдать грусть свою Тому, Кто врачуетъ страждущее сердце человѣческое, но имъ вмѣсто этого предлагали взирать на младенца, играющаго земнымъ шаромъ какъ мячикомъ, или же на одутловатое, строгое лицо человѣка, душа котораго была далека отъ святыхъ и чистыхъ порывовъ, то, наконецъ, заставляли выслушивать напускное краснорѣчіе приказовъ.

Настала ночь, и все смолкло. Подулъ холодный вѣтеръ; пошелъ дождь. Обрывки мрачныхъ тучъ быстро неслись въ вышинѣ и видимыя между ними далекія, холодныя звѣзды равнодушно свѣтили. Зажгли костры, которые шипѣли отъ мокроты и больше дымили, чѣмъ горѣли. Трудно было уснуть въ эту холодную, великую ночь. Люди, завернувшись въ шинели, старались обогрѣться у тощаго пламени. Разговоры какъ-то не вязались. Каждый думалъ свою думу.

Въ непріятельскомъ станѣ безшумно передвигались массы войскъ, занимавшихъ исходное положеніе для боя. Покачиваясь на высокихъ и тощихъ коняхъ, двигались въ темнотѣ, какъ тѣни, огромные кирасиры; молодцеватые уланы и лихіе гусары, сидя на невысокихъ и болѣе подвижныхъ коняхъ, шли скорѣе; медленно и грузно ступая по промокшей землѣ, тянулась могучая пѣхота въ киверахъ и въ огромныхъ медвѣжьихъ шапкахъ. И все это безшумно ползло въ разныхъ направленіяхъ, и только лишь тихо произносимыя команды, да хлюпанье ногъ по грязи нарушали тишину и дополняли собою печальные тихіе стоны рыданій холодной дождливой ночи, льющей на грустную землю свои грустныя слезы. Впрочемъ кое-гдѣ слышалась и пѣсня, но и она была скорѣе рыданіе, и казалось, что и ночь, и человѣкъ, сознавъ свое одиночество, одинаково выражали свою тоску. Характерны воспоминанія Брандта объ этой ночи; они отчасти рисуютъ то настроеніе, которое переживали наши враги передъ битвой: „позади нашего лагеря, пишетъ Брандтъ: долго двигались, направляясь къ правому флангу полки. Въ одномъ изъ нихъ пріятный голосъ пѣлъ Шиллерову „Пѣснь всадника“; слабый хоръ тихо вторилъ припѣвъ послѣдней строфы,—припѣвъ, который словами своими выражаетъ тоску и разочарованіе измученной души человѣческой“. Какой это полкъ—спросилъ авторъ этихъ воспоминаній. „Пруссаки“—отвѣчали ему. Воображаю—на сколько были искренны крики восторга этихъ солдатъ, когда ихъ старались бодрить вышеуказанными способами.

Часовъ въ 5, когда было еще темно,—грянула пушка съ одной изъ батарей у Семеновскаго: показалось въ темнотѣ, что колонны французовъ пошли уже на штурмъ. Раскатилось эхо по полямъ и, сердито ворча, замерло гдѣ-то далеко-далеко въ лѣсахъ. Дождь пересталъ, и утро обѣщало быть яснымъ. Главнокомандующій, услышавъ звукъ выстрѣла, поѣхалъ на батарею къ Горкамъ, и вскорѣ сюда собралась вся его свита. Бивачные огни гасли. Войска становились „въ ружье“. Наполеонъ направился къ Шевардину. Его войскамъ читали приказъ, который говорилъ имъ и про теплыя квартиры, и про изобиліе въ питаніи, и про скорое возвращеніе домой, и Богъ знаетъ еще о чемъ. Взошло солнце и начало пригрѣвать и сушить промокшія за ночь поля и продрогшихъ людей; вѣроятно, этотъ свѣтъ и тепло подѣйствовали и на Наполеона и вызвали у него желаніе поактерствовать лишній разъ на глазахъ его окружающихъ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ о томъ, что достаточно ему поднять только одинъ палецъ и молча постоять въ теченіе нѣсколькихъ секундъ съ опущенной головой, какъ бы о чемъ-то думая (на самомъ же дѣлѣ быть можетъ и не о чемъ), какъ исторія истолкуетъ это событіе по-своему и запишетъ о немъ на своихъ страницахъ приблизительно такъ: „настала роковая минута. Императоръ, обозрѣвъ будущее поле сраженія, долго стоялъ въ задумчивой позѣ, не произнося ни слова. Его правая рука была слегка приподнята, какъ бы ловя глубокую и великую мысль, которую посылало ему въ эту торжественную минуту само небо. Склоненное чело выражало глубокую думу и т. д., а быть можетъ въ данную минуту это „чело“ только и думало о томъ,—какіе это странныя и смѣшныя существа—люди, выдумавшіе такую науку, которая очень не рѣдко великое видитъ только въ смѣшномъ. Такъ было и теперь, и великій человѣкъ проговорилъ всего только три слова, которыя стали достояніемъ исторіи, совершено такъ же, какъ и „40 вѣковъ, смотрящихъ съ пирамидъ“. „Вотъ солнце Аустерлица“—изрекъ онъ, указывая театральнымъ жестомъ на дневное свѣтило и давъ тему для спора, т. к. и теперь нѣкоторые утверждаютъ, что онъ сказалъ „вотъ солнце Аустерлица“, другіе же говорятъ, что было изречено: „это солнце Аустерлица“. Съ первыми лучами „солнца Аустерлица“ началось сраженіе, и въ то время, когда надъ Колочью у Бородина лучи свѣта нагрѣвали и поднимали бѣлый утренній туманъ, уже загрохотала перестрѣлка сначала въ самомъ Бородинѣ, а потомъ и у моста на Колочи. Что происходило тамъ,—трудно было опредѣлить за туманомъ, но по звукамъ выстрѣловъ можно было заключить, что дѣло завязалось жаркое. Когда поднялся туманъ, то на обоихъ берегахъ рѣчки лежало множество людей въ киверахъ, и

можно было подумать, что нѣкоторые изъ нихъ спятъ, а другіе ищутъ чего-то на землѣ. Это полковники Карпенковъ и Вуичъ съ 1 и 19 егерскими полками выполнили возложенное на нихъ порученіе, прогнавъ французовъ за рѣку и уничтоживъ мостъ черезъ таковую.

Такъ былъ законченъ 1-й эпизодъ битвы, но самая гроза готова была разразиться на участкѣ, занимаемомъ войсками Багратіона: съ восходомъ солнца 130 непріятельскихъ орудій начали громить наши укрѣпленія у Семеновскаго и стало замѣтнымъ, какъ массы французовъ двинулись по открытому мѣсту и по лѣсу, что былъ лѣвѣе этихъ батарей. Казалось, что лѣсъ сплошь наполнился людьми, и слышно было, какъ хрустѣли вѣтви подъ ногами. То двигались корпуса Даву, Нея и Жюно и три кавалерійскихъ корпуса подъ общимъ начальствомъ Мюрата. Въ лѣсу не было ни тропъ, ни дорогъ, и вся эта лавина медленно продиралась черезъ чащу. Чудилось, что она своимъ неудержимымъ стремленіемъ повалитъ лѣсъ, дабы очистить себѣ путь. Наконецъ головы колоннъ выбрались на чистое мѣсто передъ нашими батареями и начали строиться къ атакѣ. Завизжали смертоносныя пули картечи, нанося французамъ большія потери. Наши егеря также открыли огонь. Французскіе генералы: Компанъ, Дезе, Раппъ и самъ Даву были ранены и контужены. Духъ и рѣшимость войскъ были поколеблены, и въ концѣ концовъ атака ихъ не имѣла никакого успѣха. Это произошло около 7 часовъ утра, а въ 7 час. Наполеонъ приказалъ возобновить атаку, придавъ къ этимъ войскамъ свѣжія части. Кн. Багратіонъ видѣлъ, что предпринимаетъ противъ него непріятель. Онъ опытнымъ глазомъ окинулъ силы французовъ и понялъ, что у него не хватитъ силъ, чтобы удержать напоръ противника. Тогда онъ стянулъ къ себѣ все, что былъ въ состояніи привлечь къ рѣшительному пункту боя, и послалъ къ главнокомандующему просить о присылкѣ другихъ войскъ. Кутузовъ не замедлилъ присылкой подкрѣпленій. Онъ зналъ, что Багратіонъ не сталъ бы просить о нихъ, если бы не имѣлъ въ этомъ настоятельной надобности, и онъ послалъ три полка кирасиръ, Литовскій и Измайловскій гвард. полки и артиллерію.

Стоя среди колоннъ своихъ войскъ, Багратіонъ ободрялъ ихъ, и они внимали каждому его слову. Вѣроятно, онъ снова напоминалъ имъ о томъ, чтобы не увлекались стрѣльбой, чтобы шли на врага сомкнуто и смѣло, надѣясь на помощь Божію и на острый штыкъ. Наконецъ французы устроились и двинулись въ атаку. Затряслась земля отъ массы бѣгущихъ людей и отъ несущихся дивизій конницы. То французы брали верхъ надъ нами, то наши ихъ

осаживали, и наконецъ уже дивизія Коновницына рѣшила дѣло въ нашу пользу. Непріятель отхлынулъ, и мѣсто битвы сплошь усѣялось поверженными бойцами. Эта безрезультатная вторая атака, равно какъ и прочія атаки, которыя съ тѣмъ же успѣхомъ производились французами на другія части нашей арміи, повергли въ бѣшенство Наполеона. Мрачный, онъ наблюдалъ поле битвы, посылая свои корпуса на истребленіе. То и дѣло къ нему прибывали адъютанты и докладывали ему про упорство русскихъ, передавая просьбы пославшихъ ихъ начальниковъ о подкрѣпленіи. Но онъ и самъ видѣлъ это упорство русскихъ и то сложное положеніе, которое готовилось для него и его арміи, благодаря этому упорству. Онъ на него не разсчитывалъ очевидно, когда писалъ свой историческій приказъ о теплыхъ квартирахъ, изобиліи и скоромъ возвращеніи и когда, предвкушая славу побѣды, „пѣлъ“ гимнъ восходящему солнцу. Богъ знаетъ, конечно, что испытывала въ эти мучительные часы его душа; быть можетъ, онъ своей душой холодной и глухой къ страданью улавливалъ намеки на укоръ и упрекъ по поводу безцѣльности этого грандіознаго похода и ужаснаго кровопролитія, и мысли эти тяжелымъ молотомъ ударяли въ его мозгъ, заставляя его страдать. Онъ видѣлъ, какъ таяла его могучая армія, а за спиной у него на тысячи верстъ раскинулись страны, имъ покоренныя и быть можетъ теперь уже готовыя свергнуть иго его дешевыхъ надъ ними побѣдъ. И только лишь одна гвардія осталась пока не тронутой и цѣлой, тогда какъ прочіе корпуса истекаютъ уже кровью и долго имъ придется залѣчивать свои глубокія, почетныя раны: онъ ни за что не пошлетъ своей гвардіи въ эту бойню: она его послѣдній ресурсъ,—послѣдній оплотъ и надежда. Избалованный удачами, онъ въ сущности говоря въ 1-й разъ натолкнулся на такое упорство своего противника.

Правда, въ его воспоминаніи промелькнулъ „Ваграмъ“, гдѣ непріятель былъ достаточно упоренъ, и гдѣ можно было видѣть, что счастье его виситъ на волоскѣ, но тамъ для того, чтобы перетянуть чашу вѣсовъ на свою сторону, ему достаточно было переодѣть одного изъ своихъ маршаловъ въ мундиръ временъ республики и, поставивъ его во главѣ не очень уже многочисленной колонны своихъ войскъ, сказать: „ступайте и либо умрите, либо раздавите своею массою центръ непріятеля и разрубите мечомъ своимъ скрытый тамъ узелъ побѣды“. И маршалъ пошелъ и выполнилъ все, какъ было ему сказано, и снова геній велѣвшаго былъ превознесенъ до небесъ. Здѣсь же, въ этой великой битвѣ, не одного маршала онъ ставитъ во главѣ огромныхъ массъ, а трехъ-четырехъ и всѣмъ имъ со скрежетомъ зубовнымъ повторяетъ все то же: „умрите“; подъ

гипнозомъ этого слова лавины войскъ несутся впередъ, но маршалы падаютъ, сраженные на пути своемъ, а лавины таютъ и, докатившись уже жидкими волнами до скалъ береговыхъ утесовъ, со стономъ и ревомъ разсыпаются въ прахъ послѣ могучаго удара.

Онъ вспомнилъ о томъ, что у него есть еще много пушекъ и ядеръ, и рѣшилъ уничтожить сопротивляющихся ему при посредствѣ этого. Болѣе 400 орудій начали громить войска наши, и подъ грохотъ этой канонады начали снова строиться къ атакѣ легіоны непріятеля. Буквально по трупамъ товарищей пошли впередъ, и казалось, что все уничтожатъ и сомнутъ они своимъ стремленіемъ. Кн. Багратіонъ, смотря на эту потрясающую картину, ощущалъ въ душѣ своей восторгъ, который всегда закрадывался и охватывалъ его военное сердце при видѣ мужества и безпредѣльной отваги. А французы дѣйствительно достойны были восхищенія въ эти минуты. Картечь вырывала ихъ ряды, а кивера живыхъ людей, мелькая сквозь дымъ, плавно колыхались, и видно было, какъ закаленные въ бояхъ воины несли свои ружья, держа ихъ „подъ прикладъ“, какъ на парадѣ. Любуясь и восхищаясь этимъ зрѣлищемъ, Багратіонъ въ восторгѣ неоднократно повторялъ: „браво, браво!—какими молодцами они идутъ“—и ему захотѣлось показать врагамъ, что если они умѣютъ смотрѣть прямо въ глаза смерти, то и мы нисколько не уступимъ имъ въ этомъ. Онъ зналъ, что каждый изъ его воиновъ душой рвется теперь впередъ навстрѣчу врагу. Они теперь стрѣляютъ, потому что это имъ приказано, стрѣляютъ не всѣ, а только егеря, а прочіе только стоятъ, ожидая непріятеля. „Пуля дура, штыкъ молодецъ“, припомнилъ онъ въ эту минуту, и ему захотѣлось сейчасъ же прекратить эту стрѣльбу, которая вела только къ ослабленію духа, и сейчасъ же двинуться впередъ, съ громкимъ „ура“—въ штыки.

Онъ поскакалъ къ полкамъ. „Впередъ, братцы, впередъ; въ штыки; ура!“ закричалъ онъ, и полки услышали въ пылу боя призывной вопль своего вождя и съ могучими криками они пошли впередъ, склонивъ свои штыки. Самъ онъ, ихъ любимый вождь, ведетъ ихъ, подобно тому, какъ это было въ былые, славные дни. А кругомъ то и дѣло порхали ядра и чиненки. „Здѣсь даже и трусъ не найдетъ себѣ мѣста“, сказалъ Багратіонъ, обращаясь къ своей свитѣ, и въ этотъ моментъ разорвалась упавшая вблизи чиненка и онъ почувствовалъ сильную боль въ передней части правой берцовой кости. Посмотрѣвъ на ногу, онъ увидѣлъ, что вся она въ крови. Полки его уже сцѣпились съ французами, и въ то время, какъ передніе бились уже штыками и прикладами, задніе, идя въ колоннахъ, кричали „ура!“ въ честь своего вождя и предстоящей сѣчи.

Не желая показать своимъ питомцамъ вида, что онъ раненъ, кн. Багратіонъ, махая рукой, въ которой сверкала шашка, кричалъ что-то проходящимъ войскамъ и они, хотя и не слышали за грохотомъ боя его словъ, но сердцами своими улавливали смыслъ того, что онъ говорилъ имъ и, поворачивая головы въ его сторону, кричали еще громче и воинственнѣе. Одинъ полкъ приходилъ за другимъ, и всѣ они исчезали въ горнилѣ битвы, а онъ все стоялъ и трудно было ему разстаться въ эти торжественныя минуты съ солдатами и дѣтьми своими, съ которыми сроднилось сердце его, но наконецъ силы изнемогли. Все помутилось въ его глазахъ: и грохотъ боя и крики людей—все это какъ бы утихло для него и перестало быть. Единственное, что онъ сознательно ощущалъ, это дурноту и головокруженіе, и блѣдный, съ блуждающимъ взоромъ склонился къ сѣдлу. Кто-то поддержалъ его,—кто-то неутѣшно зарыдалъ, и это промелькнуло въ его сознаніи, и онъ не могъ уяснить себѣ, о чемъ рыдаетъ и скорбитъ нагнувшійся надъ нимъ человѣкъ, и кто онъ, и зачѣмъ онъ склонился надъ нимъ. Онъ не сознавалъ того, что его безпомощнаго и окровавленнаго положили на землю, политую кровью человѣческой, и что къ этой крови теперь примѣшалась кровь одного изъ лучшихъ воиновъ русскихъ,—его кровь. Его положили на носилки и, наскоро перевязавъ рану, понесли на перевязочный пунктъ. Неоднократно во время этой переноски сознаніе возвращалось къ нему, и тогда ослабѣвшимъ голосомъ онъ начиналъ разспрашивать у сопровождавшихъ его о томъ—не посрамились ли безъ него его „чудо-богатыри“ и даже дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія для боя. Потомъ онъ снова впадалъ въ забытье и умолкалъ, и тогда душа его чувствовала неизъяснимую радость отъ того успокоенія, въ которое она погружалась. Все земное какъ-то вдругъ исчезало передъ ней; всѣ стоны, слезы и вопли земли, среди которыхъ душа жила такъ долго, отодвигались отъ нея куда-то во мракъ временъ, и все это теперь казалось такимъ ничтожнымъ и жалкимъ въ сравненіи съ тѣмъ торжественнымъ великимъ покоемъ, въ пучинѣ котораго и таилась истинная жизнь и родина души; и къ этой родинѣ рвалась теперь душа радостная и ликующая,—гордая сознаніемъ исполненнаго ею долга и честнымъ выполненіемъ той миссіи, которую возложилъ на нее Творецъ, отпуская эту душу въ одинъ изъ Его безчисленныхъ міровъ, девизъ котораго—страданіе и пѣсня-стонъ. А тѣмъ, которые его несли и сопровождали, было больно и невыразимо тяжело на сердцѣ, ибо сознавали они въ тоскѣ своей, что уходитъ отъ нихъ „человѣкъ“, и невидимая и неуловимая для ихъ земныхъ чувствъ радость и ликованіе возвращающейся на родину души казалась имъ печатью

холодной и ужасной смерти, безсердечно хватающей отъ нихъ то, что было имъ дорого и мило и что при жизни своей вливало въ нихъ силу и бодрость и давало имъ поддержку на трудномъ, тернистомъ пути каждаго изъ нихъ. Во время перевязки онъ почти не чувствовалъ боли и не испытывалъ страданій, ибо душа его попрежнему была отвлечена сладкимъ предвкушеніемъ жизни среди свѣта и истины и только, когда докторъ запускалъ свой грубый зондъ въ рану, то ужасная боль заставляла душу снова возвращаться на землю, и она глухимъ болѣзненнымъ стономъ выражала свою тоску отъ минутнаго соприкосновенія съ болью земли и ей не хотѣлось уже больше погружаться въ этотъ міръ, и она готова была молить Создателя о своемъ освобожденіи.

Послѣ перевязки его отправили въ Москву, и воины его, исполнивъ свой долгъ на полѣ брани, усталые и печальные, шли этою ночью по большой Московской дорогѣ, оставивъ половину своихъ товарищей на этомъ полѣ, и печаль ихъ тогда была бы неутѣшной, если бы кто-нибудь увѣрилъ бы ихъ, что не увидятъ они своего вождя, но, къ счастію, каждый изъ нихъ въ эти мрачные и тягостные часы жилъ надеждою на то, что снова онъ вернется къ нимъ и сиротству ихъ придетъ тогда конецъ. Но такова была Великая воля Творца: Онъ взялъ отъ нихъ раба своего, посланнаго въ міръ на тотъ срокъ, продолжительность котораго—въ Его Волѣ и независима отъ жалкихъ человѣческихъ нуждъ и стремленій.

12-го сентября 1812 года, въ м. Симы, Владимірской губерніи, принадлежащемъ кн. Голицыну, тихо почилъ доблестный воинъ, сердцевѣдецъ и ловецъ душъ человѣческихъ—генералъ-отъ-инфантеріи, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ и 17 числа этого же мѣсяца, священникъ, напутствуя душу великаго человѣка къ предѣламъ ея вѣчной родины, тихо и печально просилъ Создателя о принятіи этой души въ свѣтлыя и вѣчныя обители. И плакали всѣ, слышавшіе эту мольбу бѣднаго человѣка предъ Его Создателемъ, и въ этой дерзновенной мольбѣ было такъ много трогательнаго и утѣшительнаго, ибо въ ней становился ничтожный человѣкъ къ подножію трона Творца міровъ и вселенныхъ и, несмотря на ничтожество свое, начиналъ лепетать на языкѣ своемъ и плакать слезами глазъ своихъ, и Великій и Вѣчный слушалъ созданіе Свое и не устраняя его отъ лица Своего, ибо Онъ, Непостижимый, Самъ позволилъ ему нести слезы и горе свое къ Себѣ, дабы утѣшить въ тоскѣ тотъ прахъ, въ который Онъ вселилъ душу живую. И оплакивали почившаго всѣ русскіе люди, ибо былъ человѣкъ и не стало его между ними. Жилъ онъ и трудился въ теченіе своей жизни въ пользу и въ славу родной земли, и вотъ оборвалась нить его жизни,

дѣянія его записаны на память потомству и въ поученіе людямъ, дабы знали они про человѣка, гордились имъ, потому что былъ онъ изъ ихъ страны, и черпали въ дѣлахъ его назиданія себѣ. И теперь, когда прошло 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ міръ великій человѣкъ, невольно хочется спросить у народа русскаго— у бѣдныхъ и богатыхъ, у ученыхъ и темныхъ, и спросить такъ: „Народъ россійскій, вѣдомо ли тебѣ о томъ, — кто вѣчнымъ сномъ почилъ въ м. Симахъ?“ И сердце чуетъ, что печаленъ будетъ отвѣтъ, и что всѣ въ одинъ голосъ скажутъ: „нѣтъ, не знаемъ“, и только лишь одиночные, очень немногіе голоса прокричатъ: „знаемъ, знаемъ—кто вѣчнымъ сномъ почилъ въ м. Симахъ и чтилъ дѣянія почившаго“. Но быть можетъ, люди русскіе, вы знаете про тѣхъ „богатырей“ земли вашей, которые когда-то жили среди васъ, украшая собою страну вашу и исторію вашу и къ побѣдамъ водили славныя полчища россійскія? И снова слышенъ печальный отвѣтъ отрицанія, и лишь очень немногіе, почти одиночные голоса прокричатъ: „знаемъ, знаемъ и цѣнимъ дѣянія ихъ“. И устыдится тогда народъ темноты своей и скажетъ: „никто не напомнилъ и не сказалъ намъ про этихъ людей и про дѣла ихъ, какъ будемъ знать ихъ и черпать въ нихъ силу и крѣпость, если не вѣдаемъ дѣлъ ихъ. А вы, воины христолюбивые, ужель и вамъ невѣдомо имя почившаго въ Симахъ старшаго брата вашего, который жилъ среди дѣдовъ и прадѣдовъ вашихъ, уча ихъ на собственномъ примѣрѣ тому, какъ надо любить страну свою и жертвовать своею кровью во благо ея. „Нѣтъ, не знаемъ мы про это“, отвѣтятъ и воины: „мы отъ народа, и никто не говорилъ намъ объ этомъ ни въ школахъ, ни въ домахъ; и если въ школахъ учили насъ чему, то это не дошло до глубинъ сердецъ нашихъ и не зажгло душъ нашихъ; „никчемному“ насъ тамъ учили, да и то мы позабыли“. Развѣ не вѣрно то, о чемъ здѣсь говорю съ болью и тоскою.

Въ школахъ нашихъ дальше сказочки: „скирлы, скирлы, — на липовой ногѣ, на березовой клюкѣ“ и т. под. „никчемнаго“ вздора не идутъ. Каждый изъ насъ, имѣющихъ общеніе съ солдатами, можетъ подтвердить это. Спросите у пришедшихъ въ роту новобранцевъ о томъ—кто изъ нихъ былъ въ школѣ и учился въ ея стѣнахъ, и половина изъ нихъ окажется такими, но изъ этой половины одинъ, или два отвѣтятъ вамъ на вопросъ даже о Суворовѣ только то, что онъ былъ „воякa“ (буквальное выраженіе), безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, а главное безъ намека на тотъ святой огонекъ, который, при правильномъ взглядѣ на вопросы о воспитаніи народныхъ массъ, непремѣнно долженъ загораться въ русской душѣ при воспоминаніи этого имени. О Багратіонѣ лучше и совсѣмъ не спра-

шивать, ибо отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ гробовое молчаніе. „Арфа сломана; аккордъ ужъ не рыдаетъ“,—такъ нужно перефразировать въ данномъ случаѣ стихъ поэта—и больно, и грустно подобное забвеніе великихъ дѣлъ великихъ людей.

Зачѣмъ же эти школы, къ чему всѣ эти гимназіи, если въ ихъ стѣнахъ учатъ всему, чему хотите, но не говорятъ о главномъ, въ чемъ юношество можетъ черпать силу и крѣпость при выполненіи своего долга передъ Царемъ и Россіей. Мы набиваемъ головы юношей разсказами про „Пипиновъ Короткихъ, Генриховъ Птицелововъ“, и т. подобными „историческими сказками“, незнаніе которыхъ не принесло никому никакого бы ущерба, а про такихъ „колоссовъ“, какъ Багратіонъ и ему подобные богатыри земли русской, дѣянія которыхъ должны проникнуть въ глубину души, мы, если и упоминаемъ въ стѣнахъ школъ и средне-учебныхъ заведеній, то только черезъ посредство снотворныхъ и шаблонныхъ повѣствованій, не оставляющихъ въ душѣ никакого слѣда. Надо ли говорить про то, какъ чтутъ своихъ героевъ нѣмцы, французы и японцы; каждому это извѣстно, у насъ же, въ день столѣтней годовщины смерти Суворова, публика, глядя на тѣ приготовленія, которыми хотѣли почтить память усопшаго, говорила почти съ ироніей: „готовятся къ солдатскому празднику“, и въ этихъ словахъ звучало полупрезрительное, — если не сказать сильнѣе, отношеніе къ усопшему. Вотъ плоды системы воспитанія нашего юношества. Въ высшей военной школѣ лѣтъ 15—20 тому назадъ изучали разныхъ „Фридриховъ, Карловъ и Адольфовъ“, съ „Цорндорфами и Кунендорфами“, а своихъ великановъ оставляли въ забвеніи, находя, видите ли, дѣянія ихъ мало поучительными. Безсмертные итальянскій и швейцарскій походы обходили молчаніемъ, а про какое-нибудь „Арколе“, или „Лодди“ говорили съ жаромъ и пламенемъ, стараясь увѣрить слушателей, что все это перлы, про которые долженъ знать весь міръ. Про какого-нибудь Цитена или Зейдлица говорили такъ, что слушатели начинали воображать себѣ фигуры этихъ господъ въ видѣ закованныхъ въ латы исполиновъ, которые, если разъ махнутъ мечемъ,—то переулочки, а другой разъ махнутъ, такъ и улицы, про Багратіона же и ему подобныхъ — таинственное молчаніе. Отчего же это? А Богъ знаетъ; должно быть, такова наша натура, да и не мѣсто здѣсь разбирать этотъ вопросъ.

Спи же вѣчнымъ сномъ, доблестный воинъ русскій и учитель нашъ, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, и да будетъ тебѣ пухомъ земля родной страны. Духъ твой безсмертный дождется тѣхъ свѣтлыхъ дней, когда всякъ истинно русскій человѣкъ будетъ чтить

имя твое, какъ великаго человѣка, и когда юноши наши будутъ воспитываться, изучая дѣянія твои и тебѣ подобныхъ людей русскихъ, и тогда загорится въ сердцахъ ихъ любовь только къ своей великой родинѣ, ибо спадетъ съ очей ихъ повязка, данная имъ быть можетъ только для того, чтобы усугубить радость прозрѣнія.

Миръ душѣ твоей и вѣчная тебѣ память.

Надо ли говорить, что прахъ почившаго въ 1839 году былъ торжественно перевезенъ и погребенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ духъ, въ немъ обитавшій по волѣ Создателя, свершилъ назначенное ему. Прахъ отшедшаго теперь покоится на мѣстѣ, гдѣ пролилась его кровь во славу горячо имъ любимой родины.

Л. Бѣльковичъ.

Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву.

(11—18 іюля 1812 года) [1].

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій, открытыхъ въ 1812 г. Наполеономъ противъ Россіи, Москва томилась неизвѣстностью и съ жадностью ловила и разносила всякую вѣсть, приходившую съ границъ имперіи. Переходъ непріятеля черезъ Нѣманъ, занятіе Вильны, отступленіе нашихъ войскъ, укрѣпленный лагерь при Дриссѣ,—все было предметомъ толковъ и осудительныхъ разговоровъ. Установившееся съ первыхъ дней возникновенія Петербурга значительное отчужденіе отъ него древней столицы и вызванная этимъ чувствомъ склонность порицать исходящія изъ Петербурга мѣропріятія съ наибольшею силою проявились теперь, когда страна, казалось, подходила къ краю гибели. Въ тѣ годы Москва, уже мѣняя свои старинныя привычки и вводя новые обычаи, сохранила однако во многомъ особенности своего быта, столь характерныя для екатерининскаго времени. Всѣ важнѣйшіе вельможи, за старостью дѣлавшіеся неспособными къ работѣ, или разочарованные, или уволенные отъ службы, пріѣзжали мирно доканчивать свое существованіе въ этомъ городѣ, къ которому всякаго тянуло или по его рожденію, или по его воспитанію, или по воспоминаніямъ молодости, играющимъ такую сильную роль на склонѣ жизни. Каждое семейство имѣло свой домъ, а болѣе зажиточные—имѣніе подъ Москвой. Въ Москву пріѣзжали чтобы веселиться, чтобы жить со своими близкими, съ родствен-

[1]) Краткій очеркъ пребыванія Императора Александра I въ Москвѣ въ 1812 г. былъ напечатанъ въ іюньской кн. „Русск. Стар.“, стр. 465—466. *Ред.*

никами, видѣться со знакомыми, чтобы дать дѣтямъ приличное воспитаніе и вообще пользоваться преимуществами жизни въ столицѣ; въ губернскихъ же городахъ проживали больше чиновники и купцы. Весною, въ концѣ февраля, дворяне оставляли городъ, переѣзжая въ деревни, отчасти по привычкѣ, а главнымъ образомъ для уменьшенія расходовъ. Такимъ неслужащимъ и независимымъ дворянствомъ составлялось извѣстнаго рода общественное мнѣніе, если только примѣнимо подобное обозначеніе къ разговорамъ мелочного свойства, которымъ, за нѣкоторыми впрочемъ исключеніями, предавались тогда въ московскихъ гостиныхъ; во всякомъ случаѣ съ мнѣніемъ Москвы правительственная власть изъ политическихъ видовъ часто полагала необходимымъ считаться, оказывая ей вниманіе, хотя и проявлявшееся по большой части внѣшнимъ образомъ.

Кромѣ милостей, изливавшихся на высшее московское общество при каждомъ вступленіи на престолъ, когда новый государь пріѣзжалъ короноваться, въ Москву обычно назначался губернаторомъ кто-нибудь изъ прежнихъ главнокомандующихъ или же фельдмаршалъ, который имѣлъ право сноситься непосредственно съ государемъ; въ военное время, каждый разъ, когда надо было извѣщать о побѣдѣ, отправлялся изъ Петербурга курьеръ съ рескриптомъ генералъ-губернатору, заключавшимъ въ себѣ лестныя для Москвы выраженія; при каждомъ восшествіи на престолъ посылается туда кто-либо изъ выдающихся офицеровъ, чтобы возвѣстить объ этомъ событіи и т. п. Наша память и до послѣдняго времени сохраняетъ остатки того преимущественнаго значенія Москвы, которое правительство поддерживало, имѣя дѣло съ городомъ, бывшимъ въ полномъ смыслѣ слова „дворянскимъ гнѣздомъ“. Серьезнаго въ отрицательныхъ взглядахъ тогдашняго московскаго дворянства въ началѣ александровскаго царствованія было, какъ сказано, не очень много; по выраженію одного изъ самыхъ блестящихъ представителей сословія, графа Ѳедора Ростопчина „дворянство было покорно, хотя иногда предавалось болтливости и фрондерству“ [1]).

Однако среди отдѣльныхъ выдающихся представителей Москвы въ отношеніи къ Императору Александру I-му замѣчалось и болѣе рѣзкаго свойства обличительное направленіе, при которомъ, сохраняя выгодное положеніе „стародумовъ“, „хранителей старины“, эти лица касались завѣтныхъ мыслей и личныхъ распоряженій государя, клонившихся къ обновленію павловской Россіи. Либеральные со-

[1]) О Московскомъ обществѣ см. въ Запискахъ гр. Ѳ. В. Ростопчина. „Русская Старина“ 1889 года, декабрь.

вѣтники Императора Александра I, по мнѣнію политиковъ такой складки, приведутъ страну къ мятежу и упадку, „франкъ-масоны“ всѣхъ видовъ, имѣя повсюду проповѣдниковъ и сообщниковъ, скрытно достигаютъ своей цѣли, подготовляя себѣ власть разрушеніемъ существующаго; они же являются сторонниками Наполеона.

Болѣе или менѣе свободно высказываемый взглядъ этотъ на преобразовательныя намѣренія правительства искусно поддерживался тѣмъ, что трагическая кончина Императора Павла для его преемника была незаживавшею раною, и удаленные дѣятели минувшаго царствованія, выставляя себя при случаѣ преданными слугами покойнаго государя, полагались на уваженіе Императора Александра I къ памяти отца, вслѣдствіе чего и могли считать себя неприкосновенными. Къ франмасонамъ, стремившимся ограничить дворянскія преимущества и освободить крестьянъ, былъ отнесенъ самъ Императоръ Александръ, извѣстный дружескій комитетъ первыхъ годовъ его правленія (гр. Строгановъ, кн. Кочубей, Адамъ Чарторижскій), а затѣмъ—М. М. Сперанскій.

Незадолго до войны обнаружилось, что недовольство имѣетъ за собою, помимо московской склонности къ фрондерству и боязни преобразованій, иныя причины, глубокія и разнообразныя. Сверхъ того оно сдѣлалось всеобщимъ. Неопредѣленное положеніе наше съ Англіею, воспрещеніе ввоза товаровъ тяжело отражалось на внутренней жизни Россіи. Народъ ропталъ на увеличеніе повинностей, купечество банкрутилось вслѣдствіе совершеннаго прекращенія торговли, упадка курса и дурного состоянія финансовъ. Въ 1810 г. серебряный рубль былъ доведенъ до 4 руб. ассигнаціями. „Я вамъ скажу, писалъ П. В. Чичаговъ графу С. Р. Воронцову, что однимъ взмахомъ пера насъ обѣднили на двѣ трети; мука въ Петербургѣ отъ 18 до 25 рублей, дрова отъ 12 до 15 р., сукно отъ 35 до 50 р. аршинъ и т. д. Я не говорю о сахарѣ, т. к. можно обойтись безъ завтрака, но не безъ обѣда. Такимъ образомъ живущіе въ странѣ (Россія), теряютъ еще больше, чѣмъ тѣ, которые выѣзжаютъ изъ нея въ виду разницы образа жизни въ Россіи и въ другихъ странахъ. Удары власти неограниченной, произвольной и необдуманной уничтожили зарождающуюся промышленность, а нововведенія и постоянныя перемѣны окончательно поколебали то небольшое довѣріе, которое сохранилось къ мѣрамъ правительства“.—Чиновничество было недовольно экзаменами, возвышеніемъ цѣнъ на всѣ жизненныя потребности и обвиняло въ томъ купечество, желавшее возмѣстить свои потери на потребителяхъ. Избавленія ждать было не отъ кого; правительство не вмѣшивалось въ подробности торговли, и Карамзинъ писалъ, что „Россія наполнена недовольными. Жалуются въ

палатахъ и хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правительству, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры". Высшій классъ былъ недоволенъ потерею преобладающаго вліянія Россіи въ Европѣ и войною съ Австріей, свидѣтельствовавшей о подчиненіи нашемъ Наполеону.

Слухи самые нелѣпые распространялись не только въ Россіи, но и за границею. Въ главной квартирѣ эрцгерцога австрійскаго Фердинанда серьезно разсказывали, что Императоръ Александръ отрекся отъ престола и передалъ регентство Сенату.

Всѣ эти слухи, главнѣйшимъ образомъ, исходили изъ Москвы [1]). Еще въ 1809 году, дабы успокоить взволнованное общественное мнѣніе и понимая значеніе Москвы, Александръ рѣшился самъ подъ благовиднымъ предлогомъ свиданія съ любимою сестрою Екатериною Павловною, жившей тогда въ Твери, посѣтить первопрестольную столицу. Москвичи остались въ восторгѣ отъ Государя, а Государь отъ москвичей. Императоръ не скрывалъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на него встрѣча и пріемъ Москвы; вспоминая этотъ день, Александръ впослѣдствіи говорилъ: „C'était le plus beau jour de ma vie". При слѣдующемъ своемъ посѣщеніи, черезъ три года въ письмѣ къ своей сестрѣ Екатеринѣ онъ о томъ же событіи отозвался такъ: „я не могу передать Вамъ, какія чудныя воспоминанія разбудилъ во мнѣ видъ Москвы. Я плачу, какъ ребенокъ, когда вспоминаю наше прибываніе въ немъ [2])".

Вторымъ и крупнѣйшимъ шагомъ къ сближенію съ обществомъ была отставка и ссылка Сперанскаго 17-го марта 1812 года. Съ его отъѣздомъ исчезла главная помѣха къ примиренію Императора Александра съ дворянскимъ сословіемъ. Дальнѣйшимъ шагомъ по тому же пути было назначеніе 24-го мая графа Ростопчина, представителя охранительнаго направленія въ томъ родѣ, какъ было упомянуто выше, военнымъ губернаторомъ въ Москву [3]).

Съ приближеніемъ отечественной войны патріотическое настроеніе, питаемое тревогами, опасеніями и лишеніями, связанными съ именемъ Бонапарта, росло и укрѣплялось. Во всѣхъ слояхъ общества, „въ позолоченныхъ ли салонахъ высшаго круга, въ отличающихся ли простотою казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ тихой

---

[1]) См. у Н. Дубровина. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. „Русская Старина". Сентябрь 1901 г., стр. 450—455.

[2]) Переписка Имп. Александра Павловича съ Велик. Княг. Екатериною Павловною, изданная Вел. Кн. Николаемъ Михаиловичемъ. Письмо отъ 11 іюля 1812 года, № 67.

[3]) См. у Ю. Карцова и К. Военскаго. Причины войны 1812 года. Спб. 1911 г., стр. 101—103.

ли бесѣдѣ дружеской, въ разгульномъ ли обѣдѣ или вечеринкѣ,— одно, одно только высказывалось: желаніе борьбы, надежды на успѣхъ, на возрожденіе отечественнаго достоинства и славы имени русскаго. Въ домашнемъ кругу отцы благословляли дѣтей своихъ, жены— мужей, любовницы—милыхъ ихъ сердцу на дѣло святое, близкое каждому русскому“ [1]). Нашествіе Наполеона не представляло собою для Россіи чего-либо внезапнаго, „оно давно уже было предвидѣно“, говоритъ Н. И. Гречъ въ своихъ запискахъ, „предсказано и ожидалось со дня на день. Особы, посвященныя въ тайны кабинетовъ, утверждали, что, вѣроятно, все кончится миролюбіемъ, что нѣтъ никакихъ ясныхъ примѣтъ скораго начатія войны. Но публика судила и видѣла иначе, видѣла правду, которой до времени нельзя возгласить во всеуслышаніе“.

Легко себѣ такимъ образомъ представить, какъ со времени вступленія въ страну Наполеонскихъ войскъ, волновалась, всегда расположенная къ подозрѣніямъ, Москва и какъ всѣ неопредѣленные слухи о первыхъ военныхъ операціяхъ, не представлявшихъ собою ничего блестящаго, увеличивали тревогу, тѣмъ болѣе, что Императора Александра не оставляло желаніе руководить дѣйствіями арміи. Онъ прибылъ къ дѣйствующей арміи 14 апрѣля 1812 г.

Хотя война началась отступленіемъ русскихъ войскъ, но тѣмъ не менѣе не сразу была покинута мысль дать сраженіе непріятелю; по вторженіи французовъ въ Россію лишь постепенно пришли къ убѣжденію, что наши силы далеко не соотвѣтствуютъ громадной численности арміи Наполеона, и такимъ образомъ усиленіе нашихъ боевыхъ средствъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій явилось настоятельною потребностью. Къ этой цѣли стали направляться всѣ распоряженія, отдававшіяся Императоромъ Александромъ; вскорѣ они совершенно измѣнили первоначальный планъ дѣйствій, такъ какъ было признано безусловно необходимымъ соединить двѣ арміи и возбудить народную войну. Въ это время наши войска уже двигались изъ Дрисскаго лагеря къ Полоцку [2]).

Къ ночи 6-го мая велѣно было приготовить коляски, чтобы ѣхать черезъ Смоленскъ въ Москву, а Шишкову поручено было

---

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, изд. 1901 г., стр. 149.

[2]) Авторомъ этой статьи приводились данныя относительно доклада Императору Александру I Аракчеева, Балашова и Шишкова, напечатанныя въ іюньской книгѣ „Русск. Стар.“, стр. 455—461; а потому и выпущенныя. Какъ извѣстно, докладъ этотъ былъ причиной отъѣзда Государя изъ арміи. *Ред.*

написать воззваніе къ первопрестольной столицѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи [1]).

Поѣздка въ Москву была окончательно рѣшена.

Недовольные ходомъ военныхъ дѣлъ съ самаго начала кампаніи радовались, что былъ оставленъ Дрисскій лагерь, что Императоръ рѣшился предоставить полную власть главнокомандующему, возложивъ тѣмъ на послѣдняго отвѣтственность за дѣйствія, что онъ ѣхалъ въ средоточіе Россіи, въ Москву, чтобы поднять духъ народа и призвать его на защиту отечества.

Государь приказалъ московскому главнокомандующему графу Ростопчину, чтобы никакой встрѣчи не подготовлялось, но чтобы самъ онъ ѣхалъ встрѣтить его на первой станціи отъ Москвы по Смоленской дорогѣ, куда прибытіе предполагалось 10-го іюля къ 3 часамъ дня; 11-го вся Москва узнала о скоромъ пріѣздѣ благодаря отпечатанію Ростопчинымъ полученнаго воззванія вмѣстѣ съ его „извѣщеніемъ въ моемъ родѣ“ (bulletin de ma façon), какъ онъ выражается въ своихъ запискахъ.

Къ 10 часамъ утра 11-го іюля съ распространеніемъ извѣстія о прибытіи Государя взволновалась вся Москва, и улицы наполнились народомъ. Неизвѣстность, которою томилась столица, предчувствуя силу грозившей родинѣ опасности и не имѣя свѣдѣній о принятыхъ для защиты мѣрахъ, должна была окончиться свиданіемъ съ Государемъ; отъ него ждали вѣрнаго и надежнаго слова и разрѣшенія господствовавшаго недоумѣнія относительно настоящихъ и будущихъ дѣйствій противъ врага. Волны народа двинулись по всѣмъ улицамъ, спѣша за заставу на Смоленскую дорогу, чтобы привѣтствовать и встрѣтить Государя. Весь день прошелъ въ ожиданіи, а къ вечеру кто-то изъ ѣхавшихъ въ Москву, увидя двигающуюся по дорогѣ толпу уже на 17-ой отъ города верстѣ, объявилъ, что Государь ночуетъ въ Перхушковѣ, гдѣ ожидаетъ его и гр. Ростопчинъ. Встрѣчавшіе должны были возвратиться обратно. Гр. Ростопчинъ, разсчитавъ встрѣтить Государя въ Перхушковѣ, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, пріѣхалъ туда къ назначенному времени, но Александръ прибылъ только къ 5 часамъ. „Онъ болѣе часа разговаривалъ со мною наединѣ (пишетъ гр. Ростопчинъ), хвалилъ меня за способъ моихъ дѣйствій, чтобы пріобрѣсть расположеніе жителей Москвы. Онъ говорилъ о войнѣ, никого не обвинялъ въ дурномъ образѣ дѣйствій; казалось, былъ увѣренъ, что

---

[1]) Манифестъ первопрестольной столицѣ уже былъ напечатанъ въ іюньской кн. „Русск. Стар.“, стр. 447. *Ред.*

арміи Барклая и Багратіона соединятся, вовсе не казался унылымъ, но былъ спокоенъ и въ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ разспрашивалъ меня о настроеніи умовъ, сообщилъ мнѣ свое намѣреніе обратиться къ дворянству съ предложеніемъ образовать земское ополченіе и хотѣлъ остановиться въ Москвѣ въ Слободскомъ дворцѣ, находящемся на одной изъ городскихъ окраинъ. Но когда я замѣтилъ, что было бы приличнѣе, если бы онъ находился въ Кремлѣ, во дворцѣ своихъ предковъ и средоточіи города, то онъ согласился съ моимъ замѣчаніемъ. Взглянувъ на мои эполеты, сказалъ: „здѣсь кой-чего недостаетъ“, подразумѣвая свой вензель, особенное отличіе, которое въ то время имѣли только двое главнокомандующихъ. Онъ къ этому прибавилъ: „Мнѣ пріятно быть на вашихъ плечахъ“ (j'aime à être sur vos épaules).

„При Государѣ находились оберъ-гофъ-маршалъ гр. Толстой, гр. Аракчеевъ, кн. Волконскій и гр. Комаровскій. Узнавъ, что въ свитѣ находился баронъ Штейнъ, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, подъ предлогомъ недостатка въ лошадяхъ, замедлили его пріѣздъ въ Москву на нѣсколько часовъ. Я сдѣлалъ это въ виду сильно укоренившагося мнѣнія, что всѣ иностранцы наши враги и шпіоны. Въ 8 часовъ Государь приказалъ мнѣ ѣхать, часомъ прежде него, желая прибыть около полуночи въ Москву, для того чтобы избѣгнуть толпы любопытныхъ, которые его ожидали по дорогѣ и намѣревались даже выпрячь лошадей и сами везти его коляску въ Кремль. Эта мысль отъ народа перешла и къ болѣе высшимъ классамъ, и мнѣ было извѣстно, что многія лица, имѣвшія даже ордена, намѣревались отправиться къ заставѣ и, можетъ быть по усердію, а можетъ быть и по глупости, превратиться такъ въ четвероногихъ“.

„На пространствѣ 15 верстъ отъ Москвы, по обѣимъ сторонамъ дороги, были толпы народа, вышедшаго изъ города навстрѣчу Государю. Они лежали или сидѣли, отдыхая по валамъ канавъ. Я ѣхалъ въ дрожкахъ и никогда не забуду этого путешествія, которое произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Ночь была великолѣпная, небо ясно, и ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Величественная тишина и лунный свѣтъ, падавшій на страну, населенную, богатую и счастливую, производили сильное впечатлѣніе. Въ каждой деревнѣ, находившейся на дорогѣ, священники съ крестомъ въ рукѣ, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ съ зажженными свѣчами выходили изъ церквей, чтобы благословить Государя при его проѣздѣ. Эти свѣчи, эти священники, ихъ появленіе, сильно дѣйствовали на воображеніе, волновали чувства и возбуждали множество мыслей, которыя современныя обстоятельства об-

вивали погребальнымъ трауромъ. Тяжело становилось на сердцѣ, волновалась душа, и тревожился умъ. Эти процессіи напоминали похороны, и послѣ взгляда на нихъ глаза невольно подымались къ небу, какъ бы желая прочесть на немъ будущую судьбу отечества".

Другой свидѣтель, гр. Комаровскій пишетъ, что отъ послѣдней станціи къ Москвѣ, вся дорога была наполнена такимъ множествомъ народа, что отъ бывшихъ у этихъ желающихъ видѣть своего Государя фонарей было свѣтло, почти какъ днемъ".

Было уже около полуночи, когда Государь приближался къ Москвѣ. Вышедшій ему навстрѣчу народъ уже большею частію возвратился въ городъ. Запоздавшіе и отставшіе соединились съ жителями села Филей или Покровскаго, которые непремѣнно хотѣли встрѣтить Государя. Они послали своихъ гонцовъ въ село Перхушково, которые и дали имъ во-время знать, что Государь выѣхалъ оттуда и приближается. Священникъ отецъ Григорій Гавриловъ, въ полномъ облаченіи, вышелъ впередъ народа на Поклонную гору, неся на серебряномъ блюдѣ крестъ, а старикъ дьяконъ держалъ зажженную свѣчу. Поравнявшись съ ними, Государь велѣлъ остановить лошадей, вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ провозгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его" [1]).

„Около полуночи (пишетъ гр. Ростопчинъ) Государь пріѣхалъ въ Кремль, гдѣ нашелъ, что всѣ спятъ; по странному недоразумѣнію, его ожидали въ другомъ дворцѣ". Странное недоразумѣніе, вѣроятно, произошло отъ самого гр. Ростопчина. По его свидѣтельству, Государь предполагалъ остановиться въ Слободскомъ дворцѣ, и безъ сомнѣнія согласно съ этимъ желаніемъ сдѣланы были приготовленія для его пріема. Онъ измѣнилъ это намѣреніе по совѣту гр. Ростопчина, который ранѣе Государя пріѣхалъ въ Москву изъ Перхушкова, но не далъ знать кому слѣдовало о томъ, что Государь прибудетъ въ Кремлевскій дворецъ.

Въ одномъ общемъ чувствѣ необходимости и готовности къ самопожертвованію для спасенія отечества сливались всѣ слои населенія, и оно-то, переполняя души, вызвало ихъ навстрѣчу Императора. Замѣчаніе гр. Ростопчина, что народъ остался равнодушенъ (indifférent) къ воззванію Императора, не допуская возможности, чтобы непріятель могъ занять Москву, опровергается именно попыткою этой встрѣчи, а еще болѣе собственнымъ его замѣчаніемъ:

---

[1]) С. Н. Глинка. Записки о 1812 г., стр. 11—12.

бороды, по его словамъ, говорили постоянно: „Наполеонъ не можетъ насъ покорить, потому что для этого нужно насъ всѣхъ перебить". Бороды чувствовали безсознательно вопросъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ поставленъ историческою судьбою. Нашествіе непріятеля грозило такимъ же покореніемъ и Россіи, какому уже подверглись многія страны континентальной Европы. Попытка подобной встрѣчи Императору была, такъ сказать, предувѣдомленіемъ только къ выраженію народнаго чувства, которое и обнаружилось на слѣдующій день [1]).

„Всякій, кто читалъ воззваніе Государя", говоритъ очевидецъ событій А. Д. Бестужевъ-Рюминъ [2]), „былъ тронутъ до глубины души, всякій готовъ одинъ былъ жертвовать собою для защиты престола и отечества".

Между тѣмъ гр. Ростопчинъ еще при своемъ назначеніи получилъ отъ Имп. Александра повелѣніе строго слѣдить, чтобы дворянство не переступало извѣстной черты и вообще, чтобы патріотическое движеніе, подъ впечатлѣніемъ неудачныхъ битвъ, не обратилось бы противъ правительства. Ростопчинъ доложилъ Государю въ отвѣтъ, что доколѣ секта франъ-масоновъ „въ большихъ мѣстахъ будетъ имѣть своихъ членовъ", общество не выкажетъ къ правительству полнаго довѣрія. Паденіе Сперанскаго и означало переломъ въ отношеніяхъ съ дворянскимъ обществомъ. Вслѣдствіе полученныхъ указаній и по личнымъ соображеніямъ гр. Ростопчинъ, хотя и возбуждалъ народное движеніе, однако одновременно опасался, какъ бы оно не вышло изъ береговъ и не отняло у него руководительство событіями. Его безпоконли не только франъ-масоны, но и слишкомъ пылкіе приверженцы его же направленія, напримѣръ, извѣстный тогда Москвѣ С. Н. Глинка, издатель „Русскаго Вѣстника", ненавистникъ французскаго вліянія на Россію. Этотъ самый Глинка былъ во главѣ толпы, двигавшейся 11-го іюля навстрѣчу Государю по Смоленской дорогѣ. Роль народнаго трибуна, которую принялъ на себя Глинка, пришлась не по вкусу Ростопчину, видѣвшему въ этомъ какъ-бы соперничество съ нимъ самимъ, покушеніемъ на его права, какъ московскаго главнокомандующаго. Онъ самъ желалъ играть ту же роль, что доказываютъ его пріемы обращенія съ народомъ и его афиши. „Не знаю почему (пишетъ Глинка вслѣдъ за описаніемъ своего выступленія), приказано было

---

[1]) А. Н. Поповъ. Москва въ 1812 году. „Русскій Архивъ". 1875 г. Книга вторая, стр. 301.

[2]) Записки А. Д. Бестужева-Рюмина. „Русскій Архивъ", 1896 г. № 7, стр. 348.

за мною присматривать", т. е. другими словами его отдали подъ надзоръ полиціи.

Народный порывъ 11-го іюля показалъ, какъ Государь будетъ принятъ всѣми сословіями въ самой Москвѣ. Ростопчинъ, желая показать замѣчательному иностранцу (образу мыслей котораго онъ однако жъ не сочувствовалъ) барону Штейну, въ какихъ отношеніяхъ Государь находится къ своимъ подданнымъ въ тяжелое время, послалъ ему слѣдующее приглашеніе на 12 іюля: „гр. Ростопчинъ, свидѣтельствуя свое почтеніе г. барону Штейну, препровождаетъ пакетъ, полученный на его имя и, если ему любопытно видѣть Императора, обожаемаго своимъ народомъ, то предлагаетъ ему пожаловать во дворецъ въ 10 часовъ".

12-го іюля на утро былъ назначенъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Народъ безъ всякихъ сообщеній зналъ уже, что Государь въ Москвѣ, и съ раннихъ часовъ стремился въ Кремль. Всѣ улицы площади, кровли домовъ заполнились до тѣсноты людьми. Въ 9 ч. появился на Красномъ крыльцѣ Императоръ, при его появленіи вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ и обычнымъ „ура!", слышались и другіе возгласы: „веди насъ, куда хочешь; веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ!". На каждой ступени Краснаго крыльца со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ (разсказъ очевидца) хватались за ноги Государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами... Быстрый приливъ народа стѣснялъ его все болѣе и болѣе, чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „не троньте, не троньте ихъ, я пройду". „Стеченіе народа (говоритъ другой очевидецъ гр. Комаровскій) на всей Кремлевской площади было такъ велико, что находившіеся при Государѣ генералъ-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобъ довесть Императора отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гаубтвахты и оттуда уже кое-какъ добрались до церкви. Между тѣмъ громогласное „ура!" заглушало почти колокольный звонъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время".

Описанія свидѣтелей дней пребыванія Александра въ Москвѣ въ общемъ сходны между собою, отличаясь лишь своимъ тономъ и нѣкоторыми подробностями: „Въ этотъ день" (12 іюля), пишетъ гр. Ростопчинъ, „въ большомъ соборѣ, послѣ обѣдни назначенъ былъ благодарственный молебенъ, по случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою. Государь пошелъ въ соборъ и при входѣ

былъ встрѣченъ архіепископомъ Августиномъ, викаріемъ митрополита Платона, который удалился въ маленькій монастырь [1]), построенный имъ въ 60 верстахъ отъ Москвы. Съ нимъ уже нѣсколько разъ были припадки паралича, и онъ плохо владѣлъ языкомъ; но это болѣзненное состояніе не помѣшало ему прислать изъ своего уединенія Государю образъ св. Сергія вмѣстѣ съ прекраснымъ письмомъ, въ которомъ онъ предвѣщалъ славный конецъ войнѣ и сравнивалъ Государя съ пастыремъ Давидомъ, а Наполеона съ Голіаѳомъ. Но времена уже были иныя: Наполеонъ не сдѣлалъ бы вызова и не таковъ былъ, чтобы позволить себя убить ударомъ пращи".

Императоръ Александръ I въ Москвѣ въ 1812 г.

Архіепископъ Августинъ, встрѣтившій Государя при входѣ въ Успенскій соборъ привѣтственною рѣчью, пользовался извѣстностью, какъ умный и горячій проповѣдникъ, хотя его „слова" наряжались въ изысканный риторическій уборъ. Однако въ его привѣтствіи выразилось то необычайное увлеченіе, съ которымъ Москва встрѣчала Александра въ настоящее, угрожающее событіями, время. „Наша благодарность, наша любовь къ тебѣ не имѣютъ предѣловъ; но твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувствія нашего къ тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими. Царю! Господь съ тобою: Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бурѣ, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны потопныя". При вступленіи Государя въ храмъ, вмѣсто обычной пѣсни пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Авгу-

[1]) Вифанія, близъ Троице-Сергіевской лавры.

стина, запѣли: „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его [1]). Образъ св. Сергія, которымъ митрополитъ Платонъ благословлялъ Императора, имѣлъ историческое значеніе: онъ былъ написанъ въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, на доскѣ отъ гроба преподобнаго Сергія. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (въ 1654 году) икона эта находилась при войскахъ въ войнѣ съ Польшею и возвращена потомъ въ Лавру (въ 1658 г.). Во время войны со шведами Петръ Великій поручилъ графу Шереметеву взять ее изъ Лавры, и она сопутствовала войскамъ во все продолженіе этой войны.

На 15 іюля Государь назначилъ дворянамъ и купцамъ собраться въ залахъ Слободскаго дворца [2]) съ тѣмъ, чтобы непосредственно обратиться къ мнѣнію этихъ сословій.—По его приказанію гр. Ростопчинъ и статсъ-секретарь Шишковъ отправились въ это собраніе до его пріѣзда съ тѣмъ, чтобы отъ его имени прочесть какъ дворянству, такъ и купечеству манифестъ 6 іюля. При входѣ гр. Ростопчинъ сказалъ, указывая на залу, гдѣ были собраны купцы: „Отсюда польются къ намъ милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя“. Впослѣдствіи въ своихъ запискахъ онъ такъ разсказываетъ о собраніи 15 іюля: „Передъ прибытіемъ Государя, я отправился во дворецъ вмѣстѣ съ г. Шишковымъ. Прежде мы посѣтили залу дворянъ, а потомъ купцовъ. Въ первой залѣ, въ которой собралось около 1.000 челов., съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ по полученіи извѣстія о пріѣздѣ Государя, все происходило тихо и въ порядкѣ; но во второй залѣ, гдѣ были собраны купцы, я былъ пораженъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело чтеніе манифеста. Сначала—вниманіе, потомъ гнѣвъ; но когда Шишковъ произнесъ слова, въ которыхъ говорилось, что непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы, тогда негодованіе выразилось въ сильнѣйшей степени: ударяли себя въ голову, рвали на себѣ волосы, ломали руки, видны были слезы гнѣва, струившіяся по этимъ лицамъ, напоминавшимъ древнихъ. Я видѣлъ одного, который скрежеталъ зубами. При этомъ шумѣ невозможно было разобрать, что говорили; но явно было, что это угрозы и возгласы гнѣва и стенанія. Это было единственное зрѣлище въ своемъ родѣ, когда русскій человѣкъ на свободѣ выражаетъ свои чувства и, забывая о своемъ рабствѣ, негодуетъ на оковы, которыя готовитъ ему иностранецъ,

---

[1]) Въ день посѣщенія Императоромъ Успенскаго собора, 12-го іюля, былъ назначенъ благодарственный молебенъ по случаю заключенія мира съ Оттоманской Портою. Ратификацію Бухаретскаго мира съ султаномъ Государь получилъ въ Смоленскѣ 9-го іюля.

[2]) Въ Лефортовѣ.

предпочитая смерть позору—быть побѣжденнымъ. Въ этомъ случаѣ открылись старые русскіе, они сохранили старую одежду, ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ ихъ предковъ. У нихъ не было другого руководства, другихъ началъ, другихъ правилъ, кромѣ четырехъ пословицъ, которыми объясняются причины какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ ихъ дѣйствій: „Русскій Богъ великъ; служить Государю вѣрою и правдою; два раза не умираютъ; чему быть, тому не миновать".

„Вотъ что дѣлаетъ настоящаго русскаго покорнымъ волѣ Божіей, вѣрнымъ своему Государю, равнодушнымъ къ смерти и предпріимчивымъ. И въ какомъ блескѣ выражалось его мужество и вѣрность въ продолженіе 1812 г.! Онъ дѣйствовалъ самъ собою, его инстинктъ одинъ руководилъ имъ. Древняя исторія мало представляетъ примѣровъ такой преданности и пожертвованій. Исторія нашего времени не представляетъ ни одного".

По поводу наивныхъ на этотъ разъ разсужденій гр. Ростопчина совершенно правильно замѣчаетъ А. Н. Поповъ [1]): „странное объясненіе чувствъ, выразившихся въ это великое мгновеніе исторической жизни народа, четырьмя поговорками показываетъ только, что многія изъ лицъ образованнаго сословія того времени такъ далеко отошли отъ народа, что даже и въ этомъ случаѣ не могли совершенно слиться съ нимъ и хотѣли стоять выше. Увидавъ лицомъ къ лицу настоящихъ русскихъ, они не узнавали ихъ и считали какъ бы за воскресшихъ изъ гроба предковъ".

Пріѣхавъ во дворецъ, Государь прежде всего вошелъ въ свои покои, куда явился къ нему гр. Ростопчинъ, чтобы доложить, что все готово къ его пріему, и сдѣлать отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ манифестомъ. Потомъ Государь вошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ совершено было краткое молебствіе. Государь какъ будто медлилъ вступить въ залы, гдѣ были собраны сословія. Дѣлая рѣшительный шагъ, онъ сосредоточивалъ мысли: прибѣгая къ народной силѣ и сливаясь съ нею, онъ какъ будто отказывался отъ своего личнаго полновластія; но въ то же время онъ чувствовалъ, что въ силѣ народа получаетъ еще большую силу. „Войдя въ дворянскую залу (пишетъ Ростопчинъ), онъ казался озабоченнымъ. Шагъ, который онъ рѣшался сдѣлать, не могъ не быть тяжелъ для каждаго Государя. Онъ милостиво поклонился собранію; потомъ, нѣсколько собравшись съ духомъ, съ лицомъ оживленнымъ, сказалъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности, которая произвела электрическое дѣйствіе и расположила всѣхъ

[1]) Москва въ 1812 году. „Русскій Архивъ", 1875 г. Книга вторая, стр. 307.

жертвовать"... Отъ имени дворянства отвѣчалъ бывшій главнокомандующій Москвы, гр. Гудовичъ, какъ старшій по положенію и по лѣтамъ. Онъ объявилъ, что дворяне готовы жертвовать своимъ достояніемъ и пролить свою кровь до послѣдней капли и предлагаютъ императору по одному ратнику съ 25 душъ, одѣтому и снабженному на мѣсяцъ провіантомъ. Лишь только фельдмаршалъ кончилъ рѣчь, какъ раздались голоса: „нѣтъ не по одному съ 25, а по одному съ 10, обмундированныхъ и снабженныхъ провіантомъ на три мѣсяца". Это съ шумомъ было повторено большею частію собранія. Поблагодаривъ дворянство, Государь перешелъ въ залу, гдѣ было собрано купечество, и гдѣ уже шла подписка. На рѣчь Государя купцы общимъ голосомъ отвѣчали: „Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только своимъ имуществомъ, но и собою" (см. въ записк. Бестужева-Рюмина) и заявили, что „сдѣланы подписки на нѣсколько милліоновъ рублей, которые они приносятъ въ даръ отечеству". Городской голова, котораго капиталъ состоялъ изъ 100 тысячъ, первый подписался на 50 тыс., крестясь и говоря: „мнѣ далъ ихъ Богъ, и я отдаю ихъ отечеству". Сказавъ купечеству нѣсколько лестныхъ словъ, Александръ сѣлъ въ экипажъ и возвратился въ Кремлевскій дворецъ (изъ зап. гр. Комаровскаго).

„Я возвратился въ Кремль (продолжаетъ гр. Ростопчинъ съ извѣстіемъ о 2.400,000 и нашелъ Императора въ кабинетѣ, вмѣстѣ съ Балашовымъ и Аракчеевымъ. Десять человѣкъ на сто, по разсчету народонаселенія губерніи, составляло 32 тыс. [1]) человѣкъ, снабженныхъ продовольствіемъ на три мѣсяца, и сверхъ того сумма, пожертвованная купцами. Государь мнѣ сказалъ, что считаетъ себя очень счастливымъ и радуется, что рѣшился пріѣхать въ Москву и что назначилъ меня генералъ-губернаторомъ. Александръ несомнѣнно былъ очень ускокоенъ выяснившимся настроеніемъ московскаго общества, что онъ неоднократно и выражалъ на письмѣ и на словахъ, говоря, что „никогда не забудетъ этого дня". Его состояніе духа замѣтно измѣнилось. Вотъ что читаемъ мы въ безпритязательныхъ воспоминаніяхъ свидѣтельницы событій А. Г. Хомутовой [1]), 12-го іюля: „Государь появился такой печальный и такой прекрасный. Сколько заботъ выражалось во взорѣ его голубыхъ глазъ! Онъ обратился къ собравшимся съ ласковымъ привѣтомъ, точно съ просьбой". 15-го іюля, при проѣздѣ въ собраніе: „Государь былъ блѣденъ и задумчивъ". По возвращеніи оттуда: „Затѣмъ

[1]) Въ письмѣ къ кн. А. И. Горчакову отъ 17-го іюля 1812 г. Ростопчинъ пишетъ, что число вооруженныхъ должно было составить 50 тысячъ человѣкъ „Русскій Архивъ" 1871 г., стр. 152.

появился Государь: онъ былъ свѣтелъ и раскланивался, какъ бы выражая признательность".

Опираясь на проявленное патріотическое воодушевленіе общества, Императоръ Александръ почувствовалъ новую силу для предстоявшей тяжелой борьбы съ врагомъ, но онъ еще не предполагалъ, какой подъемъ чувства охватитъ всѣ слои населенія, какъ простые русскіе люди съумѣютъ отстоять свою независимость.

Въ продолженіе недѣли, проведенной Императоромъ въ Москвѣ, обычныя его занятія не только не прерывались, но усилены были новыми по устройству народнаго ополченія. Но его распоряженія по этой части только что начинались. Въ Москвѣ подписанъ былъ Императоромъ манифестъ о „составленіи внутреннихъ силъ для защиты отечества".

Александръ выѣхалъ изъ Москвы въ ночь съ 18-го на 19-ое іюля и, прощаясь, сказалъ графу Ростопчину, просившему приказаній и наставленій: „Предоставляю вамъ полное право дѣлать то, что сочтете нужнымъ. Кто можетъ предвидѣть событія? и я совершенно полагаюсь на васъ". „Онъ не захотѣлъ", пишетъ гр. Ростопчинъ, „чтобы я проводилъ его до заставы, сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ, оставивъ меня полновластнымъ и облеченнымъ его довѣріемъ, но въ самомъ критическомъ положеніи, какъ покинутаго на произволъ судьбы импровизатора, которому поставили темой: Наполеонъ и Москва".

В.

---

[1]) „Русскій Архивъ". 1891 г. Т. III, стр. 315, 317.

Порядокъ провоза иноземцевъ отъ Архангельска къ Вологдѣ (1613 г.).

Государю преосвященному Симону, архиепископу Вологоцкому і Белоозерскому, бьютъ челомъ сироты твои Всемилостиваго Спаса Прилуцкаго монастыря крестьяня Оларевского ключа Ѳедюнка Матвѣевъ, Якунка Ореѳьевъ, Івашко Матвѣевъ, Ганка Еѳрѣмовъ, Аверка Карповъ і всѣ крестьяня Оларевского ключа. Жалоба, государь, нашъ Спаса Рабанского монастыря на крестьянъ на Павла Іванова, на Івана Дементьева, на Еремѣя Онмонова, на Петра Алексѣева і на всѣхъ Рабанского монастыря крестьянъ. Въ прошломъ, государь, во 181-мъ году билі челомъ мы, сироты, тебѣ великому святителю і подавали челобитную на нихъ, Рабанского монастыря крестьянъ, въ томъ, что они, крестьяня, отъ Арханъельского города и до Вологды торговыхъ людей і иноземцовъ провозятъ—съ нами не перемѣняютца подводами, а твои святительскіе крестьяня съ нимі, Рабанского монастыря съ крестьянами, подводами перемѣняютца, ихъ не провозятъ. И ты, великиі святитель, по той нашей челобитной свой святительской милостивой указъ учинилъ,—велѣлъ имъ, Рабанского монастыря крестьянамъ, съ нами сиротами подводами перемѣнятцо и насъ не провозить. И ныне тѣ Рабанского монастыря крестьяня твой святительской указъ называютъ ложной и съ намі сиротами подводамі не перемѣняютца и по се время. Умилостивися, государь, преосвященный Симонъ, архиепископъ Вологоцкиі и Белоозерскиі, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, учини своі архиерейскоі милостивоі указъ, не вели государь тѣмъ Робанского монастыря крестьянамъ на своихъ подводахъ тѣхъ торговыхъ людей мимо нашу очередь бес-перемѣны провозить і вели, государь, своему святительскому сыну боярскому по тѣхъ силниковъ, Рабанского монастыря по крестьянъ, доѣздить и взять ихъ на твой святительской дворъ и роспросить, почему оні, Рабанского

монастыря крестьяня, силны чинятцо і с намі сиротамі подводамі не перемѣняютца и роспрося ихъ учині свої архиереіскоі милостивоі указъ, чтобъ намъ сиротамъ отъ ихъ Спаса Рабанского монастыря отъ крестьянъ, насилства въ конецъ не погинуть, Государь, смилуйся, пожалуй.

На обор. резолюція: „182-го декабря въ 14 д. послать по тѣхъ крестьянъ і велѣть ізвощічать противъ прежнего архіепископля указу, а не провозіть, а у торговыхъ бы людеі на ніхъ Спасскихъ і на Рабанскихъ крестьянъ в задержъке и в не помѣрномъ наіму челобитья не было.—І декабря въ 19 день тѣ Рабанского монастыря крестьяне, на коіхъ въ жалобе напісано, сталі и архиепископль прежнеі указъ ім сказанъ, каковъ данъ Спасова Прилуцкаго монастыря крестьяномъ.

Примѣчаніе. Упоминаемое здѣсь Оларево—нынѣ село на сѣверъ отъ г. Вологды по почтовому Архангельскому тракту въ 20 верстахъ; а бывшій Рабангскій монастырь, захудалый еще ранѣе штатовъ 1764 года и нынѣ представляющій приходскую церковь, въ 32 верстахъ отъ Вологды.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1812 г. [1]).

1812 г. іюль 10, четвергъ. Великая Княгиня Екатерина Павловна, которая была здѣсь съ апрѣля или даже съ марта, получила третьяго дня письмо отъ своего мужа, приглашавшаго ее быть въ пятницу въ Новгородѣ, т. к. Государь желалъ, чтобы роды ея происходили въ Ярославлѣ. Она сегодня уѣхала около 12 часовъ со своей свитой. Императрица очень взволнована этимъ отъѣздомъ, который произвелъ сильное впечатлѣніе въ городѣ, т. к. предполагалась опасность. Императрица пишетъ объ этомъ Государю въ письмѣ, отправленномъ съ сегодняшнимъ курьеромъ. Сегодня полученъ Манифестъ о вооруженіи милиціи.

Четвергъ. Моя жена въ городѣ третьяго дня, и я обѣдалъ съ нею; собирался отправиться къ Шараповымъ, по случаю ихъ семейнаго праздника, но былъ принужденъ остаться въ Таврическомъ дворцѣ. Отъѣздъ Великой Княгини Е. П. очень занималъ все общество. Сегодня были получены извѣстія изъ Риги о томъ, что французы перешли Двину у Юнгфергофа и подвигались къ Петербургу; ихъ силы насчитывались отъ 30—40 т. ч. Большое смятенье. Фельдмаршалъ Салтыковъ, который сообщилъ это извѣстіе, ожидалъ, что сегодня соберется Комитетъ Министровъ, обѣщалъ увѣдомить, что будетъ рѣшено. Императрица сказала, что она начнетъ приготовленія къ отъѣзду только тогда, когда онъ, фельдмаршалъ, объявитъ ей, что это необходимо.

---

[1]) См. „Русская Старина“ май 1912 г. Къ сожалѣнію дневникъ за 1812 годъ веденъ только съ 10 и включительно по 21 іюля. *Ред.*

Я былъ посланъ въ 11 часовъ вечера еще разъ къ нему, чтобы узнать рѣшеніе Комитета. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что рѣшено ожидать болѣе положительныхъ извѣстій, а тѣмъ временемъ могутъ быть получены письма отъ Государя или сообщенія изъ арміи, но что всякій министръ въ своемъ департаментѣ уже дѣлаетъ всѣ распоряженія и расчетъ лошадей, ему необходимыхъ, что подъ предлогомъ перевоза артиллеріи и припасовъ былъ отданъ приказъ увеличить число лошадей, приготовленныхъ на станціяхъ. Я вернулся съ этимъ отвѣтомъ, и мы немного успокоились.

11-го пятница. Я получилъ приказаніе написать Чичагову и Гревеницу, чтобы они явились сюда съ отчетомъ о состояніи ихъ кассъ. Императрица написала письмо Государю объ общихъ волненіяхъ, своемъ личномъ спокойствіи и своей увѣренности, что врага сюда не подпустятъ, и послала меня показать это письмо фельдмаршалу Салтыкову. Онъ сказалъ, что это превосходно, но все же благоразуміе требуетъ начать приготовленія для перевозки, т. к. рапортъ Эссена изъ Риги отъ 9 числа констатировалъ переходъ французовъ. Я вернулся съ этимъ отвѣтомъ, когда Вязмитиновъ былъ у Императрицы, которая приказала мнѣ войти и спросила меня, что сказалъ фельдмаршалъ? я передалъ ей его отвѣтъ; она воскликнула: „Никогда“, потомъ объявила, что отправитъ дѣтей, институты и т. д., но останется сама послѣднею, не покинетъ свой постъ, пока все не будетъ въ безопасности. Она повторила то же самое Эриксону. Когда она въ повышенномъ тонѣ объявила свое геройское рѣшеніе, мнѣ пришли въ голову люди, которые, боясь темноты, начинаютъ пѣть или громко говорить, чтобы разсѣять свой страхъ и придать себѣ храбрости. Сейчасъ же былъ отданъ приказъ г-жѣ Адлербергъ, Бруткопфу, Клугену и Саблукову прибыть сейчасъ послѣ обѣда, а Донаурову—завтра утромъ. Приказали также явиться и Вольфу; вообще было много ажитаціи и шума. Много толковали о перевозкѣ институтовъ, много говорили съ Саблуковымъ, Клугеномъ и наконецъ съ гр. Адлербергъ. Съ первымъ перечитали распоряженія, написанныя въ мартѣ этого года, 25 числа; нашлось много, что слѣдовало перемѣнить. Волновались тѣмъ, что приходилось работать день и ночь, чтобы изложить письменно эти распоряженія; возбуждался вопросъ, не нужно ли пригласить Полетику для помощи. Словомъ, Императрица была порядочно взволнована, стараясь казаться, передъ другими, совершенно покойною и высказывая это мнѣ. Когда рѣчь зашла съ гр. Адлербергъ о перевозкѣ смолянокъ, я предложилъ сдѣлать это водой, какъ для большаго удобства и лучшаго наблюденія, также и въ виду затрудненія имѣть достаточно лошадей во время общаго передвиженія. Это было

принято. Было отдано приказаніе Чичагову и Гревеницу приготовить ящики, указать вещи для перевозки. Вечеромъ мы вновь были приглашены; приказано было принести большой ящикъ съ рукописями и, съ помощью Гревеница, Императрица начала вынимать и разсматривать различные пакеты, которые затѣмъ были уложены, за исключеніемъ небольшого количества бумагъ, которыя были сожжены.

Я получилъ приказаніе поѣхать завтра въ Зимній дворецъ, чтобы уложить рукописи, находящіяся въ двухъ большихъ сундукахъ, которые стояли въ большомъ кабинетѣ. Церемонія укладыванія большого сундука задержала меня до двухъ часовъ ночи, а разборка писемъ родныхъ Императрицы заняла еще до 3 съ половиной часовъ утра, когда я наконецъ могъ лечь.

12 суббота. Я всталъ въ 8 часовъ утра и отправился во дворецъ, чтобы уложить въ большой сундукъ бумаги, разобранныя ночью. Я встрѣтилъ Касторскаго, который сообщилъ мнѣ извѣстіе о ратификаціи мира съ Турціей. Императрицу я видѣлъ одну минуту, она повторила то же самое и прочитала письмо Государя изъ Смоленска (сіяющая и успокоенная). Государь писалъ ей, что онъ отслужилъ молебенъ въ городскомъ соборѣ и желалъ, чтобы таковой былъ отслуженъ въ Казанскомъ. Выслушавъ ея переговоры съ курьеромъ, я отправился въ Зимній дворецъ, чтобы продолжать укладку сундуковъ. Не успѣлъ я окончить, какъ былъ позванъ въ Таврическій, гдѣ меня задержали до 2-хъ часовъ, а затѣмъ отпустили продолжать укладку. Обѣдалъ дома со своими, а послѣ опять продолжалъ укладку и въ 8 часовъ поѣхалъ въ Таврическій. Вечеромъ Императрица разбирала свои портфели; я оставилъ свои дрожки, чтобы отправиться ночевать домой, но, видя, что разборка портфелей очень затянулась, я пожаловался на боль въ глазахъ, но тѣмъ не менѣе меня задержали до 12-ти съ половиною часовъ, когда я, наконецъ, былъ освобожденъ и могъ уѣхать. Между бумагами, которыя Императрица нашла въ своихъ портфеляхъ, было много пословицъ въ лицахъ, ея сочиненія.

13 воскресеніе. Послѣ завтрака съ женой и дѣтьми, я одѣлся въ парадную форму и отправился во дворецъ. Гр. М. довезъ меня въ Казанскій соборъ на молебенъ, а оттуда съ Голицынымъ я вернулся во дворецъ. Былъ большой обѣдъ, послѣ котораго продолжалась разборка портфеля. Сегодня жена моя переѣхала въ Павловскъ. У Императрицы съ Пашковымъ былъ разговоръ о сформированіи милиціи на ея счетъ и подъ ея покровительствомъ; Пашкову было поручено написать Чичагову и Вольфу, которые должны были пере-

говорить предварительно съ старостами. Смоленскъ поставилъ къ пріѣзду Государя 20.000 ч., а Москва—80.000 ч.

14-го понедѣльникъ. Я получилъ оба письма, написанныя Пашковымъ Чичагову и Вольфу, и отправилъ послѣднее по адресу, т. к. Вольфъ уѣхалъ изъ дворца, сказавшись больнымъ. Онъ мнѣ прислалъ письмо Пашкова обратно, какъ-бы не зная, что съ нимъ дѣлать; я его спросилъ, не пріѣдетъ ли онъ въ Павловскъ, чтобы собрать крестьянъ. Наконецъ вечеромъ я получилъ отъ него письмо для Гревеница, которое онъ отправлялъ съ письмомъ Пашкова къ Чичагову. Прославъ мнѣ все это, онъ спрашивалъ у меня инструкцій, что было очень странно, т. к. Императрица повторяла ему нѣсколько разъ свои намѣренія. Я ему отвѣчалъ, что всѣ приказанія относились къ нему, тогда какъ я слушалъ ихъ, какъ вещь меня не касающуюся; тѣмъ не менѣе я передалъ ему съ удовольствіемъ все, что осталось у меня въ памяти. Эта корреспонденція настолько задержала курьера, что моя жена могла получить только ночью мое письмо, въ которомъ я уговаривалъ ее остаться еще на дачѣ, т. к. наступила опять чудная погода, а опасности никакой нѣтъ. Она же мнѣ отвѣтила, что уже отправила сегодня часть вещей. Вечеромъ Императрица разбирала множество писемъ, которыя по ея словамъ далъ ей покойный Государь на сохраненіе во время своего путешествія въ Казань.

Это были по большей части письма г-жи Нелидовой къ покойному Государю. Вечеромъ я былъ у своей сестры, вернувшейся наканунѣ ночью изъ поѣздки въ деревню къ своимъ знакомымъ.

15-го вторникъ. Я былъ посланъ къ фельдмаршалу Салтыкову, а затѣмъ къ кн. Лопухину, показать имъ записку, которую я составилъ вчера относительно нашего кредита, ассигнованнаго за счетъ капиталовъ въ учетномъ банкѣ, и предложить уполномочить министра финансовъ изыскать средства изъ другихъ источниковъ, т. к. учетъ, по его словамъ, изсякъ. Фельдмаршалъ обѣщалъ привести все въ порядокъ, а кн. Лопухинъ, котораго я нашелъ въ Совѣтѣ, отправилъ записку г. Гурьеву. Когда вернулся, то засталъ Великаго Князя Николая, замѣнявшаго меня въ переписываніи письма Императрицы къ Государю. Вечеромъ занимались письмами покойнаго Государя.

16-го среда. Сегодня, передъ обѣдомъ опять принялись за портфель съ письмами покойнаго Государя, и Императрица прочитала мнѣ письмо, или, вѣрнѣе, проектъ письма, которое покойный Государь хотѣлъ написать покойной Императрицѣ въ защиту г-жи Нелидовой, гдѣ онъ говоритъ о полнѣйшей невинности ихъ отношеній, о ея чистотѣ и проситъ мать объ ней позаботиться, такъ какъ эти от-

ношенія много ей повредили. Что еще болѣе доказываетъ чистоту ихъ отношеній — это одно изъ писемъ Нелидовой къ покойному Государю, которое Императрица мнѣ прочитала. Между прочимъ, упоминая въ немъ о своей привязанности, она говоритъ: „находятъ, что никогда не слѣдуетъ говорить мужчинѣ, на сколько его любятъ, такъ какъ всѣ они неблагодарны, но“, прибавляетъ она, „мужчина ли Вы для меня, я признаюсь Вамъ, что до сихъ поръ, этого не замѣтила, и мнѣ кажется, что Вы моя сестра“. Мы много потомъ говорили объ этой полной чистотѣ отношеній, такъ хорошо здѣсь высказанныхъ. Императрица все же созналась, что она ей принесла много горя. Она много говорила потомъ о полной перемѣнѣ, которая совершилась въ Государѣ послѣ его поѣздки въ Казань и знакомства съ Лопухиной; разсказывала, какъ Нелидова ревновала его и какую сцену сдѣлала Государю, послужившую причиной ихъ ссоры. Она мнѣ тоже говорила о двойственности покойной Государыни, которая ей выражала неудовольствіе этими отношеніями, а Нелидовой, одновременно, сообщала, черезъ гр. Завадовскаго, какъ та сама пишетъ въ этомъ письмѣ, что она можетъ сопровождать Великаго Князя на дачу.

17-го четвергъ. Вечеромъ я отправился домой, такъ какъ жена моя вчера пріѣхала въ городъ и тамъ провела ночь.

18-го пятница. Я вернулся во дворецъ утромъ и намѣревался обѣдать дома, но не было возможности, такъ что я отправилъ дрожки, которыя для этого задержалъ. Была сильная гроза. Императрица получила письмо отъ Государя, который описывалъ ей свой пріѣздъ въ Москву. Онъ былъ тамъ принятъ восторженно. Сейчасъ же послѣ его отъѣзда изъ арміи, Великій Князь Константинъ былъ отправленъ къ нему Барклаемъ подъ предлогомъ порученія. Онъ въ отчаяніи, что и выражаетъ въ своемъ письмѣ къ Императрицѣ, говоря, что отъ него, очевидно, хотѣли отдѣлаться. Это вѣрно, такъ какъ Государь въ своемъ письмѣ говоритъ, что у нихъ съ Барклаемъ это было дѣло рѣшенное. Такимъ образомъ, постепенно, были удалены три лица, присутствіе которыхъ стѣсняло, такъ какъ ихъ надо было оберегать: Самъ Государь, Великій Князь Константинъ и раньше принцъ Георгій Голштинскій. Говорятъ, что пр. Августъ былъ также удаленъ подъ предлогомъ порученій.

19-го суббота. Саблуковъ вздыхалъ о новыхъ напастяхъ, которыя постигаютъ Сохранную казну, такъ какъ оттуда вынуто уже на 828 т. р. вкладовъ; а Императрица, отправивъ почту, послала меня къ фельдмаршалу Салтыкову, поторопить его окончить дѣло съ кредитомъ. Онъ мнѣ сказалъ, что это дѣло подписано уже въ комитетѣ; тогда я отправился къ Гурьеву, который мнѣ подтвердилъ это, при-

бавивъ даже, что онъ уже ассигновалъ 400 т. р. Я тамъ засталъ г. Булыгина, изъ департ. министерства иностранныхъ дѣлъ, отправляющагося изъ Москвы курьеромъ въ Стокгольмъ, по случаю заключенія мира съ Англіей и остановившагося у Гурьева. Онъ привезъ бюллетень изъ арміи съ отчетомъ о двухъ дѣлахъ гр. Толстого и ген. Раевскаго. Послѣдній нанесъ уронъ противнику свыше 5.000 ч. Гурьевъ приказалъ снять для меня копію съ этого бюллетеня. Большая радость у насъ. Меня послали съ этими бюллетенями къ фельдмаршалу Салтыкову. Вечеромъ я былъ отправленъ въ $8^1/_2$ часовъ работать надъ организаціей перевоза смолянокъ. Окончивъ работу, составивъ списокъ необходимыхъ экипажей, я проѣхалъ къ сестрѣ въ ожиданіи своихъ дрожекъ, но въ $11^1/_4$ часовъ ихъ еще не было; мнѣ дали экипажъ, чтобы вернуться, но я рѣшилъ домой не ѣхать, хотя встрѣтилъ потомъ свои дрожки, а поѣхалъ въ Таврическій, приказавъ пріѣхать за мной завтра къ обѣду. Ожидаютъ Государя.

20-го воскресенье. Б. пришелъ ко мнѣ, и мы толковали о пресловутой перевозкѣ смолянокъ; за мной пришли отъ Императрицы, и я окончивъ свой туалетъ, отправился во дворецъ, гдѣ меня задержали до 3-хъ часовъ. Императрица меня послала къ фельдмаршалу Салтыкову просить его не говорить Государю, что онъ получилъ отъ нея копію бюллетеня. Я, наконецъ, попалъ домой и провелъ тамъ остатокъ дня и ночь.

21-го понедѣльникъ. Я пріѣхалъ въ 8 часовъ утра въ Таврическій дворецъ и послалъ за справками своего человѣка, который мнѣ принесъ извѣстіе, что Государь пріѣхалъ въ 2 часа ночи и прямо отправился на Каменный островъ. Я одѣлся и отправился во дворецъ [1]). Поѣхалъ въ каретѣ четверикомъ, чтобы имѣть возможность вернуться домой. Государь пріѣхалъ въ 9 часовъ и прошелъ садомъ изъ своихъ покоевъ прямо къ Императрицѣ, которая вышла къ нему навстрѣчу. Онъ оставался у нея часа полтора. Затѣмъ я былъ позванъ. Императрица очень довольна Государемъ, его отношеніемъ, его деликатностью, говоря, что раньше надо знать все за и противъ, чѣмъ судить. Она сказала, что приготовляться къ отъѣзду изъ Петербурга нужно, говорила о чрезвычайной силѣ непріятеля, и что такъ какъ Багратіону не удалось достигнуть Могилева, Барклаю пришлось подвинуться къ нему, чѣмъ открыть мѣстность отъ Витебска до Полоцка; а Витгенштейнъ подойти не можетъ. Въ Москвѣ говорили Государю, что если французы придутъ, то: „мы беремъ наши образа и уходимъ, и даже готовы

[1]) Въ Павловскъ.

сжечь наши дома". Я былъ отпущенъ въ 3 часа съ приказаніемъ вернуться въ 7 ч. И такъ я поѣхалъ обѣдать домой къ своей имениницѣ и со всей семьей. Моя жена вчера подвернула себѣ ногу и до сихъ поръ еще хромаетъ. Въ 6 часовъ я уѣхалъ и, пріѣхавъ въ Таврическій дворецъ, узналъ, что меня уже спрашивали. Я былъ принятъ, но послѣ 8 ч. опять свободенъ. Императрица сегодня подписала приказъ о сформированіи милиціи, за медленное отправленіе которой она уже бранила вчера Вольфа, который увѣрялъ, что онъ до сего дня ничего не зналъ, тогда какъ онъ присутствовалъ при всѣхъ переговорахъ.

Уже восемь дней, какъ стоитъ чудная погода, а сегодня даже очень жарко.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

Къ бою 7-го іюля 1812 года при Гр.-Эккау.

Имѣніе Гроссъ-Эккау на р. Эккау принадлежитъ роду гр. Палена. Въ пасторатѣ при этомъ имѣніи сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія о боѣ 7-го іюля.

Пасторъ церкви при Гроссъ-Эккау, Карлъ-Эрнстъ-Генрихъ Кюнъ, бывшій здѣсь пасторомъ съ 1811—45 г. и съ 56 по 59 годъ, занесъ въ церковную книгу слѣдующія данныя о боѣ между русскими и пруссаками.

За нѣсколько дней до боя пасторатъ былъ занятъ русскими войсками. Въ третье воскресенье послѣ Троицы, во время богослуженія начался бой. Въ это время пасторъ крестилъ троихъ дѣтей, которыя послѣ первыхъ выстрѣловъ были взяты прибѣжавшими людьми и спрятаны въ погребахъ пастората. Пруссаки наступали изъ такъ называемаго французскаго лѣска, и главная ихъ атака была направлена на садъ при пасторатѣ и церковь. Слѣдами сраженія являются непріятельскіе снаряды, попавшіе въ церковную башню и надъ ризницей. Теперь на стѣнѣ сдѣлана надпись: „7-го іюля 1812 года“. Въ корчмѣ также вдѣланы въ стѣну попавшіе туда два снаряда.

Наиболѣе сильное столкновеніе было въ саду пастората и въ лѣскѣ при пасторатѣ, которые были „изрыты“ непріятельскими снарядами.

Правѣе пастората погребены 50 павшихъ воиновъ. Позднѣе могила эта была обсажена тополями, которые уже выросли до большихъ размѣровъ, но были вырваны бурею 8-го іюля 1848 года. Жена пастора Кюнъ—Юлія посадила на этой могилѣ въ 1862 году сосну.

Большое количество убитыхъ было похоронено въ лѣсу при м. Рагге и при Эккауской мельницѣ.

Изъ убитыхъ офицеровъ въ церковной книгѣ помѣщены слѣдующіе:

Матвѣй Киселевъ, капитанъ 4-го Егерскаго полка, 43 лѣтъ, уроженецъ Черниговской губерніи. Онъ былъ убитъ у воротъ пастората непріятельскимъ снарядомъ, оторвавшимъ ему правую ногу.

Въ этомъ же мѣстѣ палъ маіоръ Кузнецовъ, раненый непріятельскимъ снарядомъ. Его отвезли въ Баускъ, гдѣ въ лазаретѣ онъ и умеръ 22-го іюля.

У корчмы Самсонъ былъ убитъ младшій офицеръ кн. Багратіонъ, тѣло котораго отвезено въ Ригу.

Съ прусской стороны въ бою 7-го іюля были убиты: ротмистръ 1-го драгунскаго полка ф.-Ессенбекъ, похороненъ въ лѣсу при Рагге; лейтенантъ фонъ-Валлисъ, похороненъ при Эккауской мельницѣ.

По отступленіи русскихъ, пасторатъ былъ занятъ пруссаками и обращенъ въ лазаретъ.

Въ воскресенье, 15-го сентября, также во время богослуженія, разыгрался второй бой при Эккау. Побѣда осталась за русскими.

7-го декабря во время отступленія послѣднихъ войскъ французовъ замокъ Гр.-Эккау занималъ маршалъ Макдональдъ.

Сообщилъ Ка-эль.

„День Субботній“.

Окончить заниматься! Табуреты на мѣста!.. Во фронтъ! Нараспѣвъ, пріятнымъ теноромъ, командовалъ фельдфебель-кадетъ старшаго класса, входя въ рекреаціонный залъ неранжированной роты Энскаго кадетскаго курпуса.

Малыши приготовительнаго и перваго классовъ, одѣтые въ однобортныя курточки чернаго сукна съ бѣлыми погонами и стоячими крѣпкими воротниками, подпиравшими ихъ миніатюрны подбородки, сидѣвшіе, до команды, у своихъ конторокъ и еле-еле смотрѣвшіе своими сонными глазёнками въ ненавистные имъ учебники, мигомъ вскочили со своихъ мѣстъ, поставили табуреты подъ конторки, тянувшіяся вдоль стѣнъ зала, и, быстро построившись во фронтъ, замерли, держа руки „по швамъ“ и смотря прямо передъ собою.

Право-фланговый, краснощекій и крѣпко сложенный 12-ти лѣтній мальчикъ, круглый сирота, только что двѣ недѣли тому назадъ привезенный изъ далекой провинціи опекуномъ назначеннымъ отъ дворянства, молодцовато стоялъ, вытянувшись, славно онъ уже давно прошелъ всю мудрость фронтовой выправки, но щипки, которыми его надѣлялъ товарищъ, стоящій въ задней шерингѣ, не давали ему покоя, и онъ, невольно, пошевелился.

—„Эй! ты! новичёкъ! что ты тамъ вертишься!“... крикнулъ фельдфебель, стоящій передъ фронтомъ.

Онъ молчалъ.

—„Останься безъ ужина!“ крикнулъ ему фельдфебель и затѣмъ молодцовато скомандовалъ: „Рота на право! Ша-гомъ маршъ!“ И рота, стройно маршируя, вышла въ корридоръ, поднялась по

лѣстницѣ и „не сбиваясь съ ноги“ длинной лентой потянулась къ своимъ столамъ, стоящимъ перпендикулярно къ стѣнамъ громадной столовой.

Другія четыре роты стояли уже у своихъ столовъ.

Барабанъ пробилъ „на молитву“.

На средину столовой вышелъ великовозрастный кадетъ, отставилъ правую ногу, отклонилъ свой корпусъ нѣсколько назадъ, откашлялся и чрезъ секунду запѣлъ бархатнымъ баритономъ:

—„Очи всѣхъ на...“—„Тя Господи уповаютъ...“стройно подхватилъ хоръ изъ пятисотъ голосовъ. По окончаніи молитвы и по знаку, данному дежурнымъ по корпусу штабъ-офицеромъ, барабанщикъ ударилъ сигналъ, по которому можно было садиться.

Подали картофель въ „мундирѣ“ и по куску масла, формою своею напоминающему маленькій огарокъ свѣчки.

Ѳедя, обладавшій изряднымъ аппетитомъ, съ завистью смотрѣлъ на товарищей, которые, сдѣлавъ изъ картофеля „тюрю“, намазывали ее тонкимъ пластомъ на толстые ломти хлѣба, въ изобиліи подаваемые на столъ.

Выпивъ изъ серебряной чаши - стопы „приза Синопскаго сраженія“ вкуснаго корпуснаго кваса, Ѳедя тихонько стащилъ ломоть чернаго хлѣба и спряталъ его за голенище.—„Какъ васъ?.. Что ты нагибаешься подъ столъ? спросилъ Ѳедю унтеръ-офицеръ, сидѣвшій за „старшаго“.

— Нога что-то зачесалась—отвѣтилъ Ѳедя и покраснѣлъ.

—„Ну-съ... чтобы у васъ ноги не чесались, то послѣ ужина встать подъ часы до половины одиннадцатаго, сказалъ унтеръ-офицеръ.

Ѳедя, какъ ни крѣпился, но лицо его стало подергиваться судорогою, и онъ уже собирался заплакать.

— Эхъ ты, нюнька!... Плакса! насмѣшливо глядя на него, сказалъ товарищъ, сидящій vis-a-vis.

Ѳедя удержался и попробовалъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла жалкая гримаса.

—„Ты что это вздумалъ рожи корчить? — послышался грозный окликъ строгаго унтеръ-офицера—оставайся завтра безъ пирожнаго!“

Въ это время дежурный по корпусу махнулъ киверомъ, при чемъ черный буйволовый султанъ красиво мелькнулъ въ воздухѣ. Барабанщикъ, уловивъ сигналъ, съ ловкостію жонглера, перекидывая барабанными палками, пробилъ на „молитву“.

Опять вошелъ регентъ, и подъ его дирижерствомъ была пропѣта благодарственная молитва.

По окончаніи молитвы всѣ роты стройно разошлись по своимъ помѣщеніямъ.

Голодный Ѳедя шелъ во флангѣ, и вдругъ сзади его идущій товарищъ шепнулъ: „Не горюй! Мы для тебя вынесли и картошки, и хлѣба да и масла немного набрали... ѣшь на здоровье. Какъ только тебя отпуститъ „злыдня“, такъ ты и поглядывай, когда онъ заснетъ... Тогда и „контуй“—все будетъ сложено подъ твоимъ тюфякомъ!“

Ѳедя понялъ и просіялъ. Послѣ молитвы на сонъ грядущій кадеты были распущены и быстро разбѣжались. Кто пошелъ къ своей кровати, кто побѣжалъ въ „умывалку“, чтобы первому захватить сапожныя щетки и начистить сапоги на завтра, а иные, не успѣвшіе приготовить уроковъ, съ разрѣшенія дежурнаго офицера, сѣли за длинный столъ, освѣщаемый двумя тускло горѣвшими масляными лампами.

Въ половинѣ одиннадцатаго, Ѳедя былъ прощенъ и уволенъ спать.

Дождавшись, когда его „мучитель“ заснулъ, Ѳедя сталъ ужинать, съ аппетитомъ уплетая смявшійся въ лепешку картофель, хлѣбъ, масло — все пахнувшее кожей, такъ какъ всѣ эти продукты путешествовали за голенищами добрыхъ товарищей.

Сложивъ кожуру и другіе остатки въ голенища своихъ сапогъ, Ѳедя прокрался въ „уборную“ и высыпалъ остатки трапезы въ ярко топившійся каминъ и тѣмъ же путемъ возвратился, легъ въ постель и заснулъ невиннымъ сномъ младенца.

Слѣдующій день была суббота.

Въ приготовительномъ классѣ, большой свѣтлой комнатѣ, въ которой сидѣлъ и Ѳедя по малограмотности, на двухъ черныхъ доскахъ, стоявшихъ перпендикулярно на двухъ мольбертахъ, мѣломъ, довольно художественно были нарисованы колбасы и колбаски разныхъ сортовъ и отъ каждой штучки шла нарисованная ниточка и всѣ эти ниточки соединялись въ руки съ длинными ногтями карикатурно нарисованнаго нѣмца.

Въ другой рукѣ нѣмецъ держалъ бутылку и на этикетѣ было написано: „мозоль-вейнъ“, а подъ всею картиною каллиграфическимъ почеркомъ была выведена надпись: „Ты баронъ?—фонфоронъ! Распугалъ ты всѣхъ воронъ!..“

—„Идѣтъ!“ крикнулъ крѣпышъ—смуглый мальчикъ, стоявшій на караулѣ у входныхъ дверей, и съ этимъ возгласомъ стремглавъ кинулся къ своему мѣсту и, какъ ни въ чемъ не бывало, уставилъ свои глазенки въ раскрытый учебникъ.

Въ классъ вошелъ молодой учитель гордо, закинувъ голову назадъ.

Форменный вицъ-мундиръ плотно облегалъ его стройную фигуру. Раздвинувъ фалды фрака, онъ усѣлся за учительскимъ столомъ, положилъ классный журналъ на столъ и, доставъ изъ бокового кармана изящное зеркальце и маленькую гребеночку, сталъ расчесывать свои пышныя бакенбарды и усы. Осмотрѣвъ себя въ зеркальце, онъ спряталъ туалетныя принадлежности въ карманъ, оттянулъ гуттаперчевый снурокъ, на которомъ висѣло золотое pinc-nez, и быстро выпустилъ. Pinc-nez, мелькнувъ въ воздухѣ, осѣдлало его красивый носъ.

Затѣмъ изъ того же бокового кармана онъ досталъ модный бумажникъ, изъ котораго вынулъ пачку совершенно новыхъ кредитокъ рублеваго достоинства и сталъ вполголоса пересчитывать.

Мальчуганы сперва дружнымъ шопотомъ, а затѣмъ все громче и громче принимали участіе въ этомъ счетѣ:

—„Тридцать пять, тридцать шесть, кашу есть... сорокъ восемь, сѣно косимъ...

—„Это что за шумъ?“ сказалъ учитель. Мальчики замолчали.

Тогда изъ другого отдѣленія бумажника учитель вынулъ билетъ розоватаго цвѣта съ номеромъ и, поднявъ его, спросилъ: „Который номеръ?!“

Мальчики, сидѣвшіе на передней скамейкѣ, дружно крикнули: 52-ой! А затѣмъ и весь классъ громко заоралъ: пятьдесятъ второй!

— А знаете ли вы, что это за № 52-ой?! снова спросилъ учитель и, не получивъ отвѣта, продолжалъ:

— Это будетъ для входа въ 4-ый рядъ Маріинскаго театра... Сегодня опера! Хотя я и не привыкъ сидѣть такъ далёко отъ сцены, но... и вдругъ учитель, не докончивъ фразы, пріятнымъ теноромъ запѣлъ:

—„Рата-блямъ! Рата-блямъ! Рата-блямъ, блямъ-блямъ“... подражая пѣвцу Саріоти, пѣвшему партію акта оперы Гугеноты. Мальчуганы хихикали.

—„Ахъ какъ это прелестно“ говорилъ учитель, расхаживая по классу, но, взглянувъ мимоходомъ на доски, увидѣлъ изображенное и сказалъ: „швейнъ“.

Усѣвшись на стулъ, онъ развернулъ журналъ и недовольнымъ тономъ вызвалъ лучшаго крѣпыша.

—„Чижиковъ! къ доскѣ!

Крѣпышъ сидѣлъ и не выходилъ къ доскѣ.

—„Чижиковъ“! снова вызвалъ учитель, смотря на мальчика.

Тотъ продолжалъ сидѣть. Тогда учитель покраснѣлъ, завернулъ на правомъ рукавѣ лацканъ и, подойдя къ крѣпышу, схватилъ его за ухо и потащилъ къ доскѣ.

Мальчикъ завизжалъ, какъ поросенокъ.

—„Развѣ ты не слышалъ, что я тебя вызываю“, говорилъ учитель, продолжая тащить мальчика.

— Моя фамилія Чижиковъ, а не Чижѝковъ—продолжая визжать, говорилъ шалунъ.

—„Сотри съ досокъ! приказалъ учитель, выпуская побагровѣвшее ухо мальчика.

Но губки не оказалось. Дежурный по классу отправился за губкой, но не торопился возвращаться: зашелъ въ „уборную“, гдѣ просидѣлъ добрыхъ десять минутъ, и затѣмъ уже возвратился съ классным служителемъ, который и стеръ картину.

Давъ просохнуть доскамъ, учитель герръ Оттонъ, еще выше засучивъ правый рукавъ форменнаго вицъ-мундира, взялъ въ руки мѣлъ и красивымъ почеркомъ написалъ на доскѣ:

Атаманъ и Ананасъ.

И весь классъ, доставъ разлинованныя тетради, громко читая нараспѣвъ, выводили каракулями слова, написанныя учителемъ чистописанія, который въ этомъ импровизованномъ хорѣ, громко пѣвшемъ, выдѣлялся пріятнымъ своимъ теноромъ.

Забилъ барабанъ. Перемѣна.

Словно спуганная стая воробьевъ, выскочили ребятишки изъ класса въ корридоръ, опережая учителя и выстроившись лицомъ къ лицу въ двѣ шеренги пропустили герра Оттона, идущаго съ гордо откинутою головою назадъ, и при этомъ мальчуганы тѣ, которыхъ учитель уже прошелъ, напѣвали: „Мозоль-вейнъ! мозоль-вейнъ, ейнъ, цвей, дрей“.

Дѣло въ томъ, что герръ Оттонъ поступилъ учителемъ чистописанія по протекціи своего отца, служившаго годовымъ мозольнымъ операторомъ у графа Гудлерберга, а братъ учителя торговалъ въ колбасной.

Второй урокъ, географіи, прошелъ при полной тишинѣ. Никому изъ шалуновъ не хотѣлось испробовать крѣпость чернаго дерева, изъ котораго была сдѣлана старая флейта, которую учитель географіи всегда приносилъ съ собою и безпощадно лупилъ незнавшаго урока.

Но тѣмъ не менѣе, тѣмъ же таинственнымъ художникомъ на доскѣ былъ нарисованъ старикъ, варящій на очагѣ въ котлѣ какое-то снадобье. Подписано было: „Вакса“.

Ребятишки замѣтили, что старикъ-учитель красилъ свои сѣдые усы и бакенбарды въ черный цвѣтъ, и рѣшили, что это возможно производить только ваксой.

Старикъ на это не обижался.

Въ 11 часовъ утра уроки на этотъ день окончились, и кадеты, получивъ и мигомъ съѣвъ по половинѣ французской булки, иногда даваемой на завтракъ, были поставлены во фронтъ, и ротный командиръ сталъ вызывать тѣхъ кадетъ, которые въ теченіе недѣли получили изъ предметовъ десять и болѣе балловъ по двѣнадцатибальной системѣ, а также и тѣхъ, кто получилъ ноль или единицы.

И первыхъ, и вторыхъ набралось достаточно. Отдѣливъ „козлищъ“, фронтомъ въ двѣ шеренги повели всѣхъ въ обѣденное зало и поставили: „прилежныхъ“ вдоль правой стѣны, а „лѣнивыхъ“— лѣвой стѣны въ такомъ порядкѣ: кто получилъ изъ 6-ти и болѣе предметовъ вышеозначенные баллы, тѣ стояли впереди, за ними слѣдовали въ понижающейся степени.

Батальонный командиръ вздрагивающей походкой ходилъ по залу въ ожиданіи директора.

Въ одномъ концѣ зала, поперекъ ея были поставлены нѣсколько обѣденныхъ столовъ въ одинъ рядъ, и на этихъ столахъ пирамидально высились апельсины и яблоки.

Въ отворенныя настежь двери вбѣжалъ барабанщикъ, караулившій приходъ директора.

— Смирно! скомандовалъ батальонный командиръ, и фронтъ замеръ.

Вдали корридора показался директоръ со свитой, состоящей изъ инспектора классовъ, завѣдывающаго хозяйствомъ, главнаго доктора и корпусныхъ офицеровъ, не занятыхъ въ этомъ день службою.

Обернувшись спиной къ „лѣнивымъ“, директоръ поздоровался съ „прилежными“: Здравствуйте, дѣти!

— Здравія желаемъ вашему превосходительству, гаркнулъ „прилежный фронтъ“.

Подойдя къ столамъ, на которыхъ были разложены фрукты, и ставъ по срединѣ, директоръ приказалъ инспектору классовъ вызывать прилежныхъ, и каждому подходящему офицеры давали по столько яблоковъ и апельсинъ, сколько онъ получилъ хорошихъ отмѣтокъ.

Раздача фруктовъ окончилась, и вбѣжавшіе служителя быстро убрали столы; а прилежные были уведены по ротамъ.

Тотчасъ же затѣмъ изъ боковыхъ дверей выскочили два барабанщика, неся скамейку, покрытую грубой простыней, а за ними, нагибаясь подъ тяжестью охапокъ березовыхъ прутьевъ, медленно выплыли два служителя. Скамейка и розги были поставлены и разложены по срединѣ залы.

—„А! ты опять“... обратился директоръ къ одному изъ великовоз-

растныхъ кадетъ, стоящихъ въ передней шеренгѣ и умудрившемуся за недѣлю получить по круглому нолю изъ шести предметовъ.

—„Ступай ложись! сказалъ директоръ, „пятьдесятъ“, добавилъ онъ, обращаясь къ батальонному командиру, и затѣмъ со свитой вышелъ изъ залы.

Приговоренный, раскачиваясь на ходу, словно онъ шёлъ по колеблющейся палубѣ корабля во время бури, медленно подошелъ къ скамейкѣ, раздѣлся и предоставилъ въ распоряженіе начальства свою „касательную линію“.

Закусивъ большой палецъ руки, во все время наказанія онъ не издалъ ни одного звука и, получивъ „полсотни“, хладнокровно одѣлся и тою же походкой возвратился на свое мѣсто во фронтъ.

Началась экзекуція и менѣе виновныхъ въ лѣности, ротные командиры увели по ротамъ и тамъ уже докончили по своему разумѣнію.

Затѣмъ начались отпуски „за корпусъ“ тѣхъ воспитанниковъ, у которыхъ родные или знакомые жили въ городѣ.

Д. Перскій.

По поводу воспоминаній г. И. И. Янжула.

Замѣчательныя воспоминанія г. И. И. Янжула, конечно, съ интересомъ читаются многими; но въ нихъ, по моему мнѣнію, есть существенный недостатокъ: касаясь главнымъ образомъ людей исключительно счастливыхъ, заслужившихъ „вообще уваженіе и славу“, они окрашены розовымъ колоритомъ и потому не совсѣмъ вѣрно отражаютъ эпоху.

Между тѣмъ, на жизненномъ пути почтеннаго академика, среди его интереснаго и разнообразнаго знакомства, встрѣчались люди загадочные и очень даровитые, къ которымъ судьба отнеслась или не совсѣмъ милостиво, или уже вовсе не милостиво, люди, о которыхъ г. Янжулъ или упоминаетъ лишь вскользь, или совсѣмъ не упоминаетъ, видимо не желая печалить себя и читателей...

Единственный и очень памятный мнѣ вечеръ довелось мнѣ провести въ близкомъ мнѣ семействѣ, въ Москвѣ, съ г. Янжуломъ, который былъ извѣстенъ тогда, среди интеллигентныхъ людей столицы, какъ видный ученый и строгій профессоръ, но какъ добрый и симпатичный человѣкъ, интересный и многосторонній собесѣдникъ; былъ называемъ за глаза, и знакомыми, и незнакомыми, по имени и отчеству, Иваномъ Иванычемъ.

На этомъ вечерѣ И. И. былъ предметомъ вниманія и слушанія.

Говорилъ И. И. о томъ, что плохая газета приноситъ большой вредъ, ежедневно принижая читателя и умственно, и нравственно, и портя его вкусъ, и что молодымъ впечатлительнымъ людямъ отъ чтенія такихъ газетъ по возможности надо воздерживаться; но что, къ сожалѣнію, и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ совсѣмъ почти нечего читать. Изобразилъ г. Боборыкина такъ живо, наглядно, детально, что оригинальная, исключительно жизненная личность почтеннаго

беллетриста до сихъ поръ живетъ у меня передъ глазами въ своемъ тогдашнемъ обликѣ. Правильно назвалъ А. Н. Пыпина ученымъ, прикомандированнымъ къ литературѣ. Упомянулъ о Тургеневѣ, какъ о хорошемъ знакомомъ, который однажды, отдавая визитъ И. И. въ Лондонѣ, потрудился взобраться на шестой этажъ. Разсказывалъ о Достоевскомъ, который, при встрѣчахъ, производилъ на И. И. впечатлѣніе неблагопріятное, какъ и на многихъ: печатныя воспоминанія о знаменитомъ писателѣ отмѣчаютъ его угловатость и непонятныя странности въ обращеніи съ людьми.

Съ особенною теплотою распространился И. И. о Толстомъ, котораго засталъ, незадолго передъ тѣмъ, въ его домѣ, въ Хамовникахъ, за шитьемъ сапогъ, съ учителемъ его въ этомъ искусствѣ, какимъ-то мастеровымъ. Тогдашнія воззрѣнія Толстого И. И. считалъ близкими къ воззрѣніямъ „христіанскихъ соціалистовъ“. „Ну, Андрей, оставимъ теперь работу, ко мнѣ гость пришелъ!“—сказалъ Л. Н. учителю, здороваясь съ И. И.

Тогда уже начинались волненія среди учащейся молодежи, и на вечерѣ по этому поводу зашла рѣчь объ одномъ учебно-административномъ вопросѣ. Молодой, но уже строгій господинъ, обращаясь къ И. И., внушительно сказалъ: „Я думаю, разъ существуетъ законъ, надо его исполнять!“—„По-моему это не совсѣмъ такъ,—спокойно возразилъ И. И.,—въ Англіи до сихъ поръ еще не отмѣненъ законъ, разрѣшающій мужу вывести свою жену на рынокъ и продать!..“

Удивлены были присутствовавшіе, узнавъ, что въ Англіи существовалъ такой законъ; но конечно для всѣхъ было ясно, что законъ этотъ съ давнихъ поръ, съ глубины средневѣковья, не могъ имѣть примѣненія, такъ что не было надобности его и отмѣнять. Вѣдь и крѣпостное право никогда въ Англіи формально не отмѣнялось, но само собой исчезло безвозвратно ко временамъ Стюартовъ. Англичане не терпятъ крутыхъ и внезапныхъ перемѣнъ своего быта, не любятъ формальныхъ отмѣнъ чего-либо существующаго. Своей внутренней государственной жизни предоставляютъ они полную свободу сообразоваться съ новыми временами, съ новыми требованіями жизни, постепенно вливаться въ новыя формы быта. Мы же, наоборотъ, склонны многое въ своей жизни формально отмѣнять, формально устанавливать, не долго думая, подъ вліяніемъ вдохновенія и благородныхъ порывовъ...

Просматривая недавно старинные наши журналы, я, къ удивленію своему, усмотрѣлъ слѣдующее извѣстіе: „Старый обычай продавать женъ еще существуетъ въ Англіи. Цѣна женъ упала въ прошедшемъ году необыкновенно: въ Эйленбурѣ мужъ взялъ за

жену менѣе трехъ рублей, а въ Манчестерѣ супругъ въ придачу къ 3 ливр. и 12 су выторговалъ только одну кружку пива („Московскій Телеграфъ“, 1825 г. № 5, стр. 85, Иностранныя Извѣстія).

Я думаю, что и самъ ученый профессоръ, при всемъ своемъ знаніи англійской жизни, не подозрѣвалъ, что законъ, который, казалось, былъ большою нелѣпостью даже во времена Эдуарда Исповѣдника, благополучно осуществлялся въ цивилизованной странѣ до недавняго даже времени! У насъ до начала прошлаго вѣка продавали крѣпостныхъ по публикаціямъ въ газетахъ и недавно, въ юбилейные дни, мы съ отвращеніемъ и ужасомъ разсматривали снимки съ этихъ публикацій. Между тѣмъ въ Англіи („образованная нація, мореплаватели“!) чуть не въ половинѣ девятнадцатаго вѣка мужья преспокойно и публично продавали своихъ женъ и за какую дешевую цѣну! Вѣдь при такихъ цѣнахъ на товаръ, мало-мальски состоятельный человѣкъ могъ накупить себѣ чужихъ женъ сколько угодно!

О продажѣ женъ среди русскаго народа нигдѣ не было слышно: ни былины, ни древнія наши отечественныя лѣтописи нигдѣ о семъ не упоминаютъ. Правда, проигралъ однажды какой-то тамбовскій казначей, въ пылу увлеченія предосудительной страстью, свою жену въ карты; но это былъ совсѣмъ исключительный случай, которому Лермонтовъ посвятилъ цѣлую поэму („Казначейша“), случай, о которомъ городъ Тамбовъ (издавна страстный игрокъ, не такъ давно весь продулся въ лото) до сихъ поръ хранитъ свѣжее преданіе—указываютъ улицу и домъ, гдѣ такое,—все-таки печальное, событіе случилось.

Много было говорено и писано объ отсталости Россіи, русскаго народа по сравненію съ западными государствами, съ западными народами.

Въ отношеніи техническихъ знаній, торговли и промышленности несомнѣнно это такъ; но въ нравственномъ, гуманитарномъ отношеніи такъ ли это и было и есть? Петръ В. былъ всецѣло подъ вліяніемъ иностранцевъ, но однако изумлялъ тогдашнихъ россіянъ своею жестокостью, и нѣтъ свѣдѣній, чтобы кто-либо изъ иностранцевъ пытался смягчить его нравъ. И послѣ Петра россіяне терпѣли отъ свирѣпыхъ по существу Бирона, Остермана и Миниха. Смягченіе нравовъ въ Россіи началось со времени имп. Елизаветы—то есть тогда именно, когда получили возможность заявить о себѣ подлинные русскіе нравы...

Камъ бы тамъ ни было, но о продажѣ женъ никогда въ Россіи не было слышно...

Послѣ ужина гости перешли въ гостиную; могучая фигура профессора возвышалась у рояля, и вѣяло отъ нея задушевнымъ добродушнымъ русскимъ юморомъ. Строгій, аккуратный молодой человѣкъ былъ въ ужасѣ, что, не замѣтивъ въ оживленномъ разговорѣ времени, такъ долго засидѣлся въ гостяхъ и сталъ торопить свою супругу поскорѣе собираться домой; но молодая дама, не спуская съ И. И. своихъ прекрасныхъ глазъ, промолвила: „постой, погоди, онъ такъ хорошо говоритъ“.

Съ горестью нужно признать, что такіе, хорошо говорящіе, образованные русскіе люди уходятъ въ область прошлаго, и на смѣну имъ появляется нѣчто совсѣмъ иное...

S.

По поводу ст. „Встрѣчи и столкновенія“, Р. Сементковскаго.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ,

Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ Р. И. Сементковскій, вспоминая о своихъ литературныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ Маврикіемъ Осиповичемъ Вольфомъ, заявляетъ, что за заказанную подготовку для предпринятаго М. О. Вольфомъ изданія сочиненій Мицкевича на русскомъ языкѣ „Курса славянской литературы“, читанной поэтомъ въ Парижѣ и за переводъ переписки Мицкевича ему, Сементковскому, не было выдано 8 руб. 60 коп., которые Вольфъ хотѣлъ будто бы съэкономить на „бѣлыхъ мѣстахъ, окончаніяхъ главъ“ и т. п.

Сообщеніе не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Согласно двумъ условіямъ, хранящимся въ подлинникахъ въ архивахъ Товарищества М. О. Вольфъ, съ собственноручными росписками Р. И. Сементковскаго отъ 24 сентября 1882 г. и 7 января 1883 г. за выборъ и переводъ переписки Мицкевича г. Сементковскій получилъ по 30 рублей за печатный листъ въ 35.000 буквъ, за переводъ же „Курса славянской литературы“ по 20 рублей за печатный листъ, что составило въ общемъ 365 рублей, сполна уплаченныхъ г. Сементковскому. Сумма же 8 р. 60 к., упоминаемая г. Сементковскимъ, представляетъ собою переборъ, полученный г. Сементковскимъ, сверхъ условленнаго гонорара, авансомъ.

Никакихъ „пререканій“ относительно бѣлыхъ мѣстъ, окончанія главъ и т. п. между М. О. Вольфомъ и Р. И. Сементковскимъ не могло быть, такъ какъ въ условіи ясно указано, что гонораръ

(кстати замѣтимъ по тому времени для переводовъ сравнительно высокій) былъ условленъ за листъ съ опредѣленнымъ числомъ буквъ, 35.000, и точный расчетъ въ этомъ отношеніи помѣщенъ на условіи отъ 24 сентября 1882 г.

Націоналистической выходки и заключеній о мнимыхъ бюрократическихъ ухищреніяхъ, которыя позволилъ себѣ при этомъ сдѣлать г. Сементковскій, на основаніи невѣрнаго своего соображенія, мы, конечно, касаться не будемъ.

Позвольте надѣяться, г-нъ редакторъ, что въ видахъ возстановленія истины, вы не откажете помѣстить на страницахъ Вашего журнала настоящую поправку.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности. Товарищество М. О. Вольфъ, издательское, книжное и печатное дѣло. Директоръ Правленія Л. М. Вольфъ.

Посѣщеніе Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной, 1 мая 1818 г. и Императоромъ Александромъ I, 23 августа 1823 года [1]).

Въ маѣ 1818 года вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна пожелала посѣтить Ростовскій Спасо-Яковлевскій Дмитріевскій монастырь и поклониться его святымъ мощамъ ростовскихъ святителей Іакова и Дмитрія. Такъ какъ въ это время еще не былъ назначенъ новый настоятель послѣ смерти послѣдняго настоятеля, архимандрита Аполлинарія (Пуляшкина), переведеннаго въ Ростовъ изъ московскаго Златоустовскаго монастыря 9 апрѣля 1806 года и умершаго 28 апрѣля 1818 г., то московскій архіепископъ Августинъ далъ также предписаніе архимандриту московскаго ставропигіальнаго Симонова монастыря Герасиму:

„Какъ Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволитъ отправиться въ Ростовъ въ Іаковлевскій монастырь для поклоненія святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ, то посему именемъ Московской Синодальной конторы по случаю кончины Іаковлевскаго архимандрита предписывается Московскаго Ставропигіальнаго Симонова монастыря архимандриту и кавалеру Герасиму отправиться въ Іаковлевскій монастырь для встрѣчи и принятія Ея Величества и какимъ образомъ учреждена и произве-

[1]) По архивнымъ документамъ Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря.

дена будетъ встрѣча оной, архимандритъ имѣетъ рапортовать въ Синодальную контору.

Августинъ Архіепископъ Московскій.

1818 года—мая 8 числа № 27.

Получивъ такое предписаніе, архимандритъ Герасимъ немедленно отправился въ Ростовъ и въ 7 часовъ утра 10 мая вмѣстѣ со всей монастырской братіей встрѣтилъ Государыню Императрицу, а за поѣздку изъ Троице-Сергіевой лавры въ Ростовъ и обратно получилъ 80 рублей прогонныхъ денегъ отъ казначея Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря, іеромонаха Досифея, коему и выдалъ такую росписку:

1818 года мая 10 дня во исполненіе предписанія Святѣйшаго Синода Члена Преосвященнѣйшаго Августина, Архіепископа Московскаго, издержанные на проѣздъ отъ Сергіевой лавры до Ростова на прогоны и обратно изъ Ростова до лавры, всего 80 рублей, Яковлевскаго монастыря отъ казначея іеромонаха Досифея получилъ Симонова монастыря

Архимандритъ Герасимъ.

О самой встрѣчѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны подробно донесла въ Московскую Синодальную контору братія Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря такимъ рапортомъ отъ 14 мая 1818 года за № 28, при чемъ рапортъ подписанъ тремя старшими членами монастырской братіи: казначеемъ іеромонахомъ Досифеемъ, гробовымъ іеромонахомъ Амфилохіемъ и ризничимъ іеромонахомъ Иннокентіемъ.

Въ Московскую Святѣйшаго Правительствующаго Синода контору.

Ростовскаго Яковлевскаго монастыря монашествующей братіи

рапортъ.

Сего маія 10 числа къ несказанному обрадованію осчастливлена обитель наша Высочайшимъ посѣщеніемъ Ея Императорскаго Величества Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Того числа въ 6 часовъ утра по предварительному приказанію начался благовѣстъ въ этой обители и продолжался до самаго прибытія Ея Величества, которое и послѣдовало при звонѣ начатомъ въ обители и всего града выходѣ 7-го часа слѣдующимъ порядкомъ:

во святыхъ воротахъ Всемилостивѣйшая посѣтительница встрѣчена была московскаго ставропигіальнаго Симонова монастыря архимандритомъ и кавалеромъ Герасимомъ обще тоя обители съ братіею въ самолучшемъ облаченіи со святымъ крестомъ и священною водою. Отъ коихъ вратъ и началось шествіе Ея Величества по устланнымъ ковромъ и сукнамъ въ соборную церковь, гдѣ почиваютъ мощи угодниковъ Божіихъ святителей Іакова и Дмитрія, чудотворцевъ Ростовскихъ. По прибытіи въ оную церковь, началась Божественная литургія, кою совершалъ упомянутый архимандритъ и кавалеръ Герасимъ соборне съ братіею тоя обители. По окончаніи Божественныя литургіи изволили Ея Императорское Величество съ троекратнымъ поклоненіемъ прикладываться къ мѣстнымъ святымъ иконамъ Спасителя и Божіей Матери, также къ святымъ мощамъ обоихъ угодниковъ Іакова и Дмитрія, и къ частямъ святыхъ мощей преподобномучениковъ Сергія, Іоанна и Патрикія, въ обители святого Саввы убіенныхъ отъ Срацынъ, потомъ обоимъ святителямъ при мощахъ чудотворца Дмитрія отпѣтъ былъ соборне молебенъ тѣмъ же архимандритомъ и кавалеромъ со всею обители тоя братіею съ провозглашеніемъ многолѣтія всему Августѣйшему дому съ колокольнымъ звономъ, при семъ онъ же архимандритъ поднесъ Ея Величеству къ тому случаю нарочно приготовленную икону въ оправѣ сребро-позлащенной святителя Дмитрія, потомъ и вся свита Ея Величества благословляема была иконами святителя. По отправленіи молебна Ея Величество съ таковымъ же троекратнымъ поклоненіемъ изволила прикладываться къ близъ стоящимъ святыхъ мощей чудотворца Дмитрія бывшимъ келейнымъ его иконамъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія и Боголюбскія. По поклоненіи онымъ старшаго тоя обители гробоваго іеромонаха Амфилохія жаловала къ рукѣ и много съ нимъ разговаривать изволила и весьма ему похвалила какъ внѣшнее, такъ и внутреннее сего храма прекрасное благолѣпіе, потомъ онъ іеромонахъ былъ удостоенъ отъ Ея Величества высочайшаго всемилостивѣйшаго приглашенія во дворецъ Ея Величества, что предъ обѣденнымъ столомъ тѣмъ іеромонахомъ всеподданнѣйше и было исполнено. Послѣ Ея Величество изволила шествовать въ теплую церковь святителя Іакова, въ которой на разныхъ столахъ пріуготовлена была ризница той обители ризничимъ порядкомъ сперва царская, а потомъ разныхъ благотворителей тоя обители покровы и ризы, тамъ же на особомъ столѣ пріуготовлены были вещи: 1)святая митра чудотворца Дмитрія, изъ одной шелковой матеріи состоящая и нимало не истлѣвшая, бывшая въ землѣ 42 года. 2) святый убрусецъ, или платъ бѣлаго полотна съ шитьемъ по угламъ, бывшій при жизни въ собственномъ употреб-

леніи сего святителя Божія. 3) Книга первыхъ выходовъ печати Кіевской минеи четьихъ часть мартъ, апрѣль и маія собственной рукою святителя по первымъ листамъ подписанная, когда онъ еще былъ архимандритомъ, также книга, писанная уставомъ полной службы и чудесъ Гурія и Варсонофія чудотворцевъ казанскихъ, вся поправленная рукою святителя. На всѣ оные священные предметы Ея Величество первое и особенное имѣла вниманіе: на митру святителя довольно изволила смотрѣть и съ высочайшимъ своимъ благоговѣніемъ къ оной приложиться. На убрусецъ также съ большимъ уваженіемъ долго смотрѣли, сама оный своею особою разгибала и паки своею Императорскою особою его сложить изволила; что жъ касается до двухъ книгъ, то въ оныхъ подпись и многіе во второй книгѣ состоящія поправки руки святителя Дмитрія съ высочайшимъ своимъ вниманіемъ и удовольствіемъ своею августѣйшею особою прочитывать изволила. По осмотрѣ и сей ризницы изволила шествовать въ новую святителя Дмитрія церковь, устроенную иждивеніемъ покойнаго графа Николая Петровича Шереметева, архитектуру и все внутреннее и наружное благолѣпіе внимательно изволила разсматривать, сравнивала съ соборнымъ храмомъ Свято-Троицкія Александро-Невскія лавры и, наконецъ, всей оной церкви устроеніе изволила всеавгустѣйшаго своего одобренія. Изъ коей при выходѣ вся монашествующая братія той обители всемилостивѣйше жалованы къ рукѣ Ея Величества, потомъ всеавгустѣйшая посѣтительница показаннымъ архимандритомъ и со всею братіею при собраніи многочисленнаго народа съ крестомъ и священною водою провождаема была черезъ святыя ворота до самой кареты, предъ вшествіемъ въ карету Ея Величество оному архимандриту и монашествующей братіи и всему народу благоволила изъявить высокомонаршее свое благоволѣніе.

По отбытіи Ея Величества присланъ былъ нарочно чиновникъ для приглашенія упомянутаго архимандрита и кавалера Герасима къ обѣденному столу. И наконецъ въ тотъ же день въ 2 часа по полудни всемилостивѣйшая Государыня изволила отбыть обратно въ царствующій градъ Москву; по отбытіи отъ лица Ея Величества нашею братіею чрезъ ростовскаго купца Ѳедора Борисовича Мясникова всемилостивѣйше пожаловано 1.000 рублей, о чемъ московская Святѣйшаго Правительствующаго Синода контора симъ благопочтеннѣйше рапортуетъ.

Казначей Іеромонахъ Досиѳей.
Гробовой Іеромонахъ Амфилохій.
Ризничій Іеромонахъ Иннокентій.

Маія 14 дня
1818 года
№ 28.

Чрезъ пять лѣтъ эту же обитель посѣтилъ и августѣйшій сынъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Императоръ Александръ I. Въ это время настоятелемъ Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря былъ знаменитый подвижникъ и проповѣдникъ, архимандритъ Иннокентій, родной племянникъ не менѣе знаменитаго другого ростовскаго подвижника, гробового іеромонаха Амфилохія. Со всею монастырскою братіею архимандритъ Иннокентій весьма торжественно встрѣтилъ Императора Александра I, привѣтствовалъ его краткою рѣчью у святыхъ воротъ обители, соборне съ братіею монастыря совершилъ Божественную литургію и послѣ нея молебенъ ростовскимъ святителямъ Іакову и Дмитрію. Императору такъ понравилась эта встрѣча, что послѣ обѣдни посѣтилъ келью настоятеля монастыря, архимандрита Иннокентія, разспрашивалъ о монастырѣ и его исторіи, откушалъ монастырской хлѣбасоли и въ тотъ же день вторично посѣтилъ обитель, молился въ ней, осмотрѣлъ всѣ ея святыни и достопримѣчательности и побывалъ въ келіи гробового монаха Амфилохія. На другой день отъ архимандрита Иннокентія принялъ хлѣбъ-соль у себя во дворцѣ. Обо всемъ этомъ архимандритъ Иннокентій рапортами донесъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и въ Московскую Синодальную контору. Оба рапорта сходны между собой по своему содержанію, и первый рапортъ отправленъ 24 августа 1823 года за № 83, а второй 28 августа того же года за № 84. Содержаніе рапортовъ таково:

Въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Ростовскаго Яковлевскаго Монастыря
Архимандрита Иннокентія

рапортъ.

Сего 23-е числа здѣшняя обитель имѣла счастіе удостоиться Высочайшаго посѣщенія Его Величества всемилостивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича. Августѣйшій монархъ проѣздомъ отъ Ярославля въ Москву благоволилъ по пути сперва посѣтить Ростовскій соборъ, а потомъ изъ онаго прибыть въ ½ 11-го часа утра въ сей монастырь за литургіею. Его Императорское Величество встрѣченъ былъ мною съ братіею у святыхъ монастырскихъ вратъ въ наилучшемъ полномъ ризничномъ облаченіи со святымъ крестомъ, хоругвями, запрестольными иконами, освященною водою, свѣщами и кадилами, при колокольномъ звонѣ, и когда благоволилъ приложиться ко святому кресту и принять окропле-

ніе священною водою, привѣтствованъ былъ мною краткою рѣчью, потомъ изволилъ шествовать въ церковь предъидущимъ всѣмъ намъ при кропленіи святою водою пути, устланнаго сукнами и коврами, при пѣніи тропаря святителю Дмитрію и святому кресту. По входѣ въ оную и по прочтеніи обычныя ектеніи провозглашено было Его Величеству и всей Августѣйшей фамиліи многолѣтіе, послѣ чего Государь Императоръ приказалъ начинать литургію съ изъясненіемъ таковымъ, что къ святымъ иконамъ и мощамъ будетъ прикладываться послѣ литургіи, которая и начата была мною немедленно и совершена соборне; по окончаніи оной Его Величество паки приложились ко святому кресту, изволилъ прикладываться ко святымъ иконамъ и мощамъ святителей Іакова и Дмитрія съ троекратнымъ поклоненіемъ до земли, при чемъ поднесена Его Величеству мною отъ гроба святителя Дмитрія икона обоихъ святителей, по принятіи коей и цѣлованіи благоволилъ удостоить Высочайшимъ Своимъ посѣщеніемъ настоятельскія келіи, въ кои сопровождаемъ былъ мною съ братіею со святымъ крестомъ въ томъ же облаченіи, при колокольномъ звонѣ, гдѣ паки провозглашено было всей Августѣйшей фамиліи многолѣтіе, и довольное время присутствуя въ оныхъ, изволили разспрашивать о началѣ и состояніи обители и въ изъявленіе своего благоволѣнія вкусить изволилъ отъ предложенія монастырскихъ яствъ и питія и потомъ отправиться въ пріуготовленный въ городѣ дворецъ, сопровождаемъ будучи до святыхъ вратъ монастырскихъ таковымъ же порядкомъ, какъ и встрѣченъ былъ; по возвращеніи нашемъ въ церковь принесено было Господу Богу соборне о здравіи Его Величества и всей августѣйшей фамиліи благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и колокольнымъ звономъ, послѣ чего въ 5 часовъ по полудни по требованію чрезъ нарочно присланнаго отъ Государя Императора имѣлъ я счастіе представляться Его Величеству во дворцѣ, гдѣ Его Величество между прочимъ изволилъ изъявить волю свою быть въ 7 часовъ вечера паки въ обители сей для слушанія молебна, повелѣвъ при томъ, чтобы никакой при томъ церемоніальной встрѣчи и народнаго собранія не было. По прибытіи Его Величества въ назначенное время въ сію обитель, немедленно былъ совершенъ мною соборне со всею братіею молебенъ святителю Димитрію съ приложеніемъ многолѣтія Его Величеству и всей августѣйшей фамиліи, по окончаніи коего Государь Императоръ еще изволилъ прикладываться къ святымъ мощамъ обоихъ святителей съ троекратнымъ же до земли поклоненіемъ и потомъ посѣтить монастырскую ризницу и смотрѣть достопамятныя вещи и вклады, какъ Августѣйшихъ предковъ своихъ, такъ и другихъ знамени-

тыхъ лицъ, изъявя при томъ Высочайшую волю свою на присланіе новой ризницы для полнаго соборнаго служенія.

Послѣ сего изволилъ осматривать новоустроенную на коштъ покойнаго графа Николая Петровича Шереметева церковь во имя святителя Димитрія и наконецъ благоволилъ удостоить монаршимъ посѣщеніемъ своимъ келью гробового старца іеромонаха Амфилохія, а потомъ въ 9-мъ часу и изволилъ отправиться во дворецъ. На другой день поутру имѣлъ я смѣлость при отбытіи Его Величества поднести отъ обители нашей въ знакъ благодарности за милостивѣйшее монаршее посѣщеніе хлѣбъ и соль, что Его Величествомъ принято весьма благоволительно. По отбытіи же Его Величества въ 7-мъ часу утра изъ Ростова паки мною съ братіею отправлено было по литургіи благодарственное Господу Богу молебствіе со звономъ, о чемъ Святѣйшему Правительствующему Синоду симъ во извѣстіе всепокорнѣйше доношу.

Вашего Святѣйшества всенижайшій послушникъ Яковлевскаго монастыря

Архимандритъ Иннокентій.

Августа 24-го дня
1823 года
№ 83.

Точно такого же содержанія рапортъ отправленъ въ Московскую Синодальную Контору 28 августа 1823 года за № 84.

Кромѣ того, архимандритъ Иннокентій послалъ описаніе Высочайшаго посѣщенія Императоромъ Александромъ I ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“ при своемъ отношеніи такого содержанія:

Императорскаго Московскаго Почтамта въ Газетную Экспедицію.

№ 96. Ставропигіальнаго Ростовскаго Яковлевскаго монастыря отъ архимандрита Иннокентія.

Препровождая при семъ описаніе Высочайшаго Его Императорскаго Величества посѣщенія показанной обители, прошу Газетную Экспедицію напечатать оное въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за прилагаемыя у сего деньги 25 рублей ассигнаціею 1818 года за № 4390054-мъ съ тѣмъ, есть ли оныхъ не будетъ достаточно, то по требованію имѣю дополнить. Сентября 23 дня 1823 года. Но Газетная Экспедиція небрежно исполнила просьбу архимандрита Иннокентія, и потому онъ вторично ей написалъ такого содержанія отношеніе:

Поелику въ статьѣ, напечатанной въ 82 № „Московскихъ Вѣдомостей“ о посѣщеніи Его Величества Государя Императора 23 августа обители здѣшнія, не помѣщены самыя нужныя началь-

ныя рѣчи: изъ Ростовскаго Ставропигіальнаго Яковлевскаго монастыря, но сказано только изъ Ростова, а какую именно обитель Государь благоволилъ посѣтить, то умолчано, ибо въ Ростовѣ обители многи, и потому Газетную Экспедицію прошу въ слѣдующій № слова оныя припомнить. Октября 16 дня 1823 года. № 102.

Вещественными памятниками посѣщенія Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря являются въ ризницѣ его дары Императора Александра I: драгоцѣнный наперсный крестъ съ аметистами и брилліантами, пожалованный гробовому іеромонаху Амфилохію, и облаченія для полнаго соборнаго служенія изъ тяжелой бѣлой парчи съ затканными золотыми и зелеными цвѣтами, пять священническихъ фелоней съ эпитрахиляли, палицей, набедренниками, поясами и поручами и столько же діаконскихъ стихарей съ орарями и поручами.

Н. Лашковъ.

Къ характеристикѣ патріарха Гермогена [1]).

(Къ 300-лѣтію его кончины).

Въ исторической жизни народовъ есть эпохи, отмѣченныя особымъ подъемомъ національнаго чувства, торжествомъ народныхъ идеаловъ. Эти эпохи ознаменованы обыкновенно борьбой за самобытность націи, за ея свободное самоопредѣленіе, какъ живого органа человѣчества, какъ проявленіе индивидуальной исторической личности. Таковы греко-персидскія и пуническія войны, крестовые походы, столѣтняя война, гусситское и казацкія движенія XV—XVII вѣковъ.

Въ эти моменты духовнаго подъема націй историки наблюдаютъ нѣкоторыя общія явленія. Прежде всего, движеніе идетъ снизу, изъ темныхъ нѣдръ народности, обыкновенно стоящихъ внѣ активной исторической жизни. Боевая способность сохраненія накопленнаго вѣками обнаруживается съ особенной силой въ тѣ историческіе моменты, когда духовное богатство, собранное такъ старательно предками, подвергается опасности со стороны чужеземцевъ пришельцевъ-хищниковъ. Тогда во всей силѣ обнаруживаются могучіе задатки, лежащіе въ основѣ народности, обусловливающіе ея стойкость, жизненность и духовную мощь. Встаютъ самоотверженные Гуссы, Жижки, Іеронимы Пражскіе, Жанны д'Аркъ, Богданы Хмельницкіе, Минины и Пожарскіе. Какъ старые крестоносцы, рыцари добраго духовнаго подвига, какъ древніе Мильтіады и Ѳемистоклы, они становятся во главѣ неорганизованныхъ народ-

[1]) Рѣчь, произнесенная въ Виленской 1-й гимназіи 19 февраля 1912 г.

ныхъ массъ, и совершается нѣкоторое подобіе того, что мы съ полнымъ правомъ могли бы назвать чудомъ въ исторіи. Нарушается въ силу какихъ-то темныхъ, неизвѣданныхъ, причинъ правильный планомѣрный ходъ исторической жизни, на время какъ бы меркнетъ сила ума, прочность культуры, слабѣетъ установившійся укладъ государственной жизни передъ новыми грозными боевыми движеніями, которыя, однако, таятъ въ себѣ зародыши болѣе широкой исторической жизни. Можно сказать, что побѣждаетъ въ тяжелой роковой судьбѣ не умъ, не искусство, а энергія, сила воли, горячая преданность устоямъ народности. Передъ толпами вдохновенныхъ гусситовъ съ ихъ грознымъ народнымъ гимномъ въ ужасѣ разбѣгались огромныя стройныя рыцарскія ополченія, передъ дѣвой-крестьянкой во главѣ небольшого французскаго отряда отступаетъ испытанное въ бояхъ англійское войско, передъ рядами степняковъ-украинцевъ чувствуетъ себя слабымъ гордое войско Рѣчи Посполитой.

Этотъ подъемъ народнаго духа самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія историка, но онъ особенно поучителенъ тамъ, гдѣ эта борьба затягивается, гдѣ приводятся въ движеніе силы обширной государственной территоріи, гдѣ подвергается опасности вѣковое государственное и народное строительство. Подобное явленіе наблюдается въ русской исторіи въ самомъ началѣ XVII вѣка въ эпоху такъ называемаго смутнаго времени, мѣтко названнаго русскимъ народомъ лихолѣтьемъ.

Эти годы кажущагося распада сѣверной великорусской народности, съ удивительной настойчивостью объединенной въ одно государственное цѣлое отдаленными потомками Іоанна Калиты, знаменательны, какъ поворотный моментъ въ исторія нашего отечества. Они выносятъ наружу, на свѣтъ историческаго сознанія скрытые источники мощи, которымъ суждено было проявиться въ завидномъ блескѣ, въ теченіе послѣдующихъ двухъ съ половиною вѣковъ, вызвать къ жизни царя-преобразователя, Екатерину II съ ея завоеваніями, время Александра I, съ широкими задачами европейской политики, самобытную культуру, въ которой счастливо сочетались широкія вліянія европеизма и исконныя славянскія начала. Историки и писатели художники съ одинаковымъ интересомъ останавливаются на трудной годинѣ русской жизни, на историческомъ испытаніи, постигшемъ неокрѣпшее еще государство. Они слѣдятъ за тѣми проявленіями исторической жизни, въ которыхъ обнаруживаются поучительныя и наиболѣе цѣнныя свойства русскаго духа. Личности Ляпунова, Скопина-Шуйскаго, Діонисія и Палицына, Мининa и Пожарскаго прекрасно характеризуютъ это время. „Раз-

громъ войны, пожары деревень, житье безъ крова, ночи безъ ночлега"—вотъ какими чертами изображаетъ тяжелую годину лихолѣтья нашъ историческій драматургъ. Облитая кровью, усѣянная костями своихъ сыновъ по всему широкому простору, русская земля алкала своего избавителя. Этимъ избавителемъ явился русскій народъ и его скромные духовные вожди, люди глубокой, чистой вѣры, смиренія, безкорыстнаго подвига.

Свыше пятивѣковое духовное развитіе въ тиши монастырей, этихъ свѣточей религіозной культуры, въ простотѣ патріархальнаго уклада жизни наложило свой отпечатокъ на личность и судьбы великоросса, отдѣливъ его отъ южныхъ и западныхъ соплеменниковъ. Созданіе національнаго идеала, въ которомъ сочетаются начала религіозныя и государственныя, есть первый прочный камень самобытной культуры, которая дала первенство великороссу среди остальныхъ отраслей славянства и высоко поставила его въ міровой семьѣ народовъ, съ его полной цѣнныхъ элементовъ грядущею литературой, въ его своеобразномъ искусствѣ, живыхъ сердечныхъ отзвукахъ собственной души и окружающаго міра. Беречь, лелѣять и хранить эти основные завѣты была призвана старая Нестеровская Русь съ ея духовными вождями. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ патріархъ Гермогенъ. Въ немъ, „начальномъ человѣкѣ" родной земли, въ тяжелое, безгосударное время, воплотились лучшіе завѣты нашей старины. Глубоко религіозный съ оттѣнкомъ нетерпимости, нравственно-стойкій, напоминавшій по складу личности лучшихъ представителей русской духовной жизни въ лицѣ Ѳеодосія Печерскаго и выдающихся московскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя и Филиппа, онъ былъ проникнутъ тѣми стремленіями древнерусскаго идеализма, которыя сдѣлали его центральной личностью эпохи. Не на широкой аренѣ государственности отстаивалъ онъ родную народность. Въ смятенной Москвѣ, готовой сплотиться отъ послѣдняго представителя государственной власти, слабаго Василія Шуйскаго, въ тѣсномъ заключеніи, во время столь же слабой семибоярщины, среди раздиравшихъ страну междоусобій, передъ которыми меркнутъ смуты удѣльной системы, этотъ самоотверженный, убѣжденный мужъ неустрашимо берегъ и охранялъ наиболѣе дорогіе завѣты родной земли. По благословенію святѣйшаго патріарха велись переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ объ умиротвореніи русской земли, по благословенію того же Гермогена вставали на защиту родной земли сѣверные города. Его дышавшія пламенной любовью къ родинѣ и вѣрѣ призывныя грамоты читались въ городахъ верхняго Поволжья и Понизовья, въ Вологдѣ и Тотьмѣ, Устюгѣ и Перми, въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири.

Гермогенъ явился для русскихъ людей лихолѣтья эмблемой объединенія родной земли, тѣмъ крѣпкимъ началомъ государственности, которое явилось созидательнымъ элементомъ и въ выработкѣ племенныхъ особенностей великорусса и въ многолѣтней его борьбѣ за преобладаніе на Востокѣ. Нельзя видѣть въ Гермогенѣ исключительно защитника вѣры. Нужно вспомнить значеніе, которое имѣли московскіе митрополиты еще до сверженія татарскаго ига, когда государственное начало не достигло высоты самоопредѣленія, даннаго ему правленіемъ Василія III и обоихъ Іоанновъ. Эпоха Грознаго, оставившая яркій слѣдъ въ народной литературѣ, должна быть разсматриваема, какъ завершеніе вѣкового государственнаго строительства. Завоеванія царя на Востокѣ, распространеніе русскаго владычества за Каменнымъ поясомъ въ отдаленной Сибири, твердый оплотъ на западѣ по линіи Пскова, Смоленска и сѣверскихъ городовъ знаменовали территоріальное единство русской земли. Въ связи съ этимъ создается и крѣпнетъ теорія не только общерусскаго, но и, такъ сказать, вселенскаго значенія Московскаго государста, идея третьяго Рима, создавшаяся на религіозно-исторической почвѣ. Представители духовенства были ближайшими и наиболѣе ревностными поборниками этихъ воззрѣній, въ которыхъ византійскіе элементы сочетались съ національно-русскими. Теорія придавала устойчивость борьбѣ; она объединяла и усиливала значеніе тѣхъ внѣшнихъ побужденій самообороны, которыми богаты страницы смутнаго времени. Не только за неприкосновенность вѣры, но и за единство земли боролись представители духовнаго сословія, наравнѣ съ земскими людьми, горожанами, купцами и міромъ чернаго крестьянства. Эти устои народности нашли себѣ вождя въ патріархѣ. Для всего русскаго сѣвера, какъ и для Троицкой лавры, явившейся не только религіознымъ, но и политическимъ центромъ этой народной борьбы, авторитетный голосъ Гермогена будилъ наиболѣе живыя и устойчивыя стремленія народности. И Гермогенъ въ этомъ отношеніи стоялъ на завидной исторической высотѣ. Онъ вписалъ свое имя въ почетный мартирологъ борцовъ и страдальцевъ за родную землю. Онъ былъ твердъ предъ лицомъ смерти, не страшился угрозъ, не шелъ на компромиссы, оставаясь вѣренъ долгу печальника земли и пастыря. Историки единогласно отмѣчаютъ высоту его нравственной личности. Соловьевъ говоритъ, что „патріархъ былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, готовый страдать за свои убѣжденія, за правду и неприкосновенность ввѣреннаго ему дѣла; такимъ образомъ патріархъ по природѣ своей былъ совершенно въ уровень своему высокому положенію въ бурное смутное время“. Онъ же называетъ Гермогена блюстителемъ вѣры.

Костомаровъ отмѣчаетъ въ патріархѣ „суровый и дѣятельный характеръ“; по словамъ этого историка Гермогенъ „былъ человѣкъ прямой, честный, непоколебимый, свято служившій своимъ убѣжденіямъ, а не личнымъ цѣлямъ“. Послѣднія для него не существовали вовсе. Вся жизнь этого народнаго бойца, этого богатыря духа была направлена къ благу родины. Его ранніе годы жизни неизвѣстны. Исторія застаетъ его казанскимъ митрополитомъ. Здѣсь Гермогенъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы сохранить въ чистотѣ лучшіе завѣты православія среди пестраго инородческаго населенія. Въ немъ проявляется необходимая твердость и проницательность. Казань была крайнимъ пунктомъ сѣверо-востока, откуда должно было ширяться и крѣпнуть русское вліяніе на отдаленныя окраины Приуралья и сосѣдней Сибири. Потомъ мы видимъ Гермогена въ Москвѣ, въ короткое царствованіе перваго Димитрія, видимъ защитникомъ народности и вѣры. Онъ вмѣстѣ съ немногими іерархами и духовными лицами поднялъ голосъ противъ двусмысленнаго въ религіозномъ отношеніи поведенія жены перваго самозванца Марины Мнишекъ. Суровый блюститель благочестія былъ сосланъ въ свою епархію. Уже и тогда авторитетъ его былъ такъ великъ, что Гермогенъ былъ избранъ патріархомъ, въ началѣ царствованія Василія Шуйскаго. Отнынѣ начинается его роль, какъ защитника государственнаго строя, радѣльца за единство и безопасность родной земли. Избраніе на царство Василія Шуйскаго нельзя было признать удачнымъ. Эта историческая личность нашла себѣ оцѣнку и на страницахъ современныхъ ей источниковъ, и въ научной исторіографіи, и въ художественной литературѣ. Всѣ сходятся въ томъ, что это былъ человѣкъ дюжинный, бояринъ до мозга костей, личность стараго закала, недовѣрчивая и подозрительная. Естественно, что прямой и открытый характеръ патріарха не могъ прійтись по нраву новому царю, а патріархъ не любилъ царя, говорилъ ему въ глаза правду. Духъ дѣятельный, человѣкъ долга и нравственной иниціативы, Гермогенъ не могъ идти окольными путями, не могъ выжидать благопріятнаго исхода событій, какъ это дѣлалъ Шуйскій. Но въ Шуйскомъ Гермогенъ уважалъ представителя царской власти, видѣлъ въ немъ тотъ стягъ, возлѣ котораго въ годину общественныхъ бѣдъ и государственной разрухи могли соединиться вѣрные государству и народности элементы. И во все время короткаго, но бурнаго царствованія Василія патріархъ былъ его вѣрнымъ союзникомъ, защитникомъ значенія Москвы, которая, по его выраженію, „всегда указывала всѣмъ городамъ“. Гермогену обязанъ Шуйскій и извѣстною продолжительностью своего царствованія. Патріархъ умѣлъ давать отпоръ крамолѣ, за-

говорамъ, лишая ихъ необходимой народной поддержки. Двусмысленная рѣчь Шуйскаго въ отношеніи его славнаго и даровитаго племянника, его неумѣнье сойтись съ лучшимъ человѣкомъ земли Ляпуновымъ подготовило его паденіе, котораго не могъ уже предотвратить и авторитетъ Гермогена. Послѣ низложенія Шуйскаго начинается самый тяжелый періодъ лихолѣтья.

Поднимаютъ голову антигосударственные элементы, олицетворяемые многочисленной и буйной казацкой вольницей, терзаютъ родную землю разные Сапѣги и Лисовскіе, угрожаютъ цѣлости государства недавніе союзники шведы, надвигается съ запада многочисленное войско Сигизмунда; трагизмъ эпохи выражается тяжелой борьбой подъ стѣнами Смоленска, этого западнаго оплота русской земли. И въ это тяжелое время, которое современный лѣтописецъ считаетъ чѣмъ-то въ родѣ апокалипсическихъ ужасовъ, лютымъ временемъ Божія гнѣва, какого не бывало отъ сотворенія міра, Гермогенъ одинъ стоялъ на стражѣ народныхъ интересовъ. Чуть не вся русская земля опустѣла, по краснорѣчивому свидѣтельству лѣтописца.

Но патріархъ вѣрилъ въ силы родного народа. По его призыву поднялось первое освободительное движеніе.

Ему предшествовала глухая борьба Гермогена съ поляками и ихъ русскими приверженцами въ родѣ извѣстнаго противника патріарха Михайлы Салтыкова, пріобрѣвшаго извѣстность человѣка, проклятаго патріархомъ за измѣну.

Стойкость Гермогена въ отстаиваніи интересовъ родины, въ вопросѣ объ избраніи на царство Владислава показываетъ его проницательность и пониманіе государственныхъ интересовъ, особенно если мы вспомнимъ современную намъ Болгарію, гдѣ вопросъ о вѣроисповѣданіи главы государства является одной изъ основныхъ статей конституціи. Гермогенъ продолжалъ въ стѣнахъ Москвы борьбу съ боярствомъ, забывшимъ объ интересахъ родной земли. Онъ взывалъ къ гуманности и христіанскимъ чувствамъ фанатическаго Сигизмунда III, этого Филиппа II славянщины, во имя мира и національнаго чувства „неисчетныхъ“ народовъ, населявшихъ восточныя отъ Польши земли. Но главная вѣра его была въ народныя силы. „Сѣмя народнаго возстанія, брошенное рукою доблестнаго патріарха, разросталось“, говоритъ историкъ смутнаго времени. Изъ своей московской темницы въ Чудовомъ монастырѣ Гермогенъ благословлялъ подвиги Ляпунова. Еще раньше патріархъ проявилъ необыкновенную твердость и стойкость въ оборонѣ интересовъ государства. Его знаменитая слова, сказанныя Салтыкову 5 декабря 1610 г. и въ мартѣ 1611 года, облетѣли русскую

землю и стали достояніемъ исторіи. „Вы мнѣ обѣщаете злую смерть, говорилъ страдалецъ боярамъ, а я надѣюсь черезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду". Его смерть, предполагаютъ, отъ голода, не дала ему возможности видѣть торжество ополченія Минина и Пожарскаго, но духъ благороднаго страдальца за родную землю былъ съ этими людьми. Во имя блага земли могъ примириться въ трудную годину и съ врагами Гермогенъ, если видѣлъ съ ихъ стороны желаніе быть справедливыми въ отношеніи ея интересовъ. Это снимаетъ съ него обвиненіе въ узкомъ національнизмѣ, которое налагаютъ на него односторонніе и пристрастные польскіе историки, современные и новѣйшіе. Свѣтлый умъ, нравственная стойкость и пламенная любовь къ родной землѣ дали ему силу довести до конца свой подвигъ, умереть спокойно, сохранивъ вѣру въ неумирающую мощь и историческую живучесть родного народа.

Въ памяти современниковъ образъ Гермогена стоялъ высоко „Патріархъ Гермогенъ, говоритъ историкъ Соловьевъ, вообще является въ лучезарномъ блескѣ, а самый блескъ этотъ препятствуетъ различать отдѣльныя черты въ образѣ; только предатель-хронографъ нашептываетъ слова, нарушающія общее впечатлѣніе". Съ этимъ отзывомъ наиболѣе объективнаго и серьезнаго изъ нашихъ выдающихся историковъ необходимо считаться. Даже незначительные для такой выдающейся личности слабости и диссонансы разсматриваются у Соловьева, какъ черты, облекающія нѣкоторой дымкой этотъ чистый и незапятнанный образъ. Но и самыя указанія хронографа важны для насъ; они отмѣчаютъ неизбѣжныя для всякаго историческаго дѣятеля препоны чисто личнаго характера, не дававшія возможности недюжиннымъ силамъ развернуться во всей полнотѣ и блескѣ. Мы не должны забывать, въ какую трудную эпоху пришлось дѣйствовать Гермогену. У всѣхъ людей смутнаго времени, кромѣ развѣ одного Скопина-Шуйскаго, были эти тѣневыя стороны; отъ нихъ не свободны ни Ляпуновъ, ни Пожарскій, ни Палицынъ, лучшіе люди лихолѣтья. Отъ неизмѣримо большихъ слабостей и дефектовъ не свободны такіе богатыри русскаго духа, какъ Никонъ и Петръ Великій. Въ свѣтлой и чистой личности Гермогена эти незначительныя слабости, имѣющія отношеніе преимущественно къ умѣнью различать людей, поддаваться вліянію окружающихъ, съ почетомъ заслоняются высокими душевными свойствами, безстрашіемъ, чувствомъ долга, пламенною любовью къ родинѣ. Эти высшія свойства даютъ Гермогену почетное мѣсто на страницахъ нашей исторіи. Пути, по которымъ шелъ Гермогенъ, привели къ торжеству народности и обезпечили ей широкое и сво-

бодное развитіе. И для послѣдующихъ русскихъ поколѣній, доколѣ живы русское чувство и русское слово, величавый, осѣненный ореоломъ страданія, образъ патріарха Гермогена будетъ лучшимъ завѣтомъ старой допетровской Руси, призывающимъ къ бодрой работѣ для блага родной земли въ годину государственныхъ и общественныхъ неустройствъ.

Адр. Круковскій.

Отцу бить сына плетью (1680 г.).

Государю преосвященному Симону, архиепископу Вологодцкому и Белоозерскому, бьетъ челомъ царьской и твой святительской богомолецъ твоей святительской вотчины Леского волоку вдовой попъ Михайло. Жалоба, государь, мнѣ на сына своего, на Николаевского попа Диомида. Родилъ ево, сына своего, и поилъ, и кормилъ, и отъ грамотного учения і въ земляной роспашке і въ дворовом строенье животишка свої истощилъ, и устарѣлъ и въ монастырѣ, государь, ни в какую службу не гожусь. А тотъ сынъ мой тобою, государемъ, благословленъ и поставленъ на мое мѣсто в попы и нажитками своими я ево наделилъ, а далъ онъ, сынъ мой, попъ Деомидъ, на себя запись, что по мою смерть поступится мнѣ въ полѣ по полоске на годъ пахать, а сея, государь, весны пахати мнѣ не далъ. Да онъ же сынъ мой, напився пьянъ, меня, богомольца твоего, въ нынѣшнемъ во 188 году апрѣля въ 20 день, изождавъ безъ людей, у воротъ своихъ билъ и увѣчилъ на смерть, и тотъ бой видя надо мной, жена ево, попадья, меня у него отняла, а тѣми, государь, побоями я, богомолецъ твой, ево не поклепалъ, сказываю по священству. А по прикащика, государь, для досмотру посылалъ и прикащикъ за водами не поѣхалъ, послалъ соцкого, и соцкой, государь, тоѣ моі побоі с людми досматривал и тому записку учинилъ. Умплостивися, государь, преосвященный Симонъ, архиепископъ Вологодцкиі и Белоозерскиі, пожалуй меня, богомольца своего, для моей древней старости: вели, государь, противъ записи сыну моему въ поле земли по полоске давать по мою смерть, чтобъ мнѣ, бродя въ мире, голодною смертию не помереть, а въ бою моемъ і въ увѣчье что ты, святитель, укажешь. Государь, святитель, смилуйся.

Наобор.: К сей челобитной попъ Михаило руку приложилъ.

Резолюція: 188-го июня въ 28 д. Послать память къ прікащіку, велѣть досмотря записи і противъ записи землею ему, попу Міхаілу, владѣть, а что онъ, попъ Деомидъ, билъ ево, отца своево, і за то, взявъ ево, попа, на мирскую сходку и при мирскихъ людяхъ велѣть отцу ево, попу Міхаілу, біти сына своего, ево, попа Демеіда, своіми руками, біть плетью по ево волѣ. И послать къ прікащіку соцково записка, і все ихъ челобітье, да против того іхъ челобітья и противъ запіскі и противъ ссылкі тѣхъ всѣхъ людеі допросить и по розыску велѣть ево, попа Деоміда, отцу ево смірять.

Собщ. Ив. Суворовъ.

Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни.
(1870—1875 г.).

Г л а в а X[1]).

Посѣщеніе Кіева Императоромъ Александромъ II.

Еще не такъ скоро наступитъ время для полной исторической оцѣнки царствованія Императора Александра II-го. Великія реформы прошлаго царствованія по своей сложности и разнообразію ждутъ еще своихъ историковъ; для характеристики же личныхъ качествъ Царя-мученика своевременно и теперь сообщать всѣ тѣ отдѣльные случаи и эпизоды изъ его жизни, какіе сохраняются пока въ памяти живыхъ свидѣтелей минувшаго царствованія. Одинъ изъ такихъ эпизодовъ я воспроизвожу въ своей памяти, эпизодъ, указывающій на необыкновенное добродушіе покойнаго государя, на удивительную его довѣрчивость къ учащейся молодежи.

Лѣтняя пора 1871 г. Живописно расположенный по холмамъ и долинамъ Кіевъ, весь въ зелени на берегу такъ красиво и величественно разливающагося у подножія города р. Днѣпра, производитъ на зригеля своимъ картиннымъ видомъ чарующее впечатлѣніе Въ городѣ замѣчается оживленная суета: красятъ заборы, обметаютъ улицы и тротуары, бѣлятъ наружные фасады домовъ; вездѣ по улицамъ оживленіе снующей толпы; слышится громкій говоръ въ народѣ, обществѣ и среди учащейся молодежи: ожидали всѣ пріѣзда въ Кіевъ Императора Александра II съ семействомъ

[1]) См. „Русская Старина“ іюнь 1912 г

на нѣсколько дней. Кіевъ готовился на славу встрѣтить и принять дорогихъ гостей. Во главѣ городского управленія въ то время находился извѣстный (уже умершій) князь Демидовъ-Санъ-Донато, городской голова—человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ, красоты и внѣшней представительности, не говоря о его богатствѣ; краемъ управлялъ генералъ-губернаторъ князь Дондуковъ-Корсаковъ. Демидову-то и не хотѣлось ударить „лицомъ въ грязь“ передъ Царемъ и его свитой, и онъ не скупился деньгами, чтобы со средствами, отпущенными городскимъ управленіемъ, достойно принять Царскую Семью, сдѣлать для нея пребываніе въ городѣ пріятнымъ. И дѣйствительно, городъ былъ разукрашенъ на славу, иллюминованъ, а въ заключеніе, на противоположномъ берегу Днѣпра былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Въ свое время, во многихъ газетахъ довольно подробно описаны три дня пребыванія Царской Семьи въ Кіевѣ.

Здѣсь я желаю подѣлиться личнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня въ пору студенчества первой встрѣчей лицомъ къ лицу съ Царемъ, первой въ жизни возможностью близко увидѣть Царскую Семью. Какъ въ описываемое время, такъ и позже, молодежь, въ особенности студенчество, укоряли въ „завиральности“ идей, въ антиправительственныхъ стремленіяхъ, радикализмѣ; но и тогда, какъ и теперь, нельзя подобные взгляды обобщать, распространяя ихъ на все студенчество огуломъ, такъ какъ „дурное“ студенчество составляло лишь исключеніе—и печальное исключеніе изъ общей его массы. Въ достопамятные дни пребыванія въ Кіевѣ Царской Семьи едва-ли не самыми горячими энтузіастами встрѣчи дорогихъ гостей—были студенты, и врядъ-ли кто другой изъ народной толпы употреблялъ столько усилій, чтобы поближе пробраться къ мѣсту нахожденія Государя и семьи Его, чтобы лучше ихъ видѣть и глубже запечатлѣть въ душѣ дорогіе образы. Царское величіе при обстановнѣ появленія Государя, восторженное настроеніе народной массы, такъ обаятельно дѣйствуетъ на молодое сердце юноши, такъ много говоритъ его уму, поражаетъ его воображеніе...

Говорится это по личнымъ впечатлѣніямъ и по разсказамъ тѣхъ изъ товарищей-студентовъ, съ которыми приходилось вспоминать дни пребыванія въ Кіевѣ Царской Семьи. Но возвращаюсь къ событію дня. Въ одинъ изъ яркихъ солнечныхъ дней гулъ колоколовъ въ многочисленныхъ церквахъ Кіева, отдаленный, глухой шумъ народныхъ массъ возвѣстили о прибытіи Государя въ старинную столицу Владиміра „Красное Солнышко“. Кіевъ, побѣленный, „пріаккураченный“ въ зелени деревьевъ и холмовъ, блестя золотистыми куполами своихъ церквей, всюду декорированный,

оживленный движеніемъ празднично-разодѣтой толпы,—радостно привѣтствуетъ своего Царя. За отдаленнымъ шумомъ мірского говора явственно слышится дружное „ура!“; всюду суета и торопливое движеніе толпы, въ особенности по направленію къ Софійскому собору: туда поѣхалъ Царь поклониться древней русской святынѣ. Лишь мелькомъ пришлось намъ (нѣсколькимъ студентамъ) увидѣть величественный образъ Царя, его ласковую улыбку въ сторону радостно взволнованной народной массы, его свѣтлый покойный взглядъ, частые наклоны головы. Мы не были удовлетворены мимолетной встрѣчей Государя и дали себѣ слово, во что бы то ни стало при первомъ удобномъ случаѣ, ближе увидѣть Царя и его Семью. Цѣлый день мы бѣгали, какъ угорѣлые, по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ должно было находиться Царское Семейство; но напрасно.

Наконецъ, узнаемъ, что вечеромъ на другой день прибытія Государя на противуположномъ берегу р. Днѣпра, противъ Аскольдовой могилы, сожгутъ великолѣпный фейерверкъ, и этотъ фейерверкъ будетъ смотрѣть Царская Семья изъ бесѣдки вблизи Аскольдовой же могилы. Забираемся „спозаранку“ въ Царскій садъ, выбираемъ получше мѣста для встрѣчи Царя и терпѣливо поджидаемъ Царскаго пріѣзда. Вотъ и вечеретъ. Всѣ деревья аллеи верхняго сада, увѣшанныя китайскими фонариками, плошками, начинаютъ мало-помалу освѣщаться; собираются толпы народа; слышатся тамъ и сямъ пріятные звуки духовой музыки, народъ подваливаетъ все больше и больше; шумъ, говоръ и оживленіе усиливаются; полицейскій нарядъ суетится, водворяя порядокъ. Уже и стемнѣло; заиграла въ разныхъ мѣстахъ сада военная музыка, садъ весь въ огнѣ; свѣтло, какъ днемъ; народа масса и въ сильномъ волненіи. Со стороны въѣзда въ верхнюю часть сада слышенъ гулъ и крики—„ура!“. Мы стоимъ на серединѣ большой аллеи верхняго сада, охвативъ стоявшій у края ея большой стволъ дерева, чтобы толпа не сдвинула насъ съ мѣста; впереди цѣпь полицейскихъ и солдатъ, рѣдко разставленная и едва сдерживавшая натискъ толпы на самую аллею.

Еще нѣсколько минутъ, и крики „ура!“ раздаются вблизи насъ. Поворачиваемъ возбужденныя лица въ сторону надвигающагося Царскаго поѣзда; Царь ѣдетъ шагомъ въ открытомъ экипажѣ, милостиво кланяясь толпѣ. Мы разсчитываемъ моментъ, чтобы прорвать цѣпь и пойти рядомъ съ Царскимъ экипажемъ; экипажъ приближается къ намъ, моментально трое насъ (студентовъ) прорываемъ цѣпь, хватаемся за крылья экипажа и кричимъ оглушительно—„ура!“. Государь повернулъ лицо въ нашу сторону; на лицѣ признакъ неудовольствія. Уловивъ выраженіе неудовольствія на Царскомъ лицѣ, одинъ изъ нашихъ смѣльчаковъ рѣшительно обращается къ Госу-

дарю со словами: „дозвольте, Ваше Императорское Величество, студентамъ сопровождать экипажъ". „А, студенты; хорошо, идите", милостиво отвѣчаетъ Императоръ, останавливая въ то же время движеніемъ руки полицейскихъ, бросившихся вслѣдъ за нами, когда мы ворвались на аллею. Говоря приведенныя выше слова, Монархъ поглядѣлъ на насъ такъ довѣрчиво, послалъ намъ такую чарующую улыбку, впечатлѣніе которой и до сихъ поръ живо въ нашей памяти и не можетъ быть забыто.

Счастливые дозволеніемъ сопровождать Царскій экипажъ на всемъ пути его слѣдованія до бесѣдки около Аскольдовой могилы, мы въ это время считали себя героями дня, свысока поглядывая на густую массу народа, стѣнами окружившую путь слѣдованія Царскаго экипажа; съ дѣтски наивнымъ любопытствомъ всматривались мы въ Царя, вблизи, изучая и запоминая дорогія черты лица обожаемаго Монарха. Проводивъ экипажъ къ бесѣдкѣ, прокричавъ Царю прощальное—„ура!" и „спасибо!" за оказанную милость, мы остановились потомъ не въ далекомъ разстояніи отъ бесѣдки, гдѣ уже собралась Царская Семья смотрѣть фейерверкъ, который скоро долженъ былъ быть сожженъ на противуположномъ берегу Днѣпра. Въ бесѣдкѣ, кромѣ Царской семьи и свиты Государевой, находились и высшіе представители мѣстнаго общества съ начальникомъ края и городскимъ головою княземъ Демидовымъ-Санъ-Донато. Въ бесѣдкѣ велись, повидимому, оживленные разговоры, когда же былъ зажженъ фейерверкъ, то оживленіе сдѣлалось общимъ, при чемъ было замѣтно, что Государыня, подозвавъ къ себѣ Демидова, очень милостиво съ нимъ бесѣдовала.

Фейерверкъ дѣйствительно удался на славу: при тихой погодѣ и прохладномъ вечерѣ, освѣщенная часть Днѣпра съ темной каймой лѣса сзади, съ искрящейся массой огневой воды спереди и усѣянными народомъ горами, освѣщенными отблесками фейерверка, горѣвшихъ смоляныхъ бочекъ и бенгальскихъ огней, все это представляло фантастическую картину, достойную кисти художника; на центральномъ же фонѣ картины горѣла въ огняхъ Царская бесѣдка и виднѣлись оживленныя лица высокихъ кіевскихъ гостей. Мы, „фуксы", находились въ такомъ восторженномъ состояніи отъ всего видѣннаго, отъ Царской милости, что, казалось, утратили всякое представленіе и о мѣстѣ своего пребыванія и о времени. Простоявъ возлѣ бесѣдки до отъѣзда изъ сада Царскаго Семейства и побродивъ немного въ толпѣ, усталые, взволнованные и очарованные впечатлѣніями дня, разбрелись по улицамъ. Царское Семейство лишь на третій день оставило Кіевъ, и образъ Царя и членовъ его семьи навсегда запечатлѣлись въ нашей памяти. До 1875 г.

мнѣ не представлялось случая вновь увидѣть Императора Александра II. Въ 1875 г. покойный Государь опять посѣтилъ Кіевъ.

Помнится, какъ сегодня, что пріѣздъ Царя послѣдовалъ около 12 ч. дня, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Студенты группами стояли на Бибиковскомъ бульварѣ, противъ зданія 2-й гимназіи. Въ ожиданіи Царскаго пріѣзда—я осматривалъ всѣхъ высшихъ кіевскихъ чиновъ, спѣшно направлявшихся во всевозможныхъ экипажахъ по Бибиковскому бульвару къ тріумфальнымъ воротамъ. Вотъ пріѣзжаетъ и кіевскій городской голова, но не представительный князь Санъ-Донато, на тысячныхъ рысакахъ, а сгорбленный, тощій и ученый мужъ проф. Ренненкампфъ, „потрухивая“ на поджарномъ „пѣтушкѣ“. Однако, Царскаго пріѣзда мнѣ не пришлось дождаться, да и не хотѣлось ждать, такъ какъ нахлынувшая вскорѣ масса народа по пути слѣдованія Государя мѣшала ближе взглянуть на его дорогой образъ. На другой день Государь долженъ былъ посѣтить женскую (Фундуклеевскую) гимназію; отправляемся туда заблаговременно, занимаемъ отличную позицію у зданія гимназіи и ждемъ Царя. Императоръ пріѣхалъ и торопливыми шагами, по выходѣ изъ экипажа, входитъ въ парадную дверь гимназіи; всматриваемся въ его лицо — и какая поразительная перемѣна! — взглядъ усталый, тревожный, лицо полное сосредоточенной „думы“ и озабоченности; ни одной улыбки, ни привѣта. Какъ невыразимо грустно стало на душѣ, видя Государя въ такомъ настроеніи, какъ заныло сердце при воспоминаніи прежняго образа Царя и сравненіи съ тѣмъ, какой представлялся намъ сію минуту. Невольно приходилось задаваться вопросомъ, что за причины, вызвавшія такую перемѣну въ выраженіи Царскаго лица? Причины же, конечно, были, и при томъ понятныя даже студенту, только что оставившему школьную скамью. По несчастью въ числѣ многихъ причинъ, огорчавшихъ гуманнѣйшаго Императора, немаловажной представлялась и та дѣятельность молодежи, то броженіе среди студенчества, какое стало развиваться въ 70-хъ годахъ и, постепенно разрастаясь, привело къ ужасающимъ преступленіямъ, къ чудовищному цареубійству. Не мѣсто здѣсь вдаваться въ объясненія всѣхъ обстоятельствъ, вліявшихъ на пагубное направленіе молодежи 70-хъ годовъ, которому не чужда была и извѣстная часть кіевскаго студенчества, гдѣ попадались всякаго рода — „исты“; но должно торжественно засвидѣтельствовать, что часть „номинальнаго“ студенчества ничего общаго съ массой „дѣйствительнаго“ не имѣла. Не посѣщая университета, бросивъ школьныя занятія, эти номинальные студенты всецѣло отдавались своимъ кружковымъ интересамъ, своей пропагандѣ, разнымъ пагубнымъ ученіямъ, слывя у трудящагося студенчества за

людей малоспособныхъ, избѣгающихъ серьезныхъ научныхъ занятій, „пустопорожнихъ“ болтуновъ. И въ самомъ дѣлѣ: всѣ эти Рабцевичи, Бохановскіе, Лурье и прочіе изъ кіевскихъ студентовъ „радикальнаго лагеря“ — вмѣстѣ оправдывали собой сложившееся объ нихъ мнѣніе большинства товарищей, при чемъ всѣ эти господа лишены были въ большинствѣ случаевъ правильнаго домашняго воспитанія и твердыхъ нравственныхъ принциповъ. Очень скоро, уже по окончаніи мною университетскаго курса, пришлось узнать о печальной и заранѣе предвидѣнной судьбѣ подобныхъ студентовъ, которая ихъ постигла и которую они вполнѣ заслужили. Не разъ удивлялъ меня еще и тотъ фактъ, что въ 70-хъ годахъ Кіевскій университетъ и студенты въ ректорство гуманнѣйшаго Н. Х. Бунге и при такомъ генералъ-губернаторѣ, какъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, пользовались гораздо большей свободой, чѣмъ въ другихъ университетахъ, и, несмотря на это, лишь самая незначительная горсть отдѣльныхъ личностей изъ кіевскихъ студентовъ примкнула въ то время къ кружкамъ „зловредныхъ“ дѣятелей. Но и это меньшинство провинціальнаго студенчества и общее число всей учащейся молодежи не могло не огорчать своимъ поведеніемъ добрѣйшаго Монарха; не могло не скорбѣть его любящее сердце, въ виду той неблагодарности, какая была проявлена молодежью въ отвѣтъ на всѣ оказанныя ей царскія милости. Когда же съ 1874 г. и далѣе покушенія „злодѣйской“ молодежи на жизнь Царя и его Семьи участились, то возможно ли было Монарху съ самыми крѣпкими нервами, съ самой закаленной силой воли — сохранить спокойный, свѣтлый взглядъ, довѣрчивость къ окружающимъ людямъ, привѣтливую улыбку на лицѣ. Тѣмъ не менѣе, великій преобразователь Россіи и до послѣднихъ дней своей жизни, какъ видно, сохранилъ вѣру въ добрыя побужденія молодежи, такъ какъ не предпринялъ противъ студенчества никакихъ исключительныхъ репрессалій. Царь и не ошибался; какъ тотъ крестьянинъ 1861 года, который, получивъ свободу, утромъ и вечеромъ ежедневно первую молитву творитъ за Царя-Освободителя, такъ и студенты, получившіе высшее образованіе по уставу 1863 года, съ такой же молитвой вспоминали Царя-Просвѣтителя. Многимъ изъ этихъ студентовъ пришлось потомъ практически, въ жизни, — примѣнять и осуществлять великія реформы Императора Александра II, и дѣло это, не обинуясь скажемъ, ведено было ими съ рѣдкимъ усердіемъ и воодушевленіемъ: стоитъ лишь вспомнить дѣятельность нашей магистратуры съ 1868 года и послѣдующихъ годовъ, земскихъ дѣятелей, военныхъ врачей въ турецкую войну и т. п.! Смерть Великаго Монарха, столь ужасная и неожиданная, никого, быть можетъ, такъ не по-

разила и не огорчила, какъ этихъ благоговѣйныхъ поклонниковъ славныхъ преобразованій Царя-Мученика. Казалось, что при вѣсти о кончинѣ Императора Александра II, свѣтлый образъ котораго такъ неизгладимо запечатлѣлся въ моей памяти, въ пору студенчества, — я потерялъ что-то родное, близкое моему сердцу, такъ много говорящее уму, глубоко запавшее въ душу... Подъ такимъ тягостнымъ впечатлѣніемъ находился и я при вѣсти о смерти незабвеннаго Монарха; но печальное событіе отошло въ область исторіи, а свѣтлый и привѣтливый образъ добраго Государя и до сихъ поръ живъ въ моей памяти, бережно сохраняется въ моемъ воображеніи.

В. С. Чеважевскій.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Одепталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

52.

Іюля 2-го 1812 г.

Среди настоящихъ обстоятельствъ утѣшайте хоть вы насъ благоразумными распоряженіями почтеннаго графа. Съ другихъ сторонъ ничего подобнаго не слышимъ. Турецкій міръ ратификованъ. Ожидаемъ токмо повѣстокъ о молебствіи. На этой недѣлѣ оно должно быть непремѣнно. Графъ Кутузовъ ровно недѣля какъ здѣсь, Къ ему многіе ѣздятъ, чтобы вопрошать его какъ нѣкое прорицалище.

Витебская и Могилевская губерніи объявлены въ военномъ состояніи, равно какъ и Курляндская, и Лифляндская.

Сухимъ путемъ не получаемъ никакихъ иностранныхъ извѣстій, да о нихъ и не помышляемъ, лишь бы наши реляціи возвѣстили намъ рядъ побѣдъ надъ супостатомъ. Лористонъ еще не получилъ паспортовъ, прочіе министры также еще не отъѣзжали. Болѣе писать нечего, ибо самъ ничего не знаю. Прилагаю у сего послѣднія извѣстія изъ арміи, да и списываю слѣдующія слова изъ письма главнокомандующаго первою Западною арміею къ Осипу Петровичу Козодавлеву отъ 25 іюня:

„Наконецъ, смѣло могу увѣрить васъ, милостивый государь мой, для увѣренія всей публики, что западныя войска наши въ самомъ

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1912 г.

наилучшемъ положеніи. Всѣ сыты, всѣ бодры, и всѣ горятъ нетерпѣніемъ ударить на непримиримаго врага нашего. Вообще до сего времени все благопріятствуетъ намѣреніямъ нашимъ, и мы, надѣясь на Бога и храбрость воиновъ, не имѣемъ ни малѣйшей причины сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ оружія нашего".

При семъ письмѣ присланъ также приказъ, данный 1-ой Западной арміи іюня 24 слѣдующаго содержанія:

„Съ неожидаемымъ и даже наглымъ впаденіемъ непріятеля въ границы наши, надѣялся онъ расположенныя болѣе нежели на 800 верстъ силы наши, какъ недостаточныя къ оборонѣ столь значительнаго пространства, разрѣзать колоннами своими на мелкія части и, истребивъ каждую порознь, свершить алчное намѣреніе свое однимъ, такъ сказать, пріемомъ. Симъ единственно способомъ сколько ни противенъ онъ правиламъ народнымъ, удалось ему уже побѣдить разныя арміи и покорить державы, обманутыя надеждою на всеобщее уваженіе къ симъ священнѣйшимъ правамъ.

Но какъ ни стремительно было подобное предпріятіе его противъ армій нашихъ, однако здѣсь не имѣло оно желаемаго успѣха. Всѣ отряды войскъ искуснымъ и быстрымъ движеніемъ приняли направленіе свое къ общему соединенію. Уже нѣтъ намъ никакого къ тому препятствія. Вскорѣ соберетесь вы, храбрые воины, вмѣстѣ и общими силами противустанете врагу, дерзнувшему нарушить спокойствіе наше; и ежели бы онъ, утомленный тщетнымъ стремленіемъ на насъ и безчисленными нуждами, въ семъ новомъ напряженіи силъ его, рѣшился избѣгать битвы съ нами, мы сами тогда устремимся на пораженіе его, мы сами съ помощью правосуднаго Бога отомстимъ ему за себя и за всѣхъ, отъ насилій его протерпѣвшихъ. Шагъ къ тому уже сдѣланъ. Вчера аррьергардъ 1-ой Западной арміи, отражая стремленіе авангарда непріятельскаго, въ три раза сильнѣйшаго, заставилъ его скрыться и искать спасенія въ лѣсахъ, съ значительною въ людяхъ потерею. Храбрость подвизавшихся тамъ вскорѣ вознаградится признательностью Монарха. Да будетъ она примѣромъ къ общему подражанію, и мы, конечно, восторжествуемъ".

Акростихъ.

На зло природы всей родившійся драконъ
Аячіи въ стѣнахъ ехидной былъ вскормленъ,
Пожравъ уже тьмы жертвъ, но тѣмъ еще не сытый,
Оскаля челюсти, зубовъ рядъ ядовитый,
Летитъ Россійскія страны опустошать,
Европу всю готовъ во гробъ преобратить.

Отмщенье дерзкому неистовству такому!
Народы! шествуйте во слѣдъ Петрову дому!
Богъ въ громы облекся,—предъ нимъ падетъ злодѣй!
Орды голодныя! Прочь съ сѣверныхъ полей!
Надменному врагу близка уже кончина.
Алчбы его теперь открыта всѣмъ личина,
Пора, народы, расторгнуть блѣдный страхъ,
Аттилу истребить и миръ обрѣсть въ домахъ!
Рокъ мечъ уже извлекъ, и въ битвахъ восклицаетъ:
Того защититъ Богъ, кто вѣру защищаетъ.

53.

Іюля 5-го. 1812 г.

При семъ прилагаю вышедшую сегодня реляцію. Она должна насъ приготовить къ важнымъ извѣстіямъ, которыя весьма скоро насъ обрадуютъ. Французы со своими ненадежными союзниками кидаются въ разныя стороны, чтобы открыть гдѣ-нибудь удачное для себя дѣло. Видятъ, что вездѣ ожидаетъ ихъ штыкъ или пика, они и съ артиллеріею не отваживаются на рѣшительную битву. Какъ же рѣшатся атаковать насъ въ ретраншементахъ? Нѣтъ! ихъ храброванье кончилось. Все готово. Мы на нихъ наступаемъ. Гонимъ, бьемъ ихъ. Ежели они вздумаютъ остановиться, такъ тѣмъ скорѣе совершится истребленіе ихъ силъ.

Рядовые 1-ой арміи не могутъ дождаться той минуты, чтобы посчитаться съ французами. Ихъ должно уговаривать. Они кипятъ отмщеніемъ. О россы! побѣда вамъ принадлежитъ; но безъ повиновенія и она не можетъ имѣть плодовъ. Положитесь на предусмотрительность вашихъ начальниковъ! Они знаютъ, для чего медлятъ доставить вамъ случай увѣнчать себя лаврами. Ожидающіе васъ—не увядаемы. Представьте себѣ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, что такихъ воиновъ, рвущихся къ сраженію, въ 1-ой арміи 197 тысячъ съ сотнями; во 2-ой слишкомъ 200 тысячъ; подъ начальствомъ Платова отдѣльный корпусъ—болѣе 50 тысячъ наѣздниковъ. Обсерваціонная армія составляетъ за 150 тысячъ, да еще къ западнымъ границамъ спѣшатъ тѣ войска, которыя были противъ турокъ. Quelle défaite attend nos ennemis!

Наконецъ сажаютъ Лористона съ прочими министрами 7-го іюля на два нашихъ фрегата въ Кронштадтѣ и везутъ въ Гамбургъ.

Лордъ Бентингъ изъ Ревеля проѣхалъ прямо къ Государю. На дорогѣ разсказывалъ онъ нашимъ губернаторамъ, что шведскій на-

слѣдный принцъ (Бернадоттъ) сочтетъ себя счастливымъ, ежели ляжетъ въ гробъ по освобожденіи Франціи отъ ея тиранна. Онъ лучше другихъ можетъ знать сіе чудовище, которое къ несчастію человѣчества изобилуетъ великими талантами.

Англичане готовятъ уже здѣсь праздники. Вчерась прикатила къ намъ иностранная почта и привезла множество писемъ и газетъ. Вы вѣрно у графа будете читать прокламацію, которая задержана.

Простите. Почта отходитъ. Ожидаемъ съ часу на часъ новой иностранной почты.

54.

Іюля 9. 1812.

Сегодня изъ Кронштадта должны отправиться въ Гамбургъ французскіе посолъ и консулъ, посланники вестфальскій, виртембергскій, баварскій и повѣренный въ дѣлахъ неаполитанскій.

Вотъ послѣднія извѣстія изъ арміи. Ждутъ ежечасно курьера съ побѣдою, о которой идутъ въ городѣ слухи. Сказываютъ, Багратіонъ разбилъ вестфальскаго короля. Число плѣнныхъ опредѣляютъ до 15 тысячъ. Присовокупляютъ, что французы вышли уже изъ Вильны.

Дай Богъ, чтобъ всѣ эти слухи подтвердились! Adieu.

55.

Іюля 12. 1812.

Хожу, сижу, лежу, и къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, могу еще писать. Благодареніе Богу! авось не умру прежде, пока не истребимъ вражескихъ силъ, пока не очистимъ предѣловъ нашихъ отъ отчаянныхъ супостатовъ! Манифестъ волнуетъ во мнѣ остальную кровь, напрягаетъ разслабленныя жилы и нервы; чувства возрождаются въ онѣмѣвшемъ тѣлѣ.

Отечество не узритъ меня позади всѣхъ. Сколько силъ достанетъ, и я устремлюсь на защиту его. Я имѣю жену, дѣтей, дѣтей рѣдкихъ. Какъ и тутъ не исполню моего долга? Что изъ нихъ выйдетъ, когда достанутся въ неволю лютѣйшему тиранну?

Но нѣтъ! прочь, ужасная, убійственная мысль сія! Сего никогда быть не можетъ. Мы, возванные Царемъ нашимъ, вкупѣ и раздѣльности, клянемся покрыть каждый шагъ непріятельскій трупами его, и буде такъ угодно Провидѣнію, то и нашими тѣлами. Да будутъ они токмо преградою, пропастью дальнѣйшихъ его покушеній. Да избавятъ они Царство Россійское отъ ига иноплеменниковъ!—Что вамъ здѣсь при немощахъ моихъ слабо выражаю,

то есть гласъ, произнесенный вѣрными сынами Отечества по прочтеніи манифеста. Не тщетно произнесенъ онъ. Наполеонъ найдетъ скоро въ слѣдствіяхъ его пагубу свою и подвергнетъ преждевременной смерти тѣхъ несчастныхъ, которыхъ ведетъ на жертву адскаго своего честолюбія. Богъ извѣдываетъ мужество, твердость духа народовъ, населяющихъ Россію: явимъ, что достойны покрова Его! Удивимъ, восхитимъ, упокоимъ вселенную. Будемъ народомъ избраннымъ!

Я надѣюсь, что Москва до появленія настоящаго письма ужъ будетъ озарена лучами солнца, которое на время отъ насъ закатилось. Слуховъ пропасть. Я затыкаю уши и не хочу внимать кромѣ тѣхъ, кои возвѣстятъ намъ побѣду, побѣду рѣшительную, побѣду торжественно объявленную, за которую всѣ потекутъ во храмы съ колѣнопреклоненіемъ приносить пламенное благодареніе Всесильному Богу.

Мы безъ иностранныхъ газетъ. Да, слава Богу, что ихъ и нѣтъ. Мнѣ по неволѣ должно бы было читать ихъ и—надрываться. Довольно и того, что я имѣю несчастіе видѣть и прокламацію злодѣя въ проклятыхъ вѣдомостяхъ, которыя печатаются подъ его вліяніемъ.

Австрійскій посолъ также отсюда уѣхалъ, токмо пожелалъ намъ въ душѣ своей удачи, которая бы и его отечеству развязала руки.

Призовете ли вы, наконецъ, Дмитрія Прокофьевича и подобныхъ ему патріотовъ? Составивъ Совѣтъ изъ мужей умныхъ и опытныхъ, будетъ легче бить, сокрушать и истреблять враговъ. Я не дерзаю мѣшаться ни въ какія государственныя распоряженія, но не могу при настоящихъ обстоятельствахъ удержаться отъ изъявленія такого желанія, которое мучаетъ меня по любви къ общему благу. Я въ правѣ при томъ не скрыть его предъ другомъ, который такъ близокъ къ возвеличенному по достоянію графу Ѳедору Васильевичу.

Эй! не пренебрегите прокинутымъ словомъ малозначущаго человѣка!

56.

Іюля 16. 1812 г.

Въ воскресенье мы праздновали турецкое замиреніе. Боже! услышь моленіе наше, и даждь намъ покой отвсюду! Помози истребить вражескія силы, дерзнувшія въ буйствѣ нарушить цѣлость Царства Россійскаго! Не попусти,—и да вознесемъ главы наши надъ супостатомъ!

О! ежели бы вы знали, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, что за слухи, что за уныніе въ пятницу распространились въ нашемъ городѣ! Мы считали уже себя пловцами безъ мачтъ, безъ кормила, преданными во волѣ Всевышняго во время бури на произволъ волнамъ. Полученныя въ субботу извѣстія раздѣлили, прогнали, такъ сказать, ту мглу, отъ которой мы преждевременно задыхались. Не злонамѣренные люди затуманили насъ: нѣтъ! Любезный другъ, ежели изверги сіи и существуютъ между нами, то они крайне сдѣлались робки, превратились будто бы въ безсловесныя твари. Они знаютъ, что патріоты, коими Россія исполнена, держатъ теперь наготовѣ камни въ рукахъ, чтобъ при появленіи мгновенно пришибить чудовищъ сихъ.—Увы! сердце стѣсняется, когда помыслишь, что виновники такимъ мрачнымъ впечатлѣніямъ суть люди, долженствующіе благоразумными распоряженіями ограждать насъ отъ оныхъ. Дивиться сему ни вы, ни я не можемъ. Пѣшки на мѣстѣ слоновъ, коней, ладей, а сіи всѣ на мѣстахъ первыхъ. Продли, Провидѣніе, вѣкъ графа Михайла Иларіоновича.—„Какъ!“—отвѣтствовалъ онъ въ пятницу на сдѣланное предложеніе,—„вы требуете моего мнѣнія для защиты Петрополя въ самомъ Петрополѣ? За 500 верстъ должно приготовлять ее; но вы ошиблись; вы не то хотѣли у меня спросить. Не вѣрите ли вы снамъ? на яву я ни малѣйшей опасности не вижу“.

Сдѣлай, ежели можешь, Булгаковъ, потомокъ, сынъ Якова Ивановича, наслѣдникъ его дарованій, а не стяжанія, которое ты самъ пріобрѣсти способенъ, чтобъ отвѣтъ сей напечатали въ Сѣв. Почтѣ! Буде сему встрѣтишь препятствіе, доведи его по крайней мѣрѣ до свѣдѣнія избавителя нашего графа Ѳедора Васильевича! На твоемъ мѣстѣ, чего бы я не говорилъ сему великому мужу для пользы Отечества. Онъ самъ всего знать не можетъ. Да вѣдаетъ все и по усмотрѣнію своему поступаетъ!

Я столько волнуемъ съ пятницы негодованіемъ, что оно производитъ во мнѣ чудеса. Уже чувствую себя бодрѣе, крѣпче: свойственная мнѣ пылкость возвращается. Хотя тѣломъ еще далекъ отъ послѣдняго русскаго рядового, но духомъ Ахиллесъ. Кажется, и физически достигну полубогатырства, ежели токмо увижу, что Отечество мое пріосѣнится мудростію поставляемыхъ надъ нимъ возлюбленнымъ Александромъ властей. Сіе сказать другу, патріоту, умному человѣку, яко сочленъ общества, къ которому принадлежу, полное право имѣю. Бѣда всѣмъ, ежели бы у мѣста запрещали благонамѣреннымъ людямъ вѣщать правду, правду, отъ коей зависитъ общее благосостояніе. Ее надобно до тѣхъ поръ твердить, пока не совершится общее желаніе. Ахъ! чтобъ только не опоздали

удовлетворить ему! Чтобъ искусный врачъ заблаговременно призванъ былъ къ больному!

Былъ я въ воскресенье у обѣдни и у молебна въ Казанскомъ соборѣ. Тамъ съ нами приносили благодареніе Подателю всѣхъ благъ съ колѣнопреклоненіемъ и обѣ Императрицы. Такъ-то радостныя извѣстія дѣйствуютъ на русскаго! Тутъ прячется и искусство несравненнаго моего Мильгаузена.

Ходитъ по рукамъ записка, которую сейчасъ пробѣгалъ, о пораженіи Удинота и Макдональда, равно какъ и объ окруженіи всѣхъ непріятельскихъ армій всѣми нашими силами. О, Владыко, сѣдящій на небесахъ! Сподоби насъ внять истребленію враговъ Россіи! Не удаляй отъ насъ такового восхитительнаго возвѣщенія!

Цѣлую васъ, прижимаю васъ къ сердцу среди таковаго моленія.

57.

Іюля 19. 1812 г.

Надобно поболѣе пріискать графовъ Ѳедоровъ Васильевичей, чтобы поручить имъ истребленіе съ корнемъ нечестивыхъ. Повѣрьте, что прежде ни въ чемъ хорошемъ успѣть будетъ не можно. Къ чему бы послужили внѣшнія побѣды, когда внутренніе враги будутъ поборать отечество? Честолюбецъ, испровергшій старый порядокъ вещей во всей почти Европѣ, ни одной изъ порабощенныхъ имъ державъ никогда бъ въ пагубной власти своей не имѣлъ, ежели бы не умѣлъ воспользоваться развратомъ, который революціею истребленъ во Франціи, гдѣ моральная зараза приготовлена слабымъ правительствомъ, терпѣвшимъ вольнодумцевъ для собственнаго народа и для другихъ земель, въ коихъ также дозволили укорениться разнымъ вреднымъ обществамъ, разливавшимъ и разливающимъ еще весьма искусно ядъ, уподобляющійся вкусомъ цѣлебнымъ веществамъ. Sapienti sat.

Вотъ уже 11 часовъ утра, а изъ армій нѣтъ никакихъ извѣстій. Въ такомъ случаѣ лучше не дѣлать никакихъ догадокъ. Божусь вамъ, что самъ себѣ далъ слово никакъ не толковать и даже не думать о сей медленности. Ухожу отъ тѣхъ, которые бы могли меня на то наводить. Чувствую токмо и про себя разумѣю, что графъ Голенищевъ-Кутузовъ здѣсь. Опять повторяю мольбу: продли токмо Богъ жизнь его и здравіе! Его выбрало здѣшнее дворянское сословіе начальникомъ вновь набираемыхъ защитниковъ отечества. Натурально ему отъ сего отказаться было не можно. Но ежели не послѣдуетъ по Высочайшей волѣ полезнѣйшаго для него, а слѣдовательно и для Россіи назначенія, то накажетъ праведный и все-

могущій Судія тѣхъ, которые отъемлютъ у насъ избавителя. Вчерась на сего почтеннаго, заслугами покрытаго мужа не могъ я взирать безъ слезъ. И я чихиркиною манерою скажу Александру Булгакову: Ахти! За что-жъ заставляютъ его вахлять, коли онъ дѣло можетъ дѣлать!—Исторгли у него мечъ, а даютъ вмѣсто того кортикъ. А вѣдь у него мечъ въ рукахъ такъ же дѣйствуетъ, какъ у Михаила Архангела. Съ кортикомъ-то, Богъ вѣдаетъ, къ чему онъ приступитъ. Да еще, Боже оборони, какъ поспѣетъ онъ къ шапочному разбору. Эй! гласъ общій взываетъ: пустите героя впередъ съ регулярными! Все уцѣлѣетъ, и до заднихъ оруженосцевъ дѣло не дойдетъ. Имъ достанется токмо возсылать къ Богу усердныя благодаренія за побѣды, за истребленіе врага.—Одинокихъ ли со мною мыслей Александръ Яковлевичъ? Третьяго дня и вчерась въ домѣ графа Безбородко собиралось здѣшнее дворянство. Положили дать со ста четырехъ человѣкъ, вооружить и одѣть ихъ при бородахъ да отпустить на три мѣсяца провіанту. Съ оцѣнки домовъ въ Петербургѣ, которые свыше 5 т. рублей стоятъ, взять по 2 процента. Буде кто имѣетъ нѣсколько домовъ маленькихъ, превышающихъ вмѣстѣ пятитысячную сумму, съ того также взыскивать общую повинность. Купечество совѣщается и, какъ слышу, положило дать два милліона, коимъ будетъ сдѣлана раскладка по капиталамъ.—Дворяне дѣлаютъ еще добровольныя денежныя пожертвованія. Слышу между значительнѣйшими, будто бы графиня Литта[1]) ежегодно, пока продолжится настоящая война, обязывается вносить по 50 т. р. Оба Нарышкины по 20 т. р., а тамъ пойдутъ 5-ти тысячники и меньшихъ суммъ. Здѣшняя Лавра отдаетъ серебряный свой сервизъ. Митрополитъ Амвросій всѣ жалованныя ему драгоцѣнныя вещи.—Дадутъ, батюшка Александръ Яковлевичъ, Россіяне и передадутъ, коли требуетъ того Царь ихъ на защиту Отечества. Людей, денегъ бездна явится: пусть изберутъ токмо мудрыхъ вождей, правителей. Съ нами ли барахтаться наемникамъ, вертепамъ, разбойникамъ! Вождей! Вождей!—Правителей! Правителей! Дай намъ надежда на́ша, Александръ Павловичъ!—Ростопчиныхъ! Кутузовыхъ! Паниныхъ! Трощинскихъ! Явятся и новички, подросточки Булгаковы, герои Воронцовы.

Um Gottes Willen zerreissen Sie meine Briefe sobald Sie solche durchgelesen haben.

---

[1]) Графиня Екатерина Васильевна Литта, рожд. Энгельгардъ, р. 1761 г. † 7 февр. 1829; въ первомъ бракѣ была за Павломъ Март. Скавронскимъ.

58.

Іюля 23. 1812.

Государь прибылъ и къ намъ ночью въ 2 часа 22 числа. Двѣ ночи народъ спалъ въ Казанскомъ соборѣ, ожидая болѣе двухъ сутокъ возлюбленнаго Александра. Полиція возвѣстила намъ Высочайшее прибытіе 20-го числа. Всѣ добровольно приготовились съ минуты возвѣщенія изъявить радость свою освѣщеніемъ жилищъ своихъ. Вчерась весь городъ и былъ иллюминованъ. У Императрицы Маріи Ѳеодоровны, яко въ день ея тезоименитства, былъ обѣдъ въ Таврическомъ дворцѣ. Не знаю, пріѣхали ли изъ Великихъ Лукъ канцлеръ и графъ Кочубей. Ихъ уже вчерась оттуда съ часу на часъ ожидали.

И здѣсь всякій день дѣйствуютъ теперь два комитета, наряженные по случаю земскаго вооруженія. Не извѣстны мнѣ въ точности его распоряженія, но знаю, что лучше московскихъ быть не могутъ. Прекрасная мысль, что знаменіемъ ополченія сего будетъ у васъ крестъ.

Успѣхъ оружія нашего долженъ былъ быть вамъ извѣстенъ На починѣ и то хорошо. Ожидаемъ важнѣйшихъ происшествій.

59.

Іюля 26. 1812.

У васъ все кипитъ. Какъ живо и умно обдумано земское вооруженіе! Тотчасъ видно, кто гораздъ бить въ цѣль.

Вчерась праздновали здѣсь важную побѣду графа Витгенштейна надъ Удинотомъ. Богъ да утѣшитъ насъ и сокрушеніемъ главныхъ непріятельскихъ силъ подъ Смоленскомъ!

Вчерась около вечера пріѣхалъ изъ Великихъ Лукъ Государственный Канцлеръ. Кажется, и графъ Кочубей долженъ уже быть здѣсь.

Болѣе писать любопытнаго нечего, а пустяками развлекать васъ не хочу среди важныхъ занятій. Богъ да подкрѣпитъ ваше здоровье на пользу Отечества. Обнимаю васъ и желаю побѣды рѣшительной подъ Смоленскомъ.

60.

Іюля 30. 1812 г.

Общее вниманіе обращено на военныя происшествія. Никакая другая мысль не находитъ мѣста ни въ чьей головѣ. Побьютъ вра-

говъ подъ Смоленскомъ: всѣ могутъ остаться спокойными. Бонапарту должно будетъ тогда помышлять о собственной безопасности. Ежели же Божескимъ попущеніемъ прорвутся злодѣи послѣ рѣшительной битвы далѣе, то не вижу, любезный Александръ Яковлевичъ, конца и мѣры бѣдствіямъ, которыя покроютъ отечество наше. Графъ Витгенштейнъ продолжаетъ истреблять силу непріятельскую, шедшую чрезъ Псковъ и Опочку на Новгородъ. Удинотовой арміи какъ будто бы не существовало. Со вчерашняго дня всѣ заговорили, что герой нашъ, по совѣтамъ стараго графа фонъ-деръ Палена, напалъ и на Макдональдову армію, наноситъ ей пораженія и гонитъ передъ собою. Витгенштейнъ есть воспитанникъ графа Петра Алексѣевича. Онъ явился, какъ меня увѣряютъ, къ воспитаннику своему на мѣсто военныхъ происшествій волонтеромъ и преподаетъ ему спасительные совѣты для избавленія Россіи. Пусть прочіе наши главнокомандующіе столько же сдѣлаютъ, сколько успѣла до сихъ поръ армія подъ начальствомъ графа Витгенштейна. Не дойдетъ тогда дѣло и до земскаго ополченія. Удинотова армія состояла изъ однихъ токмо французовъ, которые сражались отчаянно, но тѣмъ больше испытывали пораженіе, чѣмъ упорнѣе противустояли россійскимъ воннамъ, коихъ велъ искусный начальникъ. Съ тѣмъ числомъ регулярнаго ополченія, каковое мы теперь имѣемъ, должны мы чрезъ годъ быть въ Парижѣ; надобно только дѣйствовать системою Витгенштейна, системою Суворовскою, системою, которая одна можетъ увѣнчать насъ всегда и вездѣ побѣдою. Ретирады замѣшиваютъ только умъ у полководцевъ, отнимаютъ духъ у солдата, разстраиваютъ внутреннюю связь. Мнѣ нечего говорить вамъ о впечатлѣніи, какое до сихъ поръ произвело на умы отступленіе главныхъ нашихъ армій до Смоленска.

Насъ всѣхъ отъ Петербурга до Москвы въ 500 верстахъ отъ непріятеля посадили на порохъ. Приди только французы во Псковъ, то мы отсюда поднялись бы и, можетъ быть, пѣшкомъ съ женами и дѣтьми, кинулись бы, сами не зная куда, искать своего спасенія. Вотъ сколь важна побѣда надъ Удинотовымъ корпусомъ. Ни мало, ни много разбойникъ мѣтилъ дѣйствительно вдругъ напирать на обѣ столицы.

Полагать должно, что теперь въ его первоначальномъ планѣ послѣдуетъ перемѣна. Когда мы не рѣшимся его атаковать и прогонять изъ Бѣлоруссіи, то всѣ знающіе увѣряютъ, что ему надобно будетъ самому отступить назадъ, дабы не дождаться съ тылу Тормасова, у котораго 70 тыс. войска.—Богъ спасетъ Москву отъ разбойническаго нашествія!

Французы дѣлаютъ ужасы въ городахъ, гдѣ они бываютъ. Прилагаю у сего копію съ письма моего пріятеля, дабы дать вамъ понятіе, что такое за бѣдствіе попасться въ руки къ извергамъ. Удивляюсь, что французовъ берутъ живыхъ въ плѣнъ. Это сущая зараза, которую вводятъ во внутрь Россіи. Я могу сіе говорить по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣю чрезъ спасшихся отъ истязаній варваровъ. Изверги сіи напитаны такимъ духомъ, что ихъ больше еще должно опасаться плѣнныхъ, нежели сражаясь съ ними. Булгаковъ меня поймет.

Это все проповѣдники Стройновскаго школы. Шельмы пантомимами изъясняются съ мужиками. На что другое догадки у сихъ послѣднихъ не становится, а эти размашки руками они очень хорошо понимаютъ.

Sie schonen die Bauern, bezahlen alles in kliegender Münze; rauben nur die Nädle und misshandeln den Adel.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кто управлялъ русскими войсками въ іюнѣ 1812 г., послѣ переправы арміи Наполеона черезъ Нѣманъ.

Въ XIII томѣ матеріаловъ Военно-Ученаго Архива Генеральнаго штаба напечатана интересная переписка начальствующихъ лицъ въ іюнѣ 1812 года. Документы, изданные въ этомъ томѣ, даютъ возможность оцѣнить взаимодѣйствіе высшаго управленія русскихъ войскъ въ это время.

Курсивъ повсюду нашъ. П. В.

Донесенія отдѣльныхъ начальниковъ о передвиженіяхъ и дѣйствіяхъ ихъ частей Императору Александру I. Непосредственная передача приказаній Государемъ начальникамъ отрядовъ.

Сношенія Императора Александра I съ княземъ Багратіономъ, и особое положеніе начальника штаба 2-й западной арміи, графа Сенъ-При.

Сношенія Барклая-де-Толли съ Государемъ.

Тяжелое положеніе главнокомандующаго 1-й западной арміей и его письмо Государю 25 іюня изъ Бельмонта.

Приказы войскамъ Императора Александра Павловича.

Заключеніе.

14-го апрѣля 1812 года Императоръ Александръ I прибылъ въ главную квартиру 1-й западной арміи въ Вильно; сюда стали поступать къ Государю всѣ донесенія отъ главнокомандующихъ нашими арміями, и все управленіе войсками совершалось по установленному прежде порядку.

12-го іюня, послѣ переправы французскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, порядокъ управленія войсками рѣзко измѣнился: Императоръ Александръ I приказалъ, кромѣ донесеній по командѣ, съ этого вре-

мени доставлять непосредственно ему свѣдѣнія о движеніяхъ и дѣйствіяхъ войскъ не только отъ главнокомандующихъ, но даже отъ командировъ корпусовъ 1-й арміи, а иногда и отдѣльныхъ отрядовъ, при чемъ повелѣнія Государя вручались, по большей части, начальникамъ частей непосредственно чинами Государевой свиты.

Въ приводимой перепискѣ повелѣнія Императора непосредственно передавались графомъ Аракчеевымъ [1]), генералъ-адъютантомъ княземъ Волконскимъ [2]), флигель-адъютантомъ полковникомъ Бенкендорфомъ [3]), флигель-адъютантомъ кн. Волконскимъ [4]) и флигель-адъютантомъ княземъ Лопухинымъ [5]).

Не считая донесеній Государю отъ главнокомандующихъ обѣими западными арміями, въ XIII томѣ матеріаловъ Военно-Ученаго Архива Генеральнаго штаба сохранились рапорты Императору Александру I въ теченіе іюня 1812 года отъ слѣдующихъ начальствующихъ лицъ арміи о состояніи и дѣйствіи ввѣренныхъ имъ войскъ: отъ командующаго 3-й обсерваціонной арміей генерала-отъ-кавалеріи Тормасова—два [6]), отъ генералъ-лейтенанта Эссена 1-го изъ Риги—одиннадцать [7]), отъ командира 6-го корпуса, генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова—девять [8]), отъ командира 1-го отдѣл. корпуса, генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна—десять [9]), генерала-отъ-кавалеріи войска Донскаго войсковаго атамана Платова—два [10]), отъ командира 2-го корпуса, генералъ-лейтенанта Багговута—четыре [11]), командира 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, генералъ-лейтенанта Уварова — семь [12]), отъ генералъ-маіора Вельяминова изъ Митавы—

---

[1]) Рап. Воен. Мин. 25 іюня 1812 г. № 383.

[2]) Рап. гр. Витгенштейна Госуд. Импер. 18 іюня 1812 г. № 3.

[3]) Рап. кн. Багратіона Воен. Мин. отъ 18 мая 1812 г. № 332.

[4]) Рап. ген. Платова Госуд. Импер. отъ 18 іюня 1812 г. № 39.

[5]) Рап. ген. Дохтурова Госуд. Импер. отъ 18 іюня 1812 г. № 40.

[6]) Рапорты Государю Императору изъ Дубно отъ 16-го іюня № 69 и 25-го іюня 1812 г. № 111 изъ Луцка.

[7]) Рапорты Государю Императору отъ 14-го, 15-го, 17-го, № 7—18, № 8—18, 18 письмо на франц. яз., 19-го, № 15—24-го, 24-го письмо на фр. яз., 25-го и 30-го іюня 1812 года.

[8]) Рапорты Государю Императору 16-го, 17-го, 18-го, 20-го, 21-го, 22-го, 25-го, 26-го и 28-го іюня 1812 г.

[9]) Рапорты Государю Императору отъ 17-го, № 2—18-го, № 3—18-го, 19-го, 20-го, 22-го, 24-го, 26-го, 28-го и 30-го іюня 1812 года.

[10]) Рапорты Государю Императору отъ 18-го и 20-го іюня 1812 г.

[11]) Рапорты Государю Императору отъ 16-го, 17-го, 18-го и 19-го іюня 1812 года.

[12]) Рапорты Государю Императру № 25 отъ 19-го, № 26 отъ 19-го, № 27 отъ 19-го, № 29 отъ 20-го, № 30—20-го и два рапорта 20-го іюня 1812 г. безъ номера.

одинъ [1]), начальника 32-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Гамена изъ Динабурга—два [2]), командира 1-го резервнаго корпуса, генералъ-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго—два [3]), коменданта Динабургской крѣпости, генералъ-маіора Уланова—два [4]), командира полка, резервнаго корпуса, 40-й дивизіи полковника Лихарева—одинъ [5]).

Повелѣнія Императора Александра Павловича войсковымъ начальникамъ не ограничились представленіемъ донесеній о дѣйствіяхъ войскъ; въ скоромъ времени послѣдовали Высочайшія повелѣнія, въ которыхъ давались уже опредѣленныя указанія, что надлежитъ войсковымъ частямъ дѣлать.

Эти повелѣнія, по большей части, но не всегда, какъ будетъ указано ниже, были извѣстны главнокомандующему.

Наиболѣе характерныя изъ этихъ повелѣній и донесеній на нихъ приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Государь Императоръ ген.-отъ-инф. Дохтурову, 17 іюня 1812 г. изъ Свенцянъ, № 9 [6]).

Г-ну ген.-отъ-инф. Дохтурову.

Изъ рапорта вашего отъ 16 сего мѣсяца усмотрѣлъ я, что вы съ корпусомъ, вамъ ввѣреннымъ, взяли направленіе двумя колоннами на Кобыльники и Медзель, куда полагаете прибыть не прежде 22 числа.

Вслѣдствіе сего предписываю вамъ ускорить марши ваши, дабы гораздо ранѣе достичь упомянутыхъ мѣстъ, откуда взять направленіе со всѣмъ корпусомъ на мѣстечко Козяны. На переправахъ при Дунашесѣ и Сморгоняхъ стараться строить мосты какъ можно поспѣшнѣе и въ то же время переправлять войска на плотахъ или судахъ. Пѣхотныхъ баталіоновъ не нужно будетъ вамъ при оныхъ оставлять, ибо ген.-м. гр. Палену дано особенное повелѣніе относительно его движеній, съ коего копію при семъ прилагаю.

Въ маршѣ вашемъ обратите особое вниманіе съ лѣвой стороны, откуда непріятель имѣетъ свое направленіе, сегодня передовыми своими войсками находится онъ по дорогѣ отъ Вильны къ Свенціанамъ, между Неметиномъ и Боярелями.

---

[1]) Рапортъ Государю Императору отъ 20-го іюня 1812 г.

[2]) Рапорты Государю Императору отъ 21-го и 23-го іюня 1812 г.

[3]) Рапорты Государю Императору отъ 22-го и 25-го іюня 1812 г.

[4]) Рапорты Государю Императору отъ 22-го и 23-го іюня 1812 г.

[5]) Рапортъ Государю Императору отъ 28-го іюня 1812 г. № 94 изъ Торопца.

[6]) Помѣтка: „Получено 18 іюня“.

Для облегченія какъ людей, такъ и обоза брать обывательскихъ лошадей подъ свозъ аммуниціи и припрягать къ обозу. Относительно же продовольствія войскъ выдавать ежедневно мясную и винную порцію, забирая оныя отъ обывателей подъ квитанціи и высылая для сбора оныхъ напередъ на каждый ночлегъ особенныхъ чиновниковъ.

Подпись: АЛЕКСАНДРЪ.

Государь Императоръ ген.-м. гр. Палену, 17 іюня 1812 г. изъ Свенцянъ, № 10 [1]).

Г-ну ген.-м. гр. Палену.

Съ полученіемъ сего имѣете вы немедленно слѣдовать безъ потери времени отъ мѣста вашего пребыванія кратчайшею дорогою на Вильно, къ соединенію съ 6-мъ корпусомъ, который взялъ направленіе свое на Козяны. Если непріятель воспрепятствуетъ взять сіе направленіе, въ такомъ случаѣ, держась правѣе, старайтесь присоединиться къ арміи кн. Багратіона, которая слѣдуетъ чрезъ Новогрудокъ на Вилейку. Для облегченія какъ людей, такъ и обозовъ брать обыкновенныхъ лошадей подъ свозъ аммуниціи и припрягать къ обозу. Относительно продовольствія войскъ выдавать ежедневно мясную и винную порцію, забирая оныя отъ обывателей подъ квитанціи и высылая для сбора оныхъ напередъ на каждомъ ночлегѣ особенныхъ чиновниковъ.

Подпись: АЛЕКСАНДРЪ.

Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ доноситъ 18-го іюня 1812 г. изъ Ишолкъ, № 39:

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе отъ 16-го числа сего мѣсяца, черезъ флигель-адъютанта князя Волконскаго, я вчерашняго числа въ 11 часовъ по полудни въ селеніи Милковщизнѣ имѣлъ счастіе получить и имѣю всеподданнѣйшій долгъ исполнить оное.

Теперь съ полками корпуса слѣдую черезъ Щучинъ къ Лидѣ и буду стараться дѣйствовать на непріятеля, гдѣ найду его.....

18-го іюня 1812 г. ком. 6-го корп. ген.-отъ-инф. Дохтуровъ доноситъ изъ Дунашева:

17-го іюня по полуночи въ 1-мъ часу я имѣлъ счастіе получить черезъ флиг.-адъют. кн. Лопухина Высочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества (далѣе слѣдуетъ изложеніе повелѣнія).

---

[1]) Помѣтка: „Получено 18 іюня“.

Сегодня 18 пришедъ въ Дунашево получилъ другое отъ воен. министра, писанное по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію. . . . . слѣдовать въ Линдулы.

18-го іюня 1812 г. за № 3, ком. 1-го корп. генер.-лейт. кн. Витгенштейнъ доноситъ изъ Таурогена:

Ген.-ад. кн. Волконскій въ отношеніи отъ вчерашняго числа объявилъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы идучи изъ Покольвинъ къ Видзамъ имѣлъ я наблюденіе за непріятелемъ со стороны мѣстечка Таурогена . . . . . (далѣе слѣдуетъ изложеніе предписанія для дѣйствій корпуса отъ Военнаго министра отъ 8-го іюня за № 262). Донесеніе гр. Витгенштейнъ заканчиваетъ такъ: я уже прибылъ сегодня въ Таурогенъ и завтра пойду на Солокъ, *гдѣ буду ожидать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія.*

19 іюня ген.-лейт. Уваровъ доноситъ за № 25 изъ Антомѣста о полученномъ повелѣніи и заканчиваетъ свое донесеніе такъ:

При корпусѣ гр. Витгенштейна видѣлъ графа Остермана, который съ тѣмъ пріѣхалъ, чтобы ожидать начала, а какъ оное уже объяснилось переходомъ непріятеля границы и даже пушками и ружьемъ подъ Вилькомиромъ, то и полагаетъ явиться графъ Остерманъ въ главную квартиру съ тѣмъ, чтобы быть готову на всякое употребленіе, какъ заблагоразсудите, ежели не иначе, то хотя на ординарцы къ Вашему Величеству; сіе похоже на графа Остермана и на настоящаго русскаго; я сіе все написалъ, дабы Ваше Величество заранѣе знали, а тамъ поступить какъ вамъ угодно; я въ чувствахъ своихъ за такой поступокъ графа Остермана не могу довольно уважать.

О погодѣ ничего не говорю, другой день пренесносная, наипаче для бивуаковъ, но теперь не время объ ономъ говорить, впереди еще предстоитъ всего много.

Вѣрный нашъ Уваровъ вамъ желаетъ здоровья, а бороться съ тысячами непріятностей будетъ для васъ не ново.

19 іюня ген.-лейт. гр. Витгенштейнъ изъ м. Солокъ *всеподданнѣйше проситъ позволить сдѣлать роздыхъ въ селѣ Щетъ.*

20 іюня ген.-лейт. Витгенштейнъ доноситъ изъ Солокъ.

...Къ дальнѣйшему слѣдованію буду ожидать Вашего Императорскаго Величества повелѣнія.

22 іюня 1812 г. за № 50. ген. Платовъ доноситъ воен. министру изъ Бакшта. На марши отошедши отъ Бакшты къ сторонѣ Волошина двѣ мили, *имѣлъ счастіе получить чрезъ адъютанта Его Величества, полковника Штерберга, Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, и во исполненіе* онаго обратилъ слѣдованіе

мое опять на Бакшты, гдѣ теперь нахожусь, а отъ сюда послѣдую далѣе для соединенія съ арміею г. ген.-отъ-инф. кн. Багратіона, вообще съ нимъ буду дѣйствовать на непріятеля.

Командиръ 6 корпуса, ген.-отъ-инф. Дохтуровъ 21 іюня доноситъ изъ Поставы Государю Императору „съ корпусомъ отправляюсь въ Козяны, гдѣ буду ожидать повелѣнія". Онъ же доноситъ, 22 іюня изъ Козянъ Государю: „прибылъ въ Козяны, гдѣ буду ожидать повелѣнія". Онъ же доноситъ 25 іюня изъ Новгороды: „сходно повелѣнія Вашего Императорскаго Величества я приказалъ генералъ-маіору графу Палену высылать отъ себя разъѣзды до Замосца и по дорогѣ къ Ширковщизнѣ". Онъ же доноситъ 26 іюня изъ Крюки: Сего 26 іюня въ часъ дня я съ ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ прибылъ въ дер. Старые Крюки, на высотѣ за деревней расположился. На своей позиціи *ожидаю повелѣнія Вашего Императорскаго Величества.*

26 іюня изъ м. Друя ген.-лейт. кн. Витгенштейнъ доноситъ: завтрешній день перейду на ту сторону рѣки (Десна у м. Друя), *гдѣ и останусь впредь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія.*

Подобный же запросъ повелѣній идетъ къ Императору Александру, со стороны начальника 9-й кавалерійской дивизіи ген.-маіора кн. Репнина 29 іюня за № 273 изъ Придруйска: я поспѣшаю тотчасъ отправить курьера къ Вашему Императорскому Величеству, испрашивая Высочайшихъ повелѣній, какимъ образомъ поступать мнѣ, ежели непріятель здѣсь усилится.

Повелѣнія Императора Александра I въ іюнѣ 1812 года касались не только большихъ войсковыхъ частей, они нисходили до самыхъ небольшихъ отрядовъ и частей.

Изъ приведеннаго выше донесенія командира 6 корпуса ген.-отъ-инф. Дохтурова отъ 22 іюня 1812 года видно, что Высочайше повелѣно было графу Палену высылать разъѣзды до Замосца и по направленію къ Ширковщизнѣ.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 20 іюня 1812 года за № 34 было указано гр. Витгенштейну транспорты, идущіе изъ Самогитіи, отправлять [1]) ниже Динабурга на Браславъ.

25 іюня 1812 г. генералъ-отъ-инфантеріи Римскій-Корсаковъ доноситъ отъ Юстинова: адъютантъ Вашего Императорскаго Величества графъ Потоцкій отправляетъ теперь больныхъ въ Себежъ, Люцинъ, Псковъ и Опочку, также и партикулярные обозы высылаетъ по предписанію ему данному.

---

[1]) Донесеніе Гос. Им. отъ 22 іюня № 6 изъ Рымшанъ.

Полковникъ Лихаревъ доноситъ 28 іюня изъ Торопца: по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію резервные баталіоны Торопецкой бригады полковъ Кременчугскаго и 4-го Егерскаго сего мѣсяца 28 числа выступили въ назначенное имъ мѣстечко Дриссу.

Иногда случалось, что Высочайшее повелѣніе войсковому начальнику противорѣчило предписанію главнокомандующаго или повелѣніе было главнокомандующему неизвѣстно.

Это произошло съ командиромъ 2 корпуса генералъ-лейтенантомъ Багговутомъ и генералъ-лейтенантомъ гр. Остерманомъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ донесеній.

Ген.-лейт. Багговутъ военному министру, 19 іюня 1812 г. изъ Колтиньянъ, № 402 [1]).

Повелѣніе вашего высокопр-ства отъ 18-го іюня за № 337 изъ Баярели писанное получилъ я 19 числа въ 6 часовъ утра въ Колтиньянахъ, о прибытіи моемъ туда донесъ я вамъ 18-го числа въ вечеру за № 393. Причина почему я поспѣшилъ занять Колтиньяны 18-го числа есть та, чтобы выполнить во всей точности предписаніе ваше отъ 15-го сего мѣсяца за № 313, дабы прибыть въ тотъ самый день въ Колтиньяны, когда ваше высокопр-ство съ 3-мъ и 4-мъ корпусами прибудете въ Свенціяны, дабы такимъ образомъ дѣйствовать соображая генеральному плану въ 8-й день сдѣланному при отношеніи начальника Главнаго Штаба за № 98, ко мнѣ доставленному и дабы отступить въ параллельной дирекціи съ корпусомъ гр. Витгенштейна, который увѣдомилъ меня, что онъ изъ своей стороны, согласно генеральнаго плана, отступаетъ и уже 17-го числа хотѣлъ быть въ Покельно.

При семъ доношу вашему высокопр-ству, что сказанной мой рапортъ за № 393 распечатанъ въ Свенціанахъ Государемъ Императоромъ и Его Императорское Величество *Высочайше предписать соизволилъ занять 20-го числа сего іюня мѣсяца позицію въ Довгелишкахъ*. Съ обѣихъ бумагъ какъ сказаннаго Высочайшаго повелѣнія за № 25, такъ и съ того моего рапорта, на который сіе повелѣніе послѣдовало, представляю у сего копію.

Но дабы имѣть сего числа непремѣнно коммуникацію съ 3-мъ корпусомъ, то предписалъ я полковнику Потемкину вернуться въ Малзуны, оттуда однако 20-го числа сего іюня долженъ онъ выступить въ мѣстечко Колтиньяны какъ и 1-й отрядъ авангарда ввѣреннаго мнѣ корпуса, поелику въ силу Высочайшаго повелѣнія долженъ я съ корпусомъ выступить того же числа въ Довгелишки. Ген.-лейт. Уваровъ увѣдомилъ меня, что 19-го числа прибудетъ онъ въ Полуши.

---

[1]) Помѣтка: „Получено 19 іюня“.

Донося о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ вашему высокопр-ству, я ожидаю теперь отъ васъ дальнѣйшаго повелѣнія, присовокупя къ тому, что разъѣзды, высланные отъ обоихъ отрядовъ ввѣреннаго мнѣ арріергарда, нигдѣ непріятеля не примѣтили.

Подпись: ген.-лейт. Багговутъ.

P. S. Сейчасъ получилъ я повелѣніе вашего высокопр-ства отъ 18-го сего іюня за № 341, какъ *оно несходно съ Высочайшимъ повелѣніемъ* вышеупомянутымъ, то ожидаю дальше ваше предписаніе.

Военный министръ Государю Императору, 25 іюня 1812 г. изъ Бельмонта № 388.

Его Императорскому Величеству Военнаго министра рапортъ.

Сейчасъ получилъ я отъ ген.-лейт. Остермана донесеніе, что онъ чрезъ ген. гр. Аракчеева получилъ повелѣніе сего же дня слѣдовать въ Навлоки, почему и я завтра пополуночи въ два часа выступлю съ войсками въ Иказню, а сегодня сближу свой арріергардъ.

Я приказалъ гр. Остерману оставить свой арріергардъ въ Замоши, дабы прикрыть мой лѣвой флангъ или правой флангъ ретирады и увѣдомить о семъ гр. Витгенштейна.

Не знавъ настоящихъ причинъ сего движенія, я долженъ былъ сдѣлать сіе распоряженіе, не дождавшись повелѣнія Вашего Величества на мой рапортъ къ вамъ сего числа въ 8 часовъ отправленной, дабы не терять время. Пѣхота моя не прежде какъ въ 8 часовъ пополуночи выступитъ въ лагерь, будучи всю ночь въ маршѣ по причинѣ дурной погоды.

Движеніе ген. Дохтурова на Новгородъ есть мѣра очень благоразумная и взятая во время.

Подпись: Военный министръ Барклай-де-Толли.

Бывали и такіе случаи: корпусный командиръ доноситъ главнокомандующему, а повелѣніе по этому рапорту посылаетъ Императоръ Александръ Павловичъ, какъ это и произошло съ рапортомъ ген.-лейт. Багговута отъ 18 іюня за № 393.

Ген.-лейт. Багговутъ Военному министру, 18 іюня 1812 г. изъ Колтиньянъ, № 393.

Сего числа я прибылъ съ ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ въ мѣстечко Колтиньяны и занялъ позицію лицомъ къ м. Лабонары, а

спиною къ озеру Жейменѣ и рѣкѣ Жейменѣ. Сія позиція для упорнаго сраженія противъ сильнѣйшаго непріятеля вовсе не выгодна, ибо въ случаѣ неудачи, нѣтъ никакой возможности къ отступленію, за сказаннымъ озеромъ и рѣкою, она также невыгодна: 1) высоты, которыя я теперь занялъ, командуютъ всѣмъ мѣстоположеніемъ за рѣкою лежащимъ, и 2) она такъ мало пространства имѣетъ, что нигдѣ даже полка въ фронтѣ поставить не можно. Посланный отъ меня съ симъ донесеніемъ по квартирмейстерской части поручикъ Брунъ изложитъ вашему высокопр-ству всѣ подробности, въ отношеніи выше сего сказаннаго.

Представляя о семъ вашему высокопр-ству, я ожидаю отъ васъ разрѣшенія, принять ли мнѣ на той позиціи сраженіе, ежели буду атакованъ, или отступить мнѣ далѣе, въ обоихъ случаяхъ прошу покорнѣйше снабдить меня повелѣніемъ, означивъ въ послѣднемъ и дирекцію. Разъѣзды, высланные сего числа изъ арріергардовъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, нигдѣ непріятеля не примѣтили.

Подпись: Ген.-лейт. Багговутъ.

Государь Императоръ ген.-лейт. Багговуту, 19 іюня 1812 г. изъ Свенцянъ, № 25.

Г-ну ген.-лейт. Багговутъ.

Въ отвѣтъ на рапортъ вашъ Военному министру, нахожу нужнымъ вамъ предписать, по случаю невыгодности позиціи въ Колтиньянахъ, чтобы вы единственно поддерживали вашъ арріергардъ невходя въ дѣло съ непріятелемъ. Въ случаѣ же сильнаго напора изберите позицію между Колтиньянами и Довгелишками. 20-го же займете позицію въ Довгелишкахъ. О всемъ происходящемъ рапортуйте меня и Военнаго министра въ Свенціянахъ. Сохраняйте сношенія безпрерывныя съ корпусомъ ген.-лейт. гр. Витгейштейна и Уварова, которые будутъ находиться между Литмянъ и Синишки.

Подпись: АЛЕКСАНДРЪ.

P. S. Отошлите пакеты на имена ген.-лейт. Уварова и Витгенштейна немедленно въ Литмяны.

Въ разсматриваемое нами время въ особыхъ условіяхъ командованія находился главнокомандующій 2-й западной арміей генералъ-отъ-инфантеріи кн. Багратіонъ. Отдаленный на нѣсколько переходовъ отъ 1-й арміи, оперируя противъ превосходныхъ въ числѣ войскъ Даву и Вестфальскаго короля, онъ сносился съ военнымъ министромъ и главнокомандующимъ 1-й арміи, а также съ Государемъ Импера-

торомъ, представляя письменныя донесенія. Таковыхъ донесеній Императору Александру Павловичу въ теченіе іюня послѣдовало одиннадцать [1]).

Изъ этихъ донесеній, а также изъ отзывовъ кн. Багратіона военному министру отъ 12 іюня № 310 1812 г. изъ Волковыска, 13 іюня, 14 іюня № 323 изъ того же мѣста можно усмотрѣть слѣдующую картину начальническихъ отношеній по высшему управленію арміей. За исключеніемъ генерала-отъ-кавалеріи графа Платова, состоявшаго во временномъ подчиненіи князю Багратіону, Императоръ Александръ I не отдавалъ никакихъ приказаній *строевымъ* начальникамъ 2-й арміи, помимо князя Багратіона. О Высочайшихъ повелѣніяхъ графу Платову было уже указано выше. Повидимому, князь Багратіонъ не былъ надлежащимъ образомъ освѣдомленъ объ общемъ планѣ войны, такъ въ перепискѣ съ военнымъ министромъ отъ 12 іюня 1812, № 310 кн. Багратіонъ пишетъ:

„Впрочемъ мое мнѣніе какъ особенное на простомъ понятіи, безъ смѣшенія выводовъ политическихъ и другихъ неизвѣстныхъ мнѣ доселѣ и обстоятельствъ сходящихъ въ кругъ предположеній о военныхъ операціяхъ, можетъ быть и не будетъ сообразно съ тѣми видами, по коимъ дѣлается войсками нашими направленіе“.

Не будучи посвященъ въ общій планъ дѣйствій, кн. Багратіонъ представляетъ 13 и 14 іюня свои соображенія для дѣйствій 2-й арміи военному министру для доклада Государю Императору и не получая отъ военнаго министра отвѣта, 15 іюня 1812 г. за № 328 испрашиваетъ по этимъ соображеніямъ указаній Императора Александра Павловича, при чемъ еще 13 іюня кн. Багратіонъ указывалъ, что непріятель можетъ раньше его занять Минскъ.

Никакихъ особыхъ указаній кромѣ ниже приведенныхъ директивъ князь Багратіонъ не получилъ, но запросъ по этому поводу у самого Государя, повидимому, послужилъ причиной неудовольствія Барклая-де-Толли противъ князя Багратіона.

Князю Багратіону дано было только одно общее указаніе: „чтобы съ сильнымъ непріятелемъ избѣгать всѣхъ рѣшительныхъ сраженій“ [2]).

Послѣ перехода французскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 2-й арміи ставилось цѣлью подкрѣплять генерала Платова, когда онъ пойдетъ

---

[1]) Рапорты Государю Императору въ іюнѣ 1812 г. отъ 15 іюня № 1900, 15 іюня № 328, 18 іюня № 339, 19 іюня № 243, 20 іюня, 24 іюня № 372, 26 іюня № 2007, 26 іюня, 28 іюня № 397, 28 іюня № 399 и 30 іюня № 403.

[2]) Рапортъ кн. Багратіона Государю Императору 26 іюня 1812 г. на маршѣ въ Несвижъ.

во флангъ и тылъ непріятеля [1]) и въ другомъ отношеніи, приложенномъ къ рапорту военнаго министра Государю Императору отъ 16 іюня 1812 г. № 322, было сказано:

Ваше сіятельство... „старайтесь, чтобы непріятель не могъ отрѣзать Вамъ дороги черезъ Минскъ къ Борисову".

Всѣ эти Высочайшія повелѣнія сообщались князю Багратіону военнымъ министромъ.

18 іюня 1812 года, когда главная квартира 2-й арміи находилась въ Зельвѣ, въ 2 часа пополудни къ князю Багратіону пріѣхалъ флигель-адъютантъ Бенкендорфъ и передалъ Высочайшее повелѣніе, чтобы войска 2-й арміи взяли направленіе свое черезъ Новогрудокъ на Вилейку на соединеніе съ 1-й арміей. Князь Багратіонъ повелъ свои войска, согласно Высочайшему повелѣнію и сообщилъ о томъ военному министру [2]).

Такимъ образомъ 2-й арміи предписывалось идти на соединеніе съ 1-й арміей, совершая, рискованный, фланговый и отступательный маршъ передъ наступающими войсками Даву и Вестфальскаго короля. 1-я армія не приняла предположеннаго сраженія у Свѣнцянъ и стала отступать къ Дриссѣ. Этимъ распоряженіемъ армія кн. Багратіона ставилась въ очень тяжелое положеніе.

24 іюня кн. Багратіонъ рѣшилъ ослушаться повелѣнія и началъ отступленіе черезъ Несвижъ на Минскъ [3]), но въ это время, пользуясь отступленіемъ 1-й арміи, корпусъ Даву устремился къ Минску и занялъ его раньше, чѣмъ войска кн. Багратіона туда подошли, а кн. Багратіонъ форсированнымъ маршемъ пошелъ черезъ Несвижъ, Слуцкъ къ Бобруйску [4]).

Князь Багратіонъ имѣлъ гражданское мужество донести 24 іюня на маршѣ въ Несвижѣ Государю Императору: „Ваше Императорское Величество изъ подносимой при семъ копіи съ отношенія моего военному министру, отправленный въ 13 день іюня, усмотрѣть соизволите, что я имѣлъ несчастіе предвидѣть занятіе непріятельскими войсками Минска прежде меня. Но все бы еще достигнуть возможно было соединенія армій черезъ оный, если бы я не получилъ направленія въ Зельвѣ черезъ Новогрудокъ [5])".

Въ донесеніи Императору отъ 30 іюня 1812 г. № 403 кн. Ба-

---

[1]) Отзывъ кн. Багратіона военному министру отъ 14 іюня 1812 № 323.

[2]) Рапортъ кн. Багратіона Государю Императору отъ 18 іюня изъ Зельвы, отзывъ кн. Багратіону военному министру отъ 18 іюня № 390.

[3]) Рапортъ Государю Императору отъ 24 іюня № 372 изъ Кареличъ.

[4]) Рапортъ Государю Императору отъ 24 іюна на маршѣ въ Несвижѣ.

[5]) Тамъ же.

гратіонъ пишетъ еще отчетливѣй о томъ въ какое положеніе ставило 2-ю армію Высочайшее повелѣніе полученное, 18 іюня въ Зельвѣ: „данное же мнѣ направленіе на Новогрудокъ не только отнимали у меня способы къ соединенію черезъ Минскъ, но угрожали потерей всѣхъ обозовъ, лишеніемъ способовъ къ продовольствію и совершеннымъ пресѣченіемъ даже сношеній съ 1-й арміей.

Бывъ въ таковомъ положеніи съ изнурительными войсками отъ десяти-дневныхъ форсированныхъ маршей по песчанымъ весьма дорогамъ, я принялъ оное за крайность, въ которой и Ваше Императорское Величество позволяете отступленіе къ Бобруйску".

28-го іюня армія Багратіона достигла Несвижа, а 5 іюля подошла къ Бобруйску, а затѣмъ перейдя у Ново-Быхова черезъ Днѣпръ, черезъ Пропойскъ, Мстиславль, достигла Смоленска, гдѣ и соединилась съ 1-й арміей.

Кромѣ враговъ внѣшнихъ, французовъ, кн. Багратіонъ имѣлъ въ составѣ арміи лицъ, не особенно къ нему расположенныхъ.

Къ таковымъ надлежитъ причислить и самого Барклая-де-Толли.

Въ письмѣ Государю Императору отъ 17 іюня, написанномъ по-французски, Барклай между прочимъ пишетъ: „Но, Ваше Императорское Величество, слишкомъ непріятно видѣть, что князь Багратіонъ вмѣсто того, чтобы исполнять тотчасъ приказанія Вашего Императорскаго Величества, теряетъ время въ совершенно излишнихъ разсужденіяхъ [1]) и, сообщая ихъ еще и генералу Платову, сбиваетъ съ толку этого генерала, который и безъ того такъ мало образованъ и невѣжественъ. Все же я надѣюсь, что, на основаніи Высочайшихъ повелѣній, каковое Ваше Величество имъ обоимъ послали, они будутъ имѣть еще время исправить недостатокъ точности и рвенія, проявленныхъ ими при исполненіи" [2]).

Въ письмѣ Императору Александру I 27 іюня 1812 г., написанномъ по-французски, Барклай-де-Толли пишетъ: „Непростительно, Ваше Величество, что князь Багратіонъ направился на Несвижъ, хотя возможно было, что онъ встрѣтилъ бы непріятеля передъ Минскомъ и безъ сомнѣнія прогналъ бы его, потому что непріятель не могъ быть въ большихъ силахъ, тогда онъ установилъ бы сообщеніе съ Борисовымъ; теперь Платовъ и Дороховъ его под-

---

[1]) Вѣроятно это было написано послѣ вышеуказаннаго рапорта кн. Багратіона отъ 15 іюня № 328, по которому онъ не получилъ разъясненій отъ Барклая.

[2]) Военно-Ученый Архивъ отд. II, № 1873.

крѣпили и князь достаточно силенъ, чтобы бороться противъ Даву [1]); теперь моментъ, чтобъ онъ атаковалъ его; съ тѣмъ количествомъ легкихъ войскъ, какое у него въ арміи, никакое движеніе непріятеля у него не ускользнетъ и ему легко принять свои мѣры. Князь Багратіонъ могъ идти на Игуменъ, прикрываясь легкой кавалеріей и идя параллельно съ ней [2])".

Начальникъ штаба арміи князя Багратіона графъ Сенъ-При имѣлъ полномочія писать непосредственно письма Императору Александру I.

Въ разбираемомъ XIII томѣ приведены на французскомъ языкѣ письма гр. Сенъ-При отъ 17 іюня, 18 іюня, 29 іюня и еще письмо въ іюнѣ безъ обозначенія числа. Въ письмѣ отъ 29 іюня гр. Сенъ-При считаетъ, что корпусъ генерала Платова болѣе необходимъ для 1-й арміи, а не для арміи князя Багратіона. „Я предложилъ эту идею Вашему Величеству, потому что считалъ эту мысль полезной для блага службы, соотвѣтственно инструкціямъ, которыя Ваше Величество мнѣ дали передъ отъѣздомъ изъ Петербурга".

Дѣйствительно въ XIII томѣ на стр. 408—415 напечатаны эти инструкціи, гдѣ изложены операціонные планы, отъ которыхъ безъ Высочайшаго повелѣнія отступать не должно: а) когда война съ нашей стороны откроется наступательной, б) когда война внутри нашихъ предѣловъ ведется оборонительной; причемъ въ III пунктѣ этого отдѣла сказано: дается наставленіе для дѣйствій:

III) Когда непріятель обратитъ главную силу противъ 2-й арміи.

Очевидно, что когда князь Багратіонъ проектировалъ указанные выше операціонные планы, о которыхъ Барклай писалъ Государю, что онъ „теряетъ время въ совершенно излишнихъ разсужденіяхъ", князь не зналъ о существованіи этой инструкціи.

Да и трудно было ему знать, потому что въ началѣ инструкціи для Сенъ-При напечатано: „Посему, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, предписывается Вамъ для единственнаго Вашего свѣдѣнія".

Князь Багратіонъ посылалъ Императору Александру I въ іюнѣ 1812 года свои донесенія безъ упоминанія слова Главнокомандующаго и начиналъ ихъ такъ:

Его Императорскому Величеству, генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона рапортъ,

---

[1]) Неуспѣшныя сраженія при Салтановкѣ и Дашковой показали, насколько не вѣрны были предположенія Барклая о силахъ французовъ.

[2]) Военно-Ученый Архивъ отд. II, № 1813 ст. 206—207.

а главнокомандующій 1-й арміей слѣдовалъ такому же принципу и писалъ:

Его Императорскому Величеству, Военнаго Министра рапортъ.

Въ описываемое время Барклай-де-Толли посылалъ Государю Императору ежедневно отъ 2 до 5 донесеній на русскомъ и французскомъ языкахъ и всего ихъ послано въ іюнѣ тридцать четыре донесенія[1]).

Приведенные уже выше примѣры: а) когда корпусные командиры многократно испрашивали для своихъ дѣйствій непосредственно Высочайшаго повелѣнія, а не приказанія главнокомандующаго, б) Высочайшія повелѣнія, противорѣчивыя съ приказаніемъ главнокомандующаго [2]), полученіе командиромъ корпуса Высочайшихъ повелѣній, неизвѣстныхъ главнокомандующему [3]), Высочайшее повелѣніе въ отвѣтъ на рапортъ командира корпуса [4]), все вмѣстѣ не могло не повліять на главнокомандующаго 1-й арміей и военнаго министра, генерала-отъ-инфантеріи Барклая де-Толли. Всѣ эти примѣры приведены выше въ подлинникахъ.

Неоднократное распечатываніе приведенныхъ ниже донесеній не могло не вселять въ душу главнокомандующаго сомнѣнія, что онъ не пользуется свыше полнымъ довѣріемъ.

Ген.-адъют. кн. Волконскій доноситъ военному министру, 17 іюня 1812 г. изъ Свенцянъ, № 1699.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопр-ству рапортъ ген.-отъ-инф. Дохтурова, посланный отъ него на ваше имя съ фельдъ-егеремъ Лукиненкою и *распечатанный Государемъ Императоромъ* и копію съ его донесенія къ Его Величеству, получен-

---

[1]) 16 іюня изъ Братинишки, 16 іюня изъ Вильны № 322, 16 іюня № 325, 16 іюня на франц., 16 іюня № 326, 17 іюня № 334, 17 іюня на франц., 18 іюня по-франц., 18 іюня № 338, 18 іюня № 342, 18 іюня по-франц., 19 іюня № 358, 19 іюня по-франц., 19 іюня № 362, 20 іюня по-франц., 20 іюня № 365, 21 іюня № 366, 21 іюня № 367, 23 іюня, 23 изъ Опса, 23 по-франц., 24—изъ Опса № 384, 24—по-франц., 25—№ 387, 25—№ 388, 25 іюня № 390, 25—по-франц., 25—по-франц. стр. 301, 26 іюня, 27 іюня изъ Малахова по-франц., 27—по-франц., 27—по-франц., 27—по-русски изъ Леомпоса, 28—по-франц.

[2]) Рап. Багговута воен. мин. отъ 14 іюня № 402.

[3]) Рап. воен. мин. Госуд. Импер. 25 іюня № 388.

[4]) Рапортъ ген. Багговуту воен. мин. 18 іюня № 383 и Высоч. повел. ген. Багговуту отъ 19 іюня № 25.

наго съ нарочно-посыльнымъ къ нему фл.-адъют. полк. кн. Волконскимъ, которое было писано позднѣе вышесказаннаго къ вамъ рапорта и послѣдовавшія на оной Высочайшія повелѣнія къ нему и къ ген.-м. Палену, отправленныя сего числа съ фл.-адъют. кн. Лопухинымъ.

Подпись: ген.-адъют. кн. Волконскій.

Ген.-адъют. кн. Волконскій доноситъ военному министру, 18 іюня 1812 г. изъ Свенцянъ, № 1701.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопр-ству два рапорта отъ ген.-лейт. Багговута и гр. Витгенштейна, къ вамъ послѣдовавшіе, *которые были распечатаны Государемъ Императоромъ*, и донесеніе Его Императорскому Величеству отъ ген.-лейт. гр. Витгенштейна. Вслѣдъ за симъ отправится къ вашему высокопр-ству квартирмейстерской части подполковникъ Клаузевицъ, для сообщенія ему данныхъ порученій.

Подпись: ген.-адъют. кн. Волконскій.

Выше былъ напечатанъ рапортъ командира 2 корпуса военному министру отъ 19 іюня № 402, гдѣ сказано: „при семъ доношу Вашему высокопревосходительству, что сказанный мой рапортъ за № 393 *распечатанъ въ Свенціанахъ Государемъ Императоромъ*“.

Всѣ указанныя выше распоряженія поколебали у Барклая-де-Толли увѣренность въ своихъ силахъ, и онъ начинаетъ дѣйствовать по примѣру своихъ подчиненныхъ, т. е. испрашивать для дѣйствій арміи Высочайшихъ повелѣній; такъ въ письмѣ Государю Императору отъ 18 іюня 1812 г. онъ пишетъ [1]):

Ваше Величество, усмотрите рапортъ графа Витгенштейна отъ 16 числа изъ Вилькомира, который я имѣлъ честь послать Вашему Величеству, что графъ, сражаясь съ маршаломъ Удино, изъ предосторожности долженъ былъ отступить; тѣмъ не менѣе непріятелю не удалось обойти правый флангъ 1-й арміи, но онъ можетъ броситься на Динабургъ, который беззащитенъ, *и такъ какъ я не знаю, какіе планы Ваше Величество имѣете на будущее время, то я не могу ничего предписать по рапорту графа Витгенштейна. Ожидаю почтительно, каковы будутъ приказанія мнѣ Вашего Величества, и осмѣливаюсь умолять Ваше Величество послать эти приказанія прямо графу, чтобы не терять времени* [2]).

---

[1]) Письмо воен. мин. отъ 18 іюня безъ номера и обозн. мѣста. Подлинникъ писанъ на франц. яз.

[2]) Курсивъ нашъ.

20 іюня № 362 онъ доноситъ изъ Свенцянъ: Вслѣдствіе Высочайшей воли Вашего Величества, завтрашняго числа выступаютъ войска и будутъ слѣдовать въ нижеслѣдующія мѣста [1]).

20 іюня пишетъ изъ Свенцянъ: „такъ какъ *Ваше Величество разрѣшили мнѣ распорядиться* [2]) маршемъ графа Витгенштейна, то я ему пошлю приказаніе идти завтра на Каврогани [3])".

25 іюня доноситъ изъ Опсы № 387. *Испрашиваю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія* [4]), прикажете ли завтрашній день войскамъ дать роздыхъ или слѣдовать по назначенію [5]).

25 іюня онъ доноситъ изъ Бельмонта № 390. *Высочайшее повелѣніе* Вашего Императорскаго Величества отъ сего числа я *имѣлъ счастіе получить и буду стараться въ точности оное исполнить* [6]).

26 іюня воен. мин. доноситъ за № 366 изъ м. Переброды. Главную мою квартиру расположилъ въ м. Переброды. О дальнѣйшемъ слѣдованіи корпусовъ, съ коими иду, *дерзаю испросить Вашего Величества повелѣнія.*

Въ письмѣ Императору Александру I отъ 25-го іюня изъ Бельмонта Барклай-де-Толли пишетъ [7]) между прочимъ: войска чувствуютъ усталость отъ похода — лошади ослабѣваютъ. Въ диспозиціи для марша *повелѣно, что должны выполнить 26 іюня войска. Я прошу Ваше Величество указать, нѣтъ ли измѣненій въ этомъ повелѣніи* [8]).

Самымъ интереснымъ письмомъ Барклая является письмо Государю изъ Бельмонта отъ 25-го же іюня [9]). Въ немъ главнокомандующій 1-й арміи пишетъ: „*Я только что получилъ приказаніе Вашего Величества отправиться въ Милашево. Не премину исполнить Высочайшую волю* [10])... Остальная часть пѣхоты II корпуса прибыла сюда только въ 2 часа по полудни. Ошибочно предполагать, что непріятель прибудетъ раньше насъ въ Дриссу, потому что корпусъ Мюрата противъ Дохтурова; тотъ же Мюратъ былъ третьяго дня противъ меня. Нѣтъ никакой возможности предположить, чтобы непріятель былъ вездѣ въ превосходныхъ силахъ.

---

[1]) Рапортъ Госуд. Импер. 20 іюня 1812 г.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Письмо воен. мин. на франц. яз.

[4]) Курсивъ нашъ.

[5]) Рапортъ воен. мин. отъ 25 іюня.

[6]) Рапортъ Госуд. Импер. отъ 25 іюня.

[7]) Письмо на франц. языкѣ—безъ №.

[8]) Курсивъ нашъ.

[9]) Письмо на франц. языкѣ и въ дѣлахъ Воен.-Уч. Архива значится въ II отд. № 1873, л. 185—186.

[10]) Курсивъ вездѣ нашъ.

Непріятельская пѣхота и кавалерія очень утомлены. *Быстрота нашего отступленія не соотвѣтствуетъ обстановкѣ. Я не знаю къ чему она. Я не могу скрыть и считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что вліяніе этого поспѣшнаго отступленія начинаетъ сказываться между солдатами, которые громко выражаютъ свое неудовольствіе, дѣлаютъ различныя предположенія о причинахъ*, особенно злонамѣренны поляки, видятъ въ этомъ зловѣщіе признаки и готовы воспользоваться этимъ при первомъ случаѣ.

Въ заключеніе я не знаю, что мы будемъ дѣлать въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Дриссой.—Послѣ такого поспѣшнаго отступленія мы теряемъ окончательно непріятеля изъ виду и будемъ принуждены выслать впередъ большой корпусъ. Не знаю также, что будетъ дѣлать корпусъ графа Витгенштейна на правомъ берегу Двины, потому, что мы можемъ скорѣй ожидать непріятеля со стороны нашего лѣваго фланга.

Я думаю, что лучше будетъ отдѣлить не одинъ армейскій корпусъ, но бо́льшую часть арміи на лѣвое крыло внѣ раіона укрѣпленнаго лагеря, чтобы отбить непріятеля, который приближается съ этой стороны или оперировать во флангъ и тылъ непріятеля, который будетъ дѣйствовать противъ князя Багратіона, потому что невозможно, чтобы непріятель былъ одинаково въ превосходныхъ силахъ и противъ насъ, и противъ Багратіона.

Вотъ, Ваше Величество, мнѣніе, откровенно высказанное солдатомъ, который твердо рѣшился не вліяшиваться болѣе со своими совѣтами, но умереть за своего Государя".

Какимъ высокимъ гражданскимъ мужествомъ и истинной любовью къ родинѣ вѣетъ отъ этихъ строкъ, въ которыхъ онъ открыто высказываетъ свое несогласіе съ переданными ему приказаніями.

На это письмо Императоръ Александръ Павловичъ отвѣтилъ чарующимъ письмомъ. О полученіи этого письма можно судить изъ письма Барклая Государю. (Отъ 27-го іюня 1812 г., за № 1873, II отд. Военно-Ученаго Архива).

Самое же письмо, вѣроятно, хранится въ фамильныхъ бумагахъ потомковъ почившаго фельдмаршала.

Какой подробной заботливостью о нуждахъ войскъ отличался Императоръ Александръ Павловичъ во время своего пребыванія въ арміи въ іюнѣ 1812 г., служатъ два приводимые ниже приказа.

Приказъ по арміямъ, глав. квар. г. Видзы, 21 іюня 1812 г. № 1.

Усмотрѣны Мною лично безпорядки при движеніяхъ обозовъ, кои не только въ маршахъ своихъ не наблюдаютъ правила поле-

ваго воинскаго учрежденія, но имѣютъ даже при себѣ чрезвычайно много строевыхъ чиновъ, которые во-первыхъ отдѣлясь изъ полковъ уменьшаютъ число въ дѣйствующихъ войскахъ, а во-вторыхъ, будучи безъ начальства, легко могутъ дѣлать по дорогамъ безпорядки, кои считаю Я главнѣйшимъ зломъ въ арміи, почему и нахожу нужнымъ предписать строгое и точное наблюденіе слѣдующихъ правилъ:

1. Каждый отрядъ обоза долженъ имѣть начальника по силѣ полеваго Военнаго уложенія.

2. Начальнику надлежитъ отъ начальства своего имѣть Ордеръ, въ коемъ должно означено быть имя его, число повозокъ, строевыхъ и нестроевыхъ людей и маршрутъ его слѣдованію.

3. Начальникъ обоза долженъ имѣть именной списокъ всѣхъ людей, съ означеніемъ каждаго, за своею подписью.

4. Начальникъ никогда не отлучается отъ обоза ни на малѣйшее время, чтобы каждый проѣзжающій могъ его видѣть.

5. Ордеръ и списокъ имѣетъ онъ всегда при себѣ, дабы могъ немедленно предъявить всякому, кто отъ него оные потребуетъ.

6. Онъ по сему списку отвѣчаетъ за всѣхъ людей, находящихся у него въ обозѣ, и малѣйшій безпорядокъ наказывается по Воинскому полевому уложенію.

7. Ни одинъ человѣкъ, какъ строевой, такъ и нестроевой, не можетъ находиться по одиночкѣ по дорогамъ безъ билета; найденныхъ же таковыхъ немедленно брать полкамъ и разъѣздамъ и наказывать въ то же время, какъ бѣглыхъ; а по исполненіи оставлять при полкахъ на службѣ до удобнаго случая, когда будетъ возможность сдать его вѣрно въ команду.

8. Всякій отрядъ войскъ, найдя идущій обозъ въ безпорядкѣ, обязанъ рапортовать о томъ въ главную квартиру, и если есть возможность и время, то привести его въ порядокъ; когда жъ найдетъ строевыхъ людей не только въ грабительствѣ, но хотя бы въ отлучкахъ по одиночкѣ отъ обоза, то беретъ ихъ въ отрядъ и наказываетъ по Воинскому положенію на тѣхъ же мѣстахъ.

Я надѣюсь отъ господъ начальниковъ корпусныхъ и дивизіонныхъ, что все сіе исполнено будетъ въ точности, и что впредь не случится Мнѣ дѣлать подобныхъ замѣчаній.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою: АЛЕКСАНДРЪ.

Приказъ по арміямъ, глав. квар. г. Видзы, 21 іюня 1812 г., № 2.

Расположеніе войскъ на бивакахъ, подвергающее иногда людей сырымъ и ненастнымъ погодамъ, требуютъ для подкрѣпленія силъ

и здоровья ихъ достаточнаго продовольствія пищею, почему и повелѣваю, чтобы всѣ начальники обращали особенное на то вниманіе и попеченіе. Храбрость открываетъ путь къ славѣ и побѣждаетъ непріятеля исправностью оружія; и Я надѣюсь, что каждый частный начальникъ приложитъ всевозможное стараніе о сбереженіи онаго отъ непогодъ и содержаніи въ чистотѣ.

Всякія самовольныя отлучки солдатъ отъ мѣста бивакъ, безъ строгаго наблюденія воинскихъ правилъ, разстроивая общій порядокъ, могутъ обратиться къ обидамъ, притѣсненіямъ и даже къ насиліямъ противъ проѣзжающихъ и самыхъ обывателей.

Для отвращенія сего, повелѣваю: имѣть строжайшее смотрѣніе всѣмъ воинскимъ начальникамъ, чтобы не только командированные отряды, но даже и малыя команды, посылаемыя для собственныхъ нуждъ или потребностей солдатъ, производимы были по всей точности военнаго положенія; въ противномъ же случаѣ повелѣваю непремѣнно виновныхъ наказывать немедленно въ томъ же мѣстѣ, по всей строгости военнаго Полеваго учрежденія. — Наблюденіе за всѣмъ онымъ остается уже на отвѣтственности главнокомандующихъ арміями и корпусныхъ начальниковъ.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою: АЛЕКСАНДРЪ.

Въ дѣлахъ Военно-Ученаго Архива сохранились не всѣ документы, касающіеся всѣхъ распоряженій начальствующихъ лицъ въ іюнѣ 1812 года. Мы можемъ сказать это съ увѣренностью, потому что и въ приведенныхъ нами документахъ есть указанія на письменныя распоряженія, коихъ нѣтъ въ архивѣ.

На вопросъ, поставленный въ заглавіи статьи, мы можемъ отвѣтить, что въ іюнѣ 1812 г. высшее командованіе арміей было въ рукахъ Императора Александра I.

Несомнѣнно, что тренія въ высшемъ управленіи дѣйствующихъ армій были причиной подачи Императору Александру I Аракчеевымъ, Балашевымъ и Шишковымъ 30-го іюня 1812 г. докладной записки объ отъѣздѣ Государя изъ дѣйствующей арміи. (См. „Русск. Стар.“ іюнь сего года „Императоръ Александръ Павловичъ въ дѣйствующей арміи“).

Въ ночь съ 6-го на 7-е іюля Императоръ Александръ Павловичъ покинулъ армію.

П. Вороновъ.

Приложеніе къ „Русской Старинѣ“.

Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 г. [1]).

Со времени уничтоженія Польши, 1794 года, исчезло имя ея съ земли и не существовало поляковъ. Въ 1807 году заключенный съ Франціею миръ въ Тильзитѣ произвелъ на свѣтъ герцогство Варшавское, вмѣстѣ съ надеждою распространить его, въ случаѣ несогласія между сосѣдственными ему державами. Наполеонъ исчислилъ мѣру страха, коимъ господствовалъ онъ надъ сердцами царствующихъ его современниковъ: понесенныя каждымъ изъ нихъ въ войнахъ огромныя потери, блистательные и постоянные оружія его успѣхи, страхъ тотъ болѣе и болѣе распространявшіе, и далъ надежду возрожденія Польшѣ. Воспламенились умы, и въ короткое время всѣ употреблены усилія надеждѣ сей дать видъ правдоподобія! Въ 1809 году Варшава уже союзница наша противъ Австріи, и мы въ пользу ея, вопреки пользѣ собственной, исторгаемъ часть Галиціи. Въ нынѣшней войнѣ она уже противъ насъ, въ общемъ союзѣ Европы, и содѣйствуетъ Австріи. Мы умножили силы ея и вооружили противъ себя; для пользы ея, поперемѣнно вонзаемъ мечъ въ сердце одинъ другого, и судьба, къ ослѣпленію нашему, прибавляетъ сѣтованіе, что недовольно глубоки наносимыя раны! Неужели не исполнится мѣра наказанія Бога мстителя?

Князь Багратіонъ, проходя Бобруйскъ, оставилъ въ крѣпости больныхъ изъ всей арміи и отъ скорости движенія усталыхъ въ большомъ количествѣ; изъ числа гарнизона присоединилъ къ арміи

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1912 г.

шесть баталіоновъ пѣхоты; командующаго въ оной артиллеріи генералъ-маіора Игнатьева утвердилъ въ званіи военнаго губернатора. Въ окрестности начали появляться непріятельскіе отряды, но до того генералъ Игнатьевъ, удерживая народъ въ послушаніи и порядкѣ, не отягощая его, собралъ возможныя пособія для снабженія крѣпости, и его распорядительности обязаны, что проходившая армія не малыя получила вспоможенія. Крѣпость не подверглась опасности; ибо непріятель, не имѣя средствъ предпринять осады, долженъ былъ ограничиться обложеніемъ. Итакъ осталось неразрѣшенною проблемою, могъ ли генералъ Игнатьевъ быть болѣе упорнымъ, окруженный крѣпостнымъ валомъ, нежели въ сраженіи при Аустерлицѣ, гдѣ быть таковымъ онъ не находилъ надобности? Судьба отсрочила испытаніе до другого времени.

Армія князя Багратіона слѣдовала отъ Бобруйска на Быховъ; преслѣдовавшій ее Вестфальскій король съ своимъ корпусомъ и польскія войска, или утомленныя продолжительнымъ походомъ, или неудобныя къ равной скорости, далеко отставши, потеряли ее изъ виду. Она безпрепятственно продолжала свой путь.

Корпусъ генералъ-лейтенанта Раевскаго атаковалъ, при селеніи Дашковкѣ, часть войскъ маршала Даву, овладѣвшаго Могилевомъ. Въ началѣ сраженія силы непріятеля слабыя, въ продолженіи умножились значительно, напротивъ войска Раевскаго ослабѣвали, но въ немъ та же была неустрашимость и твердость, и онъ, шедши въ головѣ колонны, ударилъ на непріятеля. Самый упорный бой происходилъ на лѣвомъ крылѣ, гдѣ не могъ непріятель остановить 26 пѣхотную дивизію, которую генералъ-маіоръ Паскевичъ, съ неимовѣрною рѣшительностію, неустрашимо, при всемъ неудобствѣ мѣстности, провелъ чрезъ частый лѣсъ и угрожалъ уже конечности праваго непріятельскаго фланга, но долженъ былъ уступить несоразмѣрнымъ силамъ. Дѣйствіе генерала Раевскаго, заслоняя совершенно движеніе арміи, представляло князю Багратіону удобство, которымъ не помыслилъ онъ легко воспользоваться и, сдѣлавъ безпрепятственно ускоренный переходъ, выиграть разстояніе для избѣжанія преслѣдованія. Но, вмѣсто того, армія расположилась на ночлегъ на той позиціи, которую генералъ Раевскій [1]) занялъ послѣ сраженія. Маршалъ Даву, принявъ корпусъ Раевскаго за авангардъ и въ слѣдъ за нимъ ожидая арміи и генеральнаго сраженія, отошелъ къ главнымъ своимъ силамъ въ Могилевъ, гдѣ и остался, пріуготовляясь къ оборонѣ. Въ семъ положеніи долгое

---

[1]) Подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ генерала Раевскаго сопровождалъ сынъ его, въ самомъ юномъ возрастѣ.

время удержалъ его атаманъ Платовъ, появившійся съ своими войсками у самыхъ окоповъ Могилева. Князь Багратіонъ, отправляя его въ соединеніе съ 1-ю арміею, далъ ему сіе направленіе. Грубая ошибка Даву была причиною соединенія нашихъ армій; иначе никогда, ниже за Москвою, невозможно было ожидать того, и надежда, въ крайности не оставляющая, исчезала!

Если бы кто изъ нашихъ генераловъ впалъ въ подобную погрѣшность, его строго бы осудило общее мнѣніе. Маршалъ Даву, болѣе 10 лѣтъ подъ руководствомъ великаго полководца служащій, сотрудникъ его въ знаменитѣйшихъ сраженіяхъ, украшавшій неоднократно лаврами корону своего владыки, лавры себѣ снискавшій и имя побѣдъ въ прозваніе, сдѣлалъ то, чего избѣжали бы, конечно, многіе изъ насъ. Князю Багратіону оставалось единственное средство пробиваться, дабы соединиться съ 1-ю арміею. Цѣль Даву—не допускать къ тому, и онъ долженъ былъ стоять упорно, зная, что князь Багратіонъ преслѣдуемъ весьма сильными войсками. Конечно, ничего славнаго не ожидалъ Даву отъ короля Вестфальскаго, но предполагать не могъ, что онъ даже ходить не умѣетъ и выпуститъ изъ виду непріятеля.

Убѣдитесь посвятившіе себя военному ремеслу, а паче званія генерала достигшіе, вразумитесь, что навыкъ одинъ (routine) достоинства военнаго человѣка не замѣняетъ, не подчиненъ правиламъ, управляемъ случайностію. Конечно, частое повтореніе однихъ и тѣхъ же происшествій, или сходство въ главныхъ обстоятельствахъ, даетъ нѣкоторую удобность съ большею ловкостію и приличіемъ приноравливать, или, такъ сказать, прикладывать употребленныя прежде въ подобныхъ случаяхъ мѣры; но сколько маловажной надобно быть разницы, чтобы приноровленіе необходимо подверглось важнѣйшимъ измѣненіямъ! Убѣдитесь въ истинѣ сего, достигшіе званія генерала!

Наполеонъ въ маршалахъ своихъ имѣлъ отличнѣйшихъ исполнителей его воли; въ присутствіи его не было мѣста ихъ ошибкамъ, или онѣ мгновенно имъ исправляемы были. Даву собственныя распоряженія его изобличаютъ.

Въ Будиловѣ представилъ я главнокомандующему мысль мою перейти на лѣвый берегъ Двины: основывалъ ее на томъ разсчетѣ, что непріятель проходилъ по берегу рѣку путемъ труднымъ и неудобнымъ; что только кавалерія непріятельская усмотрѣна была противъ Полоцка, но главныя силы и артиллерія были назади и отъ насъ не менѣе какъ въ трехъ переходахъ. Переправившись, слѣдовать поспѣшно на Оршу, заставить маршала Даву развлечь силы его въ то время, когда все его вниманіе обращено было на

движеніе 2-й арміи, и тѣмъ способствовать князю Багратіону соединиться съ 1-ю армію. Уничтожить расположенный въ Оршѣ непріятельскій отрядъ и, перейдя на лѣвый берегъ Днѣпра, закрыть собою Смоленскъ. Отправить туда прямою изъ Витебска дорогою всѣ обозы и тягости, дабы не препятствовали арміи въ быстромъ ея движеніи. Все сіе можно было совершить, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, по отдаленію непріятеля. Весьма польстило мнѣ одобреніе главнокомандующаго, и я получилъ приказаніе возвратить два кавалерійскіе корпуса, прошедшіе впередъ, и двѣ понтонныя роты для устроенія моста при Будиловѣ [1]).

Все пріуготовлялось къ переправѣ, и перешедшимъ намъ, успѣхъ предстоялъ вѣрный. Не прошло часу послѣ отданныхъ приказаній, главнокомандующій перемѣнилъ намѣреніе. Я примѣчалъ, кто могъ отклонить его, и не подозрѣваю другого, кромѣ флигель-адъютанта Вольцогена. Сей тяжелый нѣмецкій педантъ пользовался большимъ его уваженіемъ. Разумѣя, что теряются выгоды, которыя рѣдко даруетъ счастіе и дорого иногда стоитъ упущеніе ихъ; увѣренъ будучи, что не имѣю права на полную главнокомандующаго ко мнѣ довѣренность, собственно по лѣтамъ моимъ, съ которыми опытность не совмѣстна, я склонилъ нѣкоторыхъ изъ корпусныхъ командировъ представить ему о томъ собственныя убѣжденія, но онъ остался непреклоннымъ, и армія продолжала путь къ Витебску. Въ Будиловѣ оставленъ сильный постъ: ему приказано поступить въ арріергардъ, когда онъ приблизится. Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ посланъ за Двину съ лейбъ-казачьимъ полкомъ, для наблюденія за непріятелемъ: ему приказано свѣдѣнія о приближеніи его доставлять прямо въ Витебскъ и отступать по той сторонѣ рѣки.

Армія пришла въ Витебскъ. 6 корпусъ оставался въ большомъ маршѣ, при селеніи Старомъ. Арріергардъ выгодно расположился, прикрытый рѣчкою и озерами. Постъ изъ Бѣшенковичей присоединенъ. Дѣйствія преслѣдующаго непріятеля были незначительны. Между тѣмъ французская конница на лѣвомъ берегу Двины показалась на равной высотѣ съ арріергардомъ, но пѣхота была въ маломъ еще количествѣ.

Армія два уже дня покойно пребывала въ Витебскѣ, полагая, что графъ Орловъ-Денисовъ благовременно предупредитъ о при-

---

[1]) Государь, отъѣзжая изъ арміи, между данными мнѣ наставленіями, приказалъ доводить до свѣдѣнія его обо всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Первое письмо мое Его Величеству было о сдѣланномъ главнокомандующему предложеніи. Оно послано съ генералъ-адъютантомъ Кутузовымъ (Павелъ Васильевичъ, генералъ-маіоръ).

ближеніи непріятеля; но, вѣроятно, не хорошо разставлены были передовые посты и нерадиво дѣлались разъѣзды, такъ что въ трехъ верстахъ отъ нашего лагеря усмотрѣна непріятельская партія. Это побудило главнокомандующаго послать навстрѣчу непріятеля нѣсколько полковъ конныхъ при одномъ корпусѣ пѣхоты. Я предложилъ генералъ-лейтенанта графа Остермана-Толстого, который отличился въ послѣднюю войну храбостію и упорствомъ въ сраженіи. Надобенъ былъ генералъ, который дождался бы силъ непріятельскихъ, и онѣ бы его не устрашили. Таковъ точно Остерманъ, и онъ пошелъ съ 4-мъ корпусомъ.

Дано приказаніе 6-му корпусу расположиться противъ города. Мостъ черезъ Двину былъ цѣлъ, и еще устроенъ понтонный. Арріергардъ приблизился, чтобы не быть отрѣзаннымъ съ лѣваго берега.

Графъ Остерманъ встрѣтилъ въ двѣнадцати верстахъ часть передовыхъ непріятельскихъ постовъ и преслѣдовалъ ихъ до Островна. Здѣсь предстали ему силы не соразмѣрныя, и дѣло началось весьма жаркое. Непріятель наступалъ рѣшительно. Войска наши, роптавшія на продолжительное отступленіе, съ жадностію воспользовались случаемъ сразиться; отдаленіе подкрѣпленій, казалось, удвояло ихъ мужество. Лѣсистыя и скрытыя мѣста препятствовали непріятелю развернуть его силы; кавалерія дѣйствовала частями, но, по малочисленности нашей, онѣ совершенно были въ пользу нашу. Графъ Остерманъ, имѣя противъ себя всегда свѣжія войска, долженъ былъ, наконецъ, уступить нѣкоторое разстояніе, и ночь прекратила сраженіе. Неосмотрительностію командира двухъ эскадроновъ лейбъ-гусарскаго полка потеряно шесть орудій конной артиллеріи [1]). Уронъ былъ значителенъ съ обѣихъ сторонъ. Въ подкрѣпленіе графу Остерману посланъ съ 3 пѣхотною дивизіею генералъ-лейтенантъ Коновницынъ [2]). На другой день рано по утру занявъ выгодную позицію, съ свойственною ему неустрашимостію, онъ удержалъ ее долгое весьма время, ни шагу непріятелю не уступая. Графъ Остерманъ, ему содѣйствуя, составлялъ резервъ; прибыла кирасирская дивизія, но, по свойству мѣстоположенія, не была употреблена. Артиллерія постоянно оказывала большія заслуги.

---

[1]) Эскадроны введены въ лѣсъ, преслѣдуя непріятельскіе аванпосты, внезапно атакованные опрокинуты, орудія захвачены неснятыя съ передковъ.

[2]) Въ царствованіе Екатерины II командовалъ пѣхотнымъ полкомъ; въ послѣднюю противъ поляковъ кампанію, дѣйствуя имъ отдѣльно, далъ замѣтить себя отлично храбрымъ и предпріимчивымъ офицеромъ. Дивизія подъ начальствомъ его обращала на себя вниманіе примѣрнымъ порядкомъ.

Главнокомандующій, желая имѣть точныя свѣдѣнія, приказалъ мнѣ отправиться на мѣсто боя. Вскорѣ послѣ присланъ генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й съ гренадерскою дивизіей, и положеніе наше было твердо! Въ два дни времени непріятель соединился съ главными своими силами, которыхъ чувствуемо было присутствіе по стремительности атакъ ихъ. Ни храбрость войскъ, ни самого генерала Коновницына безстрашіе не могли удержать ихъ. Опрокинутые стрѣлки наши быстро отходили толпами. Генералъ Коновницынъ, негодуя, что команду надъ войсками принялъ генералъ Тучковъ, не заботился о возстановленіи порядка, послѣдній не внималъ важности обстоятельствъ и потребной дѣятельности не оказывалъ. Я сдѣлалъ имъ представленіе о необходимости вывести войска изъ замѣшательства и обратить къ устройству. Они отдалили кирасиръ, прибывшихъ съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ, и другія излишнія войска, производившія тѣсноту, и сдѣлали то, по крайней мѣрѣ, что отступленіе могло быть не бѣгствомъ. Не возможно оспаривать, что, продолжая съ успѣхомъ начатое дѣло, пріятно самому его кончить, но не простительно до того простирать зависть и самолюбіе, чтобы допустить безпорядокъ, съ намѣреніемъ обратить его на счетъ начальника. Въ настоящемъ случаѣ это было слишкомъ очевидно!

Пославши генерала Коновницына съ дивизіею къ графу Остерману, главнокомандующій приказалъ 6-му корпусу и арріергарду графа Палена присоединиться къ арміи: сообщеніе съ правымъ берегомъ прервано, мостъ разрушенъ и понтоны сняты.

Въ тотъ же день утромъ осматривалъ главнокомандующій занимаемую для арміи позицію полковникомъ Толемъ. Я сопровождалъ его, и удивленъ былъ, что онъ не обратилъ вниманія на множество недостатковъ, которые заключала въ себѣ позиція. Мѣстоположеніе по большей части покрыто было до того густымъ кустарникомъ, что квартиргеры, не видя одинъ другого, откликались на сигналы; позади трудный переходъ чрезъ глубокій ровъ; сдѣлать спуски не доставало времени. Главною цѣлью было закрыть городъ. Я возразилъ противъ неудобствъ позиціи, объяснивъ слѣдующее мое мнѣніе. Дать генеральное сраженіе опасно, будучи отдаленными отъ средствъ пополнить потери. Еще не уничтожена совершенно надежда соединиться съ 2-ю арміею, главнымъ предметомъ, съ нѣкотораго времени, нашего отступленія. При неудачѣ большая часть войскъ должна проходить чрезъ городъ, остальная необходимо чрезъ ровъ. Если рѣшено принять сраженіе, то лучше несравненно устроить армію по другую сторону города, имѣя во власти своей кратчайшую на Смоленскъ дорогу. Уступивши Витебскъ, мы при-

бавимъ однимъ городомъ болѣе ко многимъ потеряннымъ губерніямъ, и легче пожертвовать имъ, нежели другими удобствами, которыхъ сохраненіе гораздо важнѣе. Главнокомандующій изъявилъ согласіе, но готовился дать сраженіе, и приказалъ избрать мѣсто за городомъ на дорогѣ къ Смоленску.

Сраженіе при мѣстечкѣ Островнѣ кончилось съ наступленіемъ вечера, и, возвратясь уже ночью, я донесъ обо всемъ главнокомандующему, а отъ него узналъ о пріуготовленіи новой позиціи. Я осмотрѣлъ ее съ началомъ дня, когда въ нее вступали уже войска. Нашелъ, что она также лѣсистая, также трудныя между войскъ сообщенія, обширная и требуетъ гораздо большаго числа силъ. На правомъ флангѣ два корпуса графа Остермана и Багговута отрѣзаны глубокимъ оврагомъ, чрезъ который и въ отсутствіи непріятеля съ трудомъ перевозили артиллерію. На лѣвомъ флангѣ были высоты, на которыхъ устроенныя батареи могли дѣйствовать на продолженіе нашихъ линій; перемѣнить боевой порядокъ не возможно, не затрудняя отступленія. Предположивъ атаку праваго крыла, надобно было подкрѣпить его, а съ поспѣшностію совсѣмъ не возможно, развѣ безъ артиллеріи.

Генералу графу Палену составленъ особый авангардъ, съ которымъ вступилъ онъ въ дѣло, смѣнивши войска генерала Тучкова 1-го, графа Остермана и Уварова, не далеко уже отъ занятой арміею позиціи. Долго въ виду ея удерживалъ стремленіе непріятеля. Наконецъ, отступивши за рѣчку Лучесу, искусно воспользовался крутыми ея берегами для защиты находящихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ бродовъ. Французская армія, занявъ всѣ противъ лежащія возвышенія, казалось, развернулась для того, чтобы каждому изъ своихъ воиновъ дать зрѣлище искуснаго сопротивленія съ силами несравненно меньшими, показать примѣръ порядка, словомъ, показать графа Палена и вразумить ихъ, что если россійская армія имѣетъ нѣсколько ему подобныхъ, то нужны имъ усилія необычайныя, опыты возможнаго мужества! Не были вы свидѣтелями, достойные его сотоварищи: Раевскій, равный ему непоколебимымъ хладнокровіемъ и предусмотрительностію, графъ Ламбертъ, подобный мужествомъ и распорядительностью, и ты, Меллеръ-Закомельскій, въ коемъ соединены лучшія ихъ свойства, достоинства замѣчательныя, но котораго можно упрекнуть одною чрезмѣрною скромностію.

Непріятель успѣлъ переправить часть войскъ, и видно было намѣреніе его, отброся авангардъ къ рѣкѣ, заставить его отходить чрезъ городъ.

Приближалась та минута, въ которую всѣ усилія графа Па-

лена могутъ сдѣлаться тщетными. Не опрокинувъ авангарда, не могъ непріятель сдѣлать обозрѣніе позиціи, занимаемой нашею арміею. Главнокомандующій послалъ въ подкрѣпленіе нѣсколько баталіоновъ пѣхоты: приказалъ генералу-маіору Шевичу, съ полками 1-го кавалерійскаго корпуса, приблизиться къ лѣвому флангу авангарда, наблюдая пространство между имъ и арміею.

Внимательно разсмотрѣвъ невыгодное расположеніе арміи, рѣшился я представить главнокомандующему объ оставленіи позиціи немедленно. Предложеніе, всеконечно, смѣлое, предпріимчивость молодого человѣка, но разсчетъ, впрочемъ, былъ съ моей стороны: лучше предпринять отступленіе съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, совершить его безпрепятственно, нежели принять сраженіе, и безъ сомнѣнія, не имѣть надежды на успѣхъ, а можетъ быть подвергнуться совершенному пораженію. Въ одномъ случаѣ, по мнѣнію моему, можно не отвергнуть сраженія, если другая армія готова остановить торжествующаго непріятеля и преодолѣть его, обезсиленнаго потерею. Мы были совсѣмъ въ другомъ положеніи. Ближайшія къ намъ войска въ Калугѣ—малыя числомъ, слабыя составомъ, и начальствовавшій ими, генералъ-отъ-инфантеріи, Милорадовичъ, по единообразному одѣянію называлъ ихъ воинами. Если бы дождались мы непріятели въ позиціи, вѣроятно не съ фронта началъ бы онъ атаку, но, частію войскъ занимая насъ, перешелъ со всѣми силами рѣку Лучесу выше, гдѣ повсюду есть броды, и обратился бы на лѣвое наше крыло, слабѣйшій пунктъ, о которомъ сказалъ я выше. Не возможно предположить неудачи со стороны непріятеля, но и тогда безпрепятственно отходилъ онъ на дорогу къ Борисову, усиливался всѣмъ корпусомъ маршала Даву и переходилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Сей день сдѣлалъ я первый надъ собою опытъ и удостовѣрился, что крайность лучшее побужденіе къ рѣшительности, и что самая трудность предпріятія въ глазахъ исчезаетъ. Надобно, чтобы то же убѣжденіе, тотъ же духъ руководилъ исполнителями. Нѣтъ времени размышленію, гдѣ одному дѣйствію мѣсто. Рѣшитъ часто одна минута!

Главнокомандующій колебался согласиться на мое предложеніе. Ему, какъ военному министру, извѣстно было во всемъ объемѣ положеніе наше и, конечно, требовало глубокаго соображенія! Генералъ-квартирмейстеръ Толь, вопреки мнѣнію многихъ, утверждалъ, что позиція соединяетъ всѣ выгоды, что должно принять сраженіе. Генералъ Тучковъ 1-й, видя необходимость отступленія, объ исполненіи его разсуждалъ не безъ робости. Рѣшительность не

была его свойствомъ: онъ предлагалъ отойти ночью [1]). Генералъ адъютантъ баронъ Корфъ былъ моего мнѣнія, не смѣя утверждать его. Не ищетъ онъ стяжать славу мѣрою опасностей. Подобно мнѣ и многимъ, душа его доступна страху, и ей сраженіе не пища. Простительно чувство боязни, когда опасность угрожаетъ общему благу! Я боялся непреклонности главнокомандующаго, боялся и его согласія. Наконецъ онъ даетъ мнѣ повелѣніе объ отступленіи. Палъ жребій, и судьба исхитила у непріятеля лавръ побѣды!

Былъ первый часъ по полудни, авангардъ въ жесточайшемъ огнѣ, между армій близкое разстояніе, и о присутствіи Наполеона извѣстили насъ плѣнные.

О дерзость, божество, предъ жертвенникомъ котораго военный человѣкъ не разъ въ жизни своей долженъ преклонить колѣна! Ты иногда спутница благоразумія, не рѣдко оставляя его въ удѣлъ робкому, провождаешь смѣлаго къ великимъ предпріятіямъ; тебѣ въ сей день принесена достойная жертва!

Въ нашемъ лагерѣ всеобщее движеніе. Войска тремя колоннами совершаютъ выступленіе: лѣвая изъ 5-го и 6-го корпусовъ и большей части резервной артиллеріи, кратчайшею на Смоленскъ дорогою. Въ арріергардѣ ея былъ генералъ-маіоръ Шевичъ съ полками 1-го кавалерійскаго корпуса. Графъ Остерманъ со 2-мъ и 4-мъ корпусами большою дорогою на Порѣчье; ему приказано подкрѣпить арріергардъ, если бы непріятель рѣшительно преслѣдовалъ его. Среднюю колонну составляли 3-й корпусъ и главная квартира; въ арріергардѣ его 2-й кавалерійскій корпусъ барона Корфа. Чрезъ полчаса времени лѣсистое мѣстоположеніе скрыло всѣ войска отъ глазъ непріятеля. Всѣ шли ускореннымъ шагомъ. Генералъ-лейтенантъ Лавровъ, командующій пѣшей гвардіею, долженъ былъ пробудить лѣтами усыпленную живость, чтобы явить нужное по обстоятельствамъ проворство. Таковы требованія всѣхъ и каждаго усилія!

Не скрою нѣкотораго чувства гордости, что главнокомандующій, опытный и чрезвычайно осторожный, нашелъ основательнымъ предложеніе мое объ отступленіи.

Глаза мои не отрывались отъ авангарда и славнаго графа Палена. Отдаляющаяся армія, ввѣривъ ему свое спокойствіе, не могла оградить его силами, непріятелю соразмѣрными, но поколебать му-

---

[1]) Надобно быть увѣрену, сказалъ я, что дозволитъ вамъ Наполеонъ дожить до вечера. Но для насъ необходимо было выиграть время, чтобы не быть преслѣдуемымъ по пятамъ большими силами непріятеля, чему легко могло подвергнуть замедленіе съ нашей стороны.

жества его ничто не въ состояніи! Я скажу съ Гораціемъ: „Если разрушится вселенная, въ развалинахъ своихъ погребетъ его неустрашеннымъ“. До пятаго часу продолжалось сраженіе съ равнымъ упорствомъ, и арріергардъ отошелъ на другую сторону города, оставя непріятеля, удивленнаго порядкомъ, и городъ имъ занятъ не прежде слѣдующаго утра съ большою осторожностію.

Въ самый день отступленія отъ Витебска прибылъ князя Багратіона адъютантъ, князь Меншиковъ съ извѣстіемъ о сраженіи при селеніи Дашковкѣ, и что армія его идетъ безпрепятственно въ соединеніе. Отправляя атамана Платова съ его войскомъ, князь Багратіонъ приказалъ ему ускорить движеніе, и по разсчету времени онъ долженъ былъ скоро прійти.

Въ одномъ переходѣ отъ Витебска арріергардъ имѣлъ сильное кавалерійское дѣло. Графъ Паленъ, лично распоряжая дѣйствіями конницы, удержалъ успѣхъ на нашей сторонѣ, и далѣе непріятель ограничился однимъ наблюденіемъ за движеніемъ нашихъ колоннъ.

Посыланные отъ меня съ письмомъ къ атаману Платову Бугскаго казачьяго полка одинъ офицеръ и урядникъ привезли отвѣтъ. На возвратномъ пути не разъ проѣзжали они вблизи непріятеля. Главнокомандующій наградилъ ихъ чинами.

Маршалъ Даву, пропустя князя Багратіона, могъ войсками своими, расположенными въ Оршѣ и Дубровнѣ, занять временно Смоленскъ, воспрепятствовать составленію ополченія, пріуготовляемаго въ немъ, истребить запасные магазины и разорить городъ. Потеря магазиновъ была бы намъ чувствительна, ибо продовольствіе арміи производилось и недостаточное и неправильное. Главнокомандующій, имѣя сіе въ виду, 5-му и 6-му корпусамъ приказалъ слѣдовать поспѣшнѣе, а атаману Платову заслонить ихъ движеніе.

Изъ Витебска главнокомандующій далъ порученіе Великому Князю Константину Павловичу отправиться въ Москву къ Государю. Неизвѣстно мнѣ, но сомнѣваюсь, чтобы онъ сдѣлалъ то по собственному побужденію. Великій Князь весьма огорченъ былъ, подозрѣвая, что порученіе не заключало въ себѣ такой важности, чтобы не могло быть исполнено другимъ. Я замѣтилъ многихъ, сожалѣвшихъ объ его отъѣздѣ и, къ чести его, людей непосредственно ему подчиненныхъ. Командуя гвардейскою дивизіею, я въ томъ же былъ отношеніи къ его особѣ, и не помню случая ни малѣйшаго неудовольствія, или непріятностей.

Армія выступила въ Порѣчье; 5-й и 6-й корпуса прибыли въ Смоленскъ. Государь, проѣзжая сей городъ, поручилъ генералъ-адъютанту барону Винценгероде составленіе ополченія. Часть не-

большая онаго, весьма худо вооруженная, съ нѣсколькими резервными эскадронами, формированія генералъ-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, и запасною, бывшею въ Смоленскѣ, артиллеріею, составляла отрядъ подъ командою генералъ-маіора Оленина, вступившаго предъ тѣмъ въ службу. Отрядъ, къ которому присланъ одинъ полкъ отъ войска атамана Платова, расположился далѣе Краснаго, у селенія Лядъ.

Непріятель съ нѣсколькими эскадронами ворвался въ городъ Велижъ, изрубилъ часть рекрутъ построеннаго на площади баталіона и, разсѣявши прочихъ, захватилъ мостъ чрезъ рѣку Двину. Проходившій изъ Невеля съ восемью баталіонами рекрутъ штабъ-офицеръ, не имѣя свѣдѣнія о близости французовъ, разставилъ въ городѣ караулы, строго смотрѣлъ за исправностію ихъ, всю ночь держалъ баталіонъ подъ ружьемъ, а патроны укладены были въ возахъ и ни одного на людяхъ! Прочіе всѣ баталіоны, бывши на правомъ берегу, уклонившись съ дороги, избѣжали пораженія.

Непріятель истребилъ одинъ артиллерійскій небольшой паркъ на 166 лошадяхъ, по худому ихъ состоянію отставшій отъ прочихъ. Посланный за симъ паркомъ изъ Порѣчья артиллеріи полковникъ Тишинъ едва спасся бѣгствомъ [1]).

Въ Порѣчьѣ генералъ-провіантмейстеръ Лаба докладывалъ военному министру, что комиссіонеръ, въ похвальномъ намѣреніи не допустить непріятеля воспользоваться магазиномъ, сжегъ его. Въ немъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей овса и 64 тысячи пудовъ сѣна. Не восхитился министръ восхваляемою расторопностію, а я испросилъ позволеніе его справиться по дѣламъ, какъ давно объ учрежденіи магазина дано было повелѣніе: нашлось, что отъ подписанія бумаги двѣ недѣли. Есть ли возможность въ одинъ пунктъ свезти такое большое количество запасовъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ во множествѣ взяты обывательскія подводы въ пособіе арміи? Я осмѣлился сказать министру, что за столь наглое грабительство достойно бы, вмѣстѣ съ магазиномъ, сжечь самого комиссіонера [2]).

Порѣчье—первый старый русскій городъ на пути нашего отступ-

---

[1]) Еще допускаетъ судьба Артиллерійскую Экспедицію имѣть его въ числѣ ея членовъ, и едва-ли можетъ быть искуснѣйшій для всѣхъ таинственныхъ ея хозяйственныхъ изворотовъ.

[2]) Генералъ-провіантмейстеръ Лаба выслушалъ все, не смущаясь; во время отправленія имъ должности, происшествіе сіе, конечно, не первое, ему встрѣтившееся. Искусное употребленіе провіантскихъ регуловъ не рѣдко утомляло преслѣдующее правосудіе и спасало преступника. Беззаконіе, содѣлываемое компаніею, менѣе страшно. Комиссіонеръ одинъ никогда не погрѣшаетъ.

ленія, и расположеніе къ намъ жителей было другое. Прежде проходили мы губерніи литовскія, гдѣ дворянство, обольщенное мечтою возстановленія Польши, возбуждало противъ насъ слабые умы поселянъ, или губерніи бѣлорусскія, гдѣ чрезмѣрно тягостная власть помѣщиковъ заставляла желать перемѣны. Здѣсь, въ Смоленской губерніи, готовы были видѣть въ насъ избавителей. Не возможно было изъявлять ни болѣе ненависти къ врагамъ, ни живѣйшаго усердія къ преподанію намъ всѣхъ способовъ, предлагая содѣйствовать, ни собственности не жалѣя, ни жизни самой не щадя!

Поселяне приходили ко мнѣ съ вопросомъ: позволено ли имъ будетъ вооружиться противъ враговъ и не подвергнутся ли за то отвѣтственности? Главнокомандующій приказалъ издать воззваніе къ жителямъ Смоленской губерніи, приглашая ихъ противостать непріятелю, когда дерзнетъ поругаться святынѣ, въ жилища ихъ внесетъ грабежъ, въ семейства безчестіе.

Изъ Порѣчья вышли мы ночью, избѣгая сильныхъ жаровъ. Желая знать духъ солдата и мысли о безпорядкахъ и грабежѣ, которые начали размножаться, посреди ихъ, въ темнотѣ, не узнаваемый ими, я разспрашивалъ: солдатъ роптalъ на безконечное отступленіе и въ сраженіи ожидалъ найти конецъ ему; недоволенъ былъ главнокомандующимъ, виновнымъ въ глазахъ его, почему онъ не русскій. Если успѣхи не довольно рѣшительны, не совсѣмъ согласны съ ожиданіями, первое свойство, которое русскій солдатъ приписываетъ начальнику-иноземцу, есть измѣна, и онъ не избѣгаетъ недовѣрчивости, негодованія и самой ненависти. Одно средство примиренія—побѣда! Нѣсколько ихъ даютъ неограниченную довѣренность и любовь. Обстоятельства неблагопріятны были главнокомандующему, и не только не допускали побѣдъ, ниже малыхъ успѣховъ. Въ Порѣчьѣ тогда оставалось мало очень жителей; въ опустѣлыхъ домахъ разсѣянные солдаты производили грабежъ и разбой. Я самъ выгонялъ ихъ, и скажу, къ сожалѣнію, даже изъ церкви. Никого не встрѣтилъ я изъ ближайшихъ начальниковъ ихъ, которые должны были замѣтить ихъ отлучку. Въ равнодушіи семъ къ исполненію обязанностей надобно искать причинъ чрезвычайнаго уменьшенія людей во фронтѣ. Въ этомъ возможно упрекнуть не однихъ командировъ полковъ.

На первомъ переходѣ отъ Порѣчья, неожиданно возвратился Великій Князь Константинъ Павловичъ изъ Москвы. Получено извѣстіе отъ князя Багратіона, что онъ приближается безпрепятственно къ Смоленску и, если нужно, вступитъ однимъ днемъ послѣ насъ. Непонятно намѣреніе, съ какимъ сообщилъ мнѣ главнокомандующій слѣдующее разсужденіе: „Какъ уже соединеніе армій не подвержено

ни малѣйшему затрудненію, полезнѣе, полагаетъ онъ, дѣйствовать по особенному направленію, предоставивъ 2-й арміи операціонную линію на Москву. Продовольствія для двухъ армій будетъ недостаточно. Въ Торопцѣ и по Волгѣ большіе заготовлены запасы, и Тверская губернія пожертвовала значительное количество провіанта, что потому предполагаетъ онъ съ 1-ю арміею идти по направленію на Бѣлый и вверхъ по Двинѣ". Легко было найти возраженіе, но, по недостатку во мнѣ благоразумія, труднѣе было сдѣлать его съ покорностію. Я съ горячностію сказалъ ему: „Государь отъ соединенія армій ожидаетъ успѣховъ и возстановленія дѣлъ нашихъ. Соединенія желаютъ войска съ нетерпѣніемъ. Къ чему послужили 2-й арміи перенесенные ею труды, преодолѣнныя опасности, когда вы повергаете ее въ то же положеніе, изъ котораго вырвалась она сверхъ всякаго ожиданія? Движеніе ваше къ Двинѣ выгодно для непріятеля: онъ, соединя силы, уничтожитъ слабую 2-ю армію, отдалитъ васъ навсегда отъ полуденныхъ областей, отъ содѣйствія прочимъ арміямъ! Вы не смѣете сего сдѣлать; должны, соединясь съ княземъ Багратіономъ, начертать общій планъ дѣйствій и тѣмъ исполнить волю и желаніе Императора! Россія, успокоенная на счетъ участи армій, ни въ чемъ упрекнуть не будетъ имѣть права!" Главнокомандующій выслушалъ меня съ великодушнымъ терпѣніемъ. Мнѣ казалось, что я проникнулъ настоящую мысль его. Соединеніе съ княземъ Багратіономъ не могло быть ему пріятнымъ; хотя, по званію военнаго министра, на него возложено начальство, но князь Багратіонъ, по старшинству въ чинѣ, могъ не желать повиноваться [1]). Это былъ первый примѣръ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и, конечно, не могъ служить ручательствомъ за удобство распоряженій.

Власть, даръ Божества безцѣннѣйшій! Кто изъ смертныхъ не вкушалъ сладостнаго твоего упоенія? Кто, недостойный, не почиталъ тебя участникомъ могущества Божія, его благостію удѣляемаго? Но для чего ты украшаешь не однихъ, идущихъ путемъ чести? Для чего одаряешь исторгающихъ тебя беззаконіемъ?

Главнокомандующій, послѣ разговора моего съ нимъ, не перемѣнилъ расположенія своего ко мнѣ, или не легко было то замѣтить;

---

[1]) Трудно лучше меня знать князя Багратіона—и сколько безпредѣльна преданность его Государю, для котораго жизнь почиталъ онъ малою жертвою; но совсѣмъ тѣмъ ничто не заставило бы подчиниться Барклаю-де-Толли, въ кампанію 1806 и 1807 годовъ служившему подъ его начальствомъ. Война отечественная, въ его понятіи, не должна допускать разсчетовъ честолюбія и находила его на все готовымъ.

ибо ни холоднѣе, ни менѣе обязательнымъ въ обращеніи быть никакъ не возможно.

Армія продолжала путь къ Смоленску. Главнокомандующій отправился туда съ послѣдняго перехода. На другой день прибыла армія, и тотчасъ приступлено къ заготовленію хлѣба и сухарей. Магазины были скудны; изъ губерній не могли привозить вдругъ большого количества припасовъ.

Итакъ я въ Смоленскѣ, тамъ, гдѣ въ ребячествѣ живалъ я съ моими родными, гдѣ служилъ въ молодости моей, имѣлъ многихъ знакомыхъ между дворянствомъ, привѣтливымъ и гостепріимнымъ. Теперь я въ лѣтахъ, прешедшихъ время пылкой молодости, и если не по собственному убѣжденію, то по мнѣнію многихъ, человѣкъ довольно порядочный и занимаю видное въ арміи мѣсто. Удивительные и для меня самаго едва-ли постижимые перевороты!

На другой день, по прибытіи арміи къ Смоленску, еще въ 12-ти верстахъ отъ города находилась 2-я армія. Князь Багратіонъ пріѣхалъ къ главнокомандующему, сопровождаемый нѣсколькими генералами, большой свитою, пышнымъ конвоемъ. Они встрѣтились съ возможнымъ изъявленіемъ вѣжливости, со всѣми наружностями пріязни, съ холодностію и отдаленіемъ въ сердцѣ одинъ отъ другого. Различныя весьма свойства ихъ, нерѣдко ощутительна ихъ противуположность. Оба они служили въ одно время, довольно долго въ небольшихъ чинахъ и вмѣстѣ достигли званія штабъ-офицеровъ.

Барклая-де-Толли долгое время невидная служба, скрывая въ неизвѣстности, подчиняла порядку постепеннаго возвышенія, стѣсняла надежды, смиряла честолюбіе. Не принадлежа превосходствомъ дарованій къ числу людей необыкновенныхъ, онъ излишне скромно цѣнилъ хорошія свои способности и потому не имѣлъ къ самому себѣ довѣрія, могущаго открыть пути, отъ обыкновеннаго порядка не зависящіе. Онъ замѣченъ былъ въ чинѣ генералъ-маіора, бывши шефомъ егерскаго полка, который превосходно былъ имъ пріуготовленъ къ службѣ въ военное время. Многихъ офицеровъ полка онъ не остановилъ на изученіи одного фронтового мастерства, но сообщалъ имъ необходимыя по званію свѣдѣнія.

Князя Багратіона счастіе въ среднихъ степеняхъ сдѣлало извѣстнымъ и на нихъ его не остановило. Война въ Италіи дала ему быстрый ходъ; Суворовъ, геній, покровительствовавшій ему, озарилъ его славой, собралъ ему почести, обратившія на него общее вниманіе. Поощряемыя способности внушали довѣріе къ собственнымъ силамъ.

Барклай-де-Толли, быстро достигнувши чина полнаго генерала совсѣмъ неожиданно званія военнаго министра, и вскорѣ соединя съ нимъ власть главнокомандующаго 1-ю Западною арміею, возбудилъ во многихъ зависть, пріобрѣлъ недоброжелателей. Неловкій у Двора, не расположилъ къ себѣ людей, близкихъ Государю; холодностію въ обращеніи не снискалъ пріязни равныхъ, ни приверженности подчиненныхъ. Приступивши въ скоромъ времени къ нѣкоторымъ по управленію перемѣнамъ, изобличая тѣмъ недостатки прежнихъ распоряженій, онъ вызвалъ злобу сильнаго своего предмѣстника, который поставлялъ на видъ малѣйшія изъ его погрѣшностей. Между приближенныхъ къ нему мало имѣлъ способныхъ, и потому, рѣдко допуская ихъ раздѣлять съ нимъ труды его, все думалъ наполнить своею дѣятельностію. Въ началѣ произошло медленное теченіе дѣлъ, въ послѣдствіи несогласное частей и времени несоразмѣренное дѣйствіе, и наконецъ запутанность неизбѣжная!

Князь Багратіонъ, на тѣ же высокія назначенія возведенный (исключая должности военнаго министра), возвысился согласно съ мнѣніемъ и ожиданіями каждаго. Конечно, имѣлъ завистниковъ, но менѣе возбудилъ враговъ. Ума тонкаго и гибкаго, онъ сдѣлалъ при Дворѣ сильныя связи. Обязательный и привѣтливый въ обращеніи, онъ удержалъ равныхъ въ хорошихъ отношеніяхъ, сохранилъ расположеніе прежнихъ пріятелей. Обогащенный воинской славой, допускалъ раздѣлять труды свои, въ настоящемъ видѣ представляя содѣйствіе каждаго. Подчиненный награждался достойно, почиталъ за счастіе служить съ нимъ, всегда боготворилъ его. Никто изъ начальниковъ не давалъ менѣе чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался съ большею пріятностію. Обхожденіе его очаровательное! Не трудно воспользоваться его довѣренностію, не только въ дѣлахъ, мало ему извѣстныхъ. Во всякомъ другомъ случаѣ характеръ его самостоятельный. Недостатокъ познаній, или слабая сторона способностей, можетъ быть замѣчаема только людьми, особенно приближенными къ нему.

Барклай-де-Толли, до возвышенія въ чины, имѣлъ состояніе весьма ограниченное, скорѣе даже скудное, долженъ былъ смирять желанія, стѣснять потребности. Такое состояніе, конечно, не препятствуетъ стремленію души благородной, не погашаетъ ума высокія дарованія; не бѣдность, однако же, даетъ способы явить ихъ въ приличнѣйшемъ видѣ. Удаляя отъ общества, она скрываетъ не обходимо среди малаго числа пріятелей, не допуская сдѣлать обширныя связи, требующія нерѣдко взаимныхъ послугъ, иногда даже самыхъ пожертвованій. Семейная жизнь его не наполняла всего

времени уединенія: жена не молода, не обладаетъ прелестями, которыя могутъ долго удерживать въ нѣкоторомъ очарованіи, всѣ другія чувства покоряя. Дѣти въ младенчествѣ, хозяйства военный человѣкъ не имѣетъ! Свободное время онъ употребилъ на полезныя занятія, обогатилъ себя познаніями. По свойствамъ воздержанъ во всѣхъ отношеніяхъ, по состоянію неприхотливъ, по привычкѣ безъ ропота сноситъ недостатки. Ума образованнаго, положительнаго, терпѣливъ въ трудахъ, заботливъ о ввѣренномъ ему дѣлѣ; нетвердъ въ намѣреніяхъ, робокъ въ отвѣтственности; равнодушенъ въ опасности, недоступенъ страху. Свойствъ души добрыхъ, не чуждый снисходительности; внимателенъ къ трудамъ другихъ, но болѣе людей, ему приближенныхъ. Сохраняетъ память претерпѣнныхъ неудовольствій: не знаю, помнитъ ли оказанныя благотворенія. Чувствителенъ къ наружнымъ изъявленіямъ уваженія, недовѣрчивъ къ истиннымъ чувствамъ онаго. Остороженъ въ обращеніи съ подчиненными, не допускаетъ свободнаго и непринужденнаго ихъ обхожденія, принимая его за несоблюденіе чинопочитанія. Боязливъ предъ Государемъ, лишенъ дара объясняться. Боится потерять милости его, недавно пользуясь ими, свыше ожиданія воспользовавшись. Словомъ, Барклай-де-Толли имѣетъ недостатки, съ большею частію людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающія, въ настоящее время, весьма немногихъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ генераловъ. Онъ употребляетъ ихъ на службу съ возможнымъ усердіемъ, съ безпредѣльною приверженностію Государю наилучшаго вѣрноподданнаго!

Князь Багратіонъ, съ равнымъ недостаткомъ состоянія, брошенъ былъ случайно въ общество молодыхъ людей, въ вихрь разсѣянности. Живыхъ свойствъ по природѣ, пылкихъ наклонностей къ страстямъ, нашелъ пріятелей и сдѣлалъ съ ними тѣсныя связи. Сходство свойствъ уничтожало неравенство состоянія. Расточительность товарищей отдаляла отъ него всякаго рода нужды, и онъ сдѣлалъ привычку не покоряться разсчетамъ умѣренности. Связи сіи облегчили ему пути по службѣ; но наставшая война, отдаляя его отъ пріятелей, предоставивъ собственнымъ средствамъ, препроводила въ Италію подъ знамена Суворова. Война упорная требовала людей отважныхъ и рѣшительныхъ, тяжкая трудами—людей, исполненныхъ доброй воли. Суворовъ остановилъ на немъ свое вниманіе, проникъ въ него, отличилъ, возвысилъ! Современники князя Багратіона, исключая одного Милорадовича, не были ему опасными. Сколько ни умѣренны были требованія Суворова, но ловкій ихъ начальникъ, провождая ихъ къ общей цѣли, отдалилъ столкновеніе частныхъ ихъ выгодъ. Багратіонъ возвратился изъ Италіи въ сіяніи

славы, въ блескѣ почестей. Неприлично уже было ни возобновить прежнія связи, ни допустить прежнія вспомоществованія: надобно было собственное состояніе. Государь избралъ ему жену прелестнѣйшую, состояніе огромное, но въ сердце жены не вложилъ онъ любви къ нему, не сообщилъ ей постоянства! Нѣтъ семейнаго счастія, нѣтъ домашняго спокойствія! Уединеніе — не свойство Багратіона; искать средствъ въ самомъ себѣ было уже поздно, разсѣянность сдѣлалась потребностію; ее усиливало безпрерывное въ службѣ обращеніе. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ безъ наставника, совершенно безъ состоянія, князь Багратіонъ не имѣлъ средствъ получить воспитаніе. Одаренный отъ природы счастливыми способностями, остался онъ безъ образованія и опредѣлился въ военную службу. Всѣ понятія о военномъ ремеслѣ извлекалъ онъ изъ опытовъ, всѣ сужденія о немъ изъ происшествій, по мѣрѣ сходства ихъ между собою, не будучи руководимъ правилами и наукою и впадая въ погрѣшности; нерѣдко, однако же, мнѣніе его было основательнѣйшимъ. Неустрашимъ въ сраженіи, равнодушенъ въ опасности. Не всегда предпріимчивъ, приступая къ дѣлу; рѣшителенъ въ продолженіи его. Неутомимъ въ трудахъ. Блюдетъ спокойствіе подчиненныхъ; въ нуждѣ требуетъ полнаго употребленія силъ. Отличаетъ достоинство, награждаетъ соотвѣтственно. Нерѣдко, однако же, преимущество на сторонѣ тѣхъ, у кого сильныя связи, могущественное у Двора покровительство. Утонченной ловкости предъ Государемъ, увлекательно лестнаго обращенія съ приближенными къ нему. Нравомъ кротокъ, несвоеобычливъ, щедръ до расточительности. Не скоръ на гнѣвъ, всегда готовъ на примиреніе. Не помнитъ зла, вѣчно помнитъ благодѣянія. Короче сказать, добрыя качества князя Багратіона могли встрѣчаться во многихъ обыкновенныхъ людяхъ, но употреблять ихъ къ общей пользѣ и находить въ томъ собственное наслажденіе принадлежитъ его невыразимому добродушію! Если бы Багратіонъ имѣлъ хотя ту же степень образованности, какъ Барклай-де-Толли, то едва-ли бы сей послѣдній имѣлъ мѣсто въ сравненіи съ нимъ.

Наконецъ 2-я армія прибыла къ Смоленску; совершено соединеніе! Тебѣ благодареніе, знаменитый Даву, столько пользамъ Россіи послужившій!

Радость обѣихъ армій была единственнымъ между ними сходствомъ. Первая армія, утомленная отступленіемъ, начала роптать и допустила безпорядки, признаки упадка дисциплины. Частные начальники охладѣли къ главному, низшіе чины колебались въ довѣренности къ нему. Вторая армія явилась совершенно въ другомъ духѣ! Звукъ не умолкающей музыки, шумъ не перестающихъ пѣсней,

оживляли бодрость воиновъ. Исчезъ видъ понесенныхъ трудовъ, видна гордость преодолѣнныхъ опасностей, готовность къ превозможенію новыхъ. Начальникъ—другъ подчиненныхъ, они—сотрудники его вѣрные!

По духу 2-й арміи можно было думать, что пространство между Нѣманомъ и Днѣпромъ она не отступая оставила, но прошла торжествуя! Какія другія ополченія могутъ уподобиться вамъ, несравненные русскіе воины? Вѣрность ваша не пріобрѣтается мѣрою золота, допущеніемъ безпорядковъ, терпимостію своевольствъ. Не страшитъ васъ строгая подчиненность, и воля Государя творитъ героями! Когда предъ рядами вашими станетъ подобный Суворову, чтобы изумилась вселенная!

Во время расположенія арміи при Смоленскѣ, войска Донскія подъ начальствомъ атамана Платова, подкрѣпленныя однимъ гусарскимъ и двумя егерскими полками, находились въ 15 верстахъ по дорогѣ на Рудню. Не далеко отъ него расположенъ авангардъ графа Палена. Полковникъ Крейцъ съ драгунскимъ полкомъ по направленію на Катань. Въ селеніи Холмѣ, по дорогѣ къ Порѣчью, генералъ-маіоръ Иловайскій 4-й съ казачьими полками и Елисаветградскимъ гусарскимъ полкомъ, безпрерывнымъ движеніемъ партій обезпечивая правое крыло арміи, генералъ-адъютантъ Винценгероде съ Казанскимъ драгунскимъ полкомъ и тремя казачьими наблюдалъ непріятеля отъ стороны Велижа. Въ городѣ Красномъ расположенъ отрядъ генералъ-маіора Оленина, посылая разъѣзды до селенія Лядъ. Арміи оставались въ бездѣйствіи.

Въ Смоленскѣ, по званію моему, имѣлъ я частыя сношенія съ гражданскимъ губернаторомъ, барономъ Ашъ. Въ званіи его не возможно было найти человѣка болѣе безполезнаго для арміи; безпечность его до того простиралась, что онъ, не зная о прибытіи ея къ Порѣчью, отправлялъ въ Витебскъ обозы съ хлѣбомъ для ея продовольствія. Я долженъ былъ замѣтить ему, что грозящая опасность губерніи могла бы допустить большее со стороны его любопытство. Не много болѣе пользы извлекла армія изъ губернскаго предводителя дворянства, Лесли, и многіе остались удивленными, что, отличное заслугами и благородствомъ, Смоленское дворянство избрало его своимъ представителемъ.

Въ Смоленскѣ нашли мы начало составленія земскаго ополченія: собранныя толпы мужиковъ, безъ всякаго на лѣта ихъ вниманія, худо снабженныя одеждою, совсѣмъ не вооруженныя. Въ начальники ополченія назначенъ генералъ-лейтенантъ Лебедевъ, старый человѣкъ, совершенно неспособный, ожесточившійся противъ смерти и долголѣтіемъ достигшій сего званія. По распоряженію

главнокомандующаго, отобранныя отъ кавалеріи негодныя ружья обращены на ополченіе [1]). Нѣкоторые изъ начальниковъ жалѣли о нихъ; многимъ казалось страннымъ, какъ можно разстаться съ ними; никто не смѣлъ назвать ихъ безполезною ношею! Изъ коннаго ополченія составлена команда для исправленія дорогъ и мостовъ; пѣшая милиція обращена на производство земляныхъ при арміи работъ.

Въ Смоленскѣ въ одно время получено извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ графомъ Витгенштейномъ и генераломъ-отъ-кавалеріи Тормасовымъ, и симъ послѣднимъ доставлены пріобрѣтенныя знамена.

Наполеонъ, проходя Полоцкъ, оставилъ въ немъ корпусъ войскъ маршала Удино (Duc de Reggio), превосходящій силами войска подъ начальствомъ графа Витгенштейна, расположенныя противъ Дриссы. Въ то же время корпусъ маршала Макдональда вступилъ въ Курляндію, и уже передовыя войска его начали показываться около Крейцбурга. Положеніе дѣлалось затруднительнымъ: ни долѣе остаться у Дриссы, ни отойдя оставаться въ бездѣйствіи, равно было не возможно; ибо непріятель, поставя его между двухъ огней, подвергалъ опасности неизбѣжной. Графъ Витгенштейнъ рѣшился предупредить соединеніе, вышелъ къ селенію Клястицы, лежащему на дорогѣ отъ Полоцка къ Себежу, и, закрывши себя отъ маршала Макдональда небольшимъ отрядомъ, съ главными силами обратился на корпусъ маршала Удино.

Большое разстояніе между непріятельскими корпусами, трудность отъ того въ соглашеніи дѣйствій, внутреннее положеніе между ними, давали графу Витгенштейну превосходство выгодъ. Удино вышелъ изъ Полоцка, но Макдональдъ не перешелъ Двины. Гора свалилась съ плечъ Витгенштейна! Принявъ за рѣшительное отступленіе движеніе къ селенію Клястицамъ, Удино не всѣми преслѣдовалъ силами и неосмотрительно; встрѣтивъ наши силы въ совокупности, не могъ удержаться, побѣжалъ! Войска его, въ отдаленіи разбросанныя, приспѣвая въ подкрѣпленіе частями, уничтожались! Потерявъ пріобрѣтенныя въ началѣ дѣйствія выгоды, понесши весьма большой уронъ, Удино возвратился въ Полоцкъ. Графъ Витгенштейнъ, преслѣдовавши, остановилъ авангардъ въ одномъ маршѣ отъ Полоцка и возвратился въ прежнюю позицію. Долгое время оставался Удино въ бездѣйствіи. Макдональдъ ничего

[1]) Отъ Великаго Князя Константина Павловича, генералъ-инспектора кавалеріи, ожидаемо было возраженіе, и безъ него не обошлось, но исполненіе не остановлено.

не предпринялъ, или не ввѣряясь войскамъ прусскимъ, составлявшимъ его корпусъ и другимъ Рейнскаго союза, съ малымъ числомъ при нихъ французскихъ войскъ, имѣя въ виду нашъ десантный корпусъ, привезенный изъ Финляндіи, или пріуготовляясь къ осадѣ Риги, главному предназначенному предмету его дѣйствій. Графу Витгенштейну принадлежитъ слава побѣды и самаго предпріятія, основаннаго на искусномъ соображеніи. Многіе относятъ его на счетъ начальника корпуснаго штаба, генералъ-маіора Довре. Сужденіе, можетъ быть, внушаемое завистію. Я точнаго о томъ свѣдѣнія не имѣю.

Генералъ Тормасовъ напалъ на корпусъ Саксонскихъ войскъ подъ командою французскаго генерала Ренье, перешедшій границы наши въ Брестѣ Литовскомъ, и, не допустивши его соединиться съ австрійцами подъ начальствомъ князя Шварценберга [1]), встрѣтилъ сопротивленіе упорно, но, силы имѣя превосходныя, преодолѣлъ. Непріятель понесъ значительный уронъ и отступилъ въ безпорядкѣ съ поспѣшностью. Въ рукахъ нашихъ оставилъ плѣнными одного генерала и болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, восемь пушекъ и четыре знамени.

Во время четырехдневнаго пребыванія арміи въ Смоленскѣ, употреблены всѣ средства запастись хлѣбомъ. Главнокомандующій, пригласивши Великаго Князя и главнѣйшихъ изъ генераловъ, предоставилъ сужденію ихъ предстоящія дѣйствія арміи. Общее всѣхъ мнѣніе было атаковать. Съ особеннымъ уваженіемъ замѣчено разсужденіе Константина Павловича, скромно изложенное, съ соображеніемъ основательнымъ [2]). Главнокомандующій всѣхъ другихъ менѣе охотно далъ свое согласіе на атаку, ожидая точнѣйшихъ извѣстій о непріятелѣ отъ передовыхъ войскъ. Достовѣрно знали, что небольшимъ количествомъ конницы занимаютъ французы Порѣчье; въ Велижѣ, равномѣрно какъ и въ Суражѣ, находятся въ большихъ силахъ; противъ атамана Платова расположена кавалерія и начальствующій всею Мюратъ, король Неаполитанскій, находился недалеко. Главная квартира Наполеона была въ Витебскѣ; при ней вся гвардія и паркъ многочисленной резервной артиллеріи. Корпусъ маршала Даву медленно собирался при Оршѣ, въ Лядахъ сильный отъ него отрядъ. Все благопріятствовало предпринимаемой

---

[1]) Въ случаѣ даже соединенія ихъ онъ былъ гораздо сильнѣе: потеря могла быть значительнѣе; но въ успѣхѣ ни малѣйшаго сомнѣнія.

[2]) На случай могущихъ встрѣтиться затрудненій предлагалъ приличныя мѣры, подкрѣпляемыя дальновиднымъ и весьма благоразумнымъ соображеніемъ.

со стороны нашей атакѣ. Разсѣянныя на большомъ пространствѣ непріятельскія войска, обезпеченныя нашимъ бездѣйствіемъ и, въ надеждѣ продолжительнаго нашего отдохновенія, покоящіяся, способствовали успѣху. Не тотчасъ непріятель могъ быть извѣщенъ о нашемъ движеніи, и ему не менѣе трехъ дней надобно было на соединеніе силъ, не говоря объ отдаленнѣйшихъ, тогда какъ переднія были бы уже атакованы. Дано повелѣніе къ походу, и радость войскъ описать невозможно! Съ изумленіемъ смотритъ Смоленскъ на силы ополченій; шумитъ Днѣпръ, гордясь согласнымъ пути ихъ теченіемъ!

Первая армія наступала двумя колоннами по направленію на Рудню, чрезъ селеніе Приказъ Выдра. Съ лѣвой ея стороны, недалеко отъ Днѣпра, проходила вторая армія. Отрядъ изъ нѣсколькихъ егерскихъ полковъ отъ обѣихъ армій, въ командѣ генералъ-маіора барона Розена, занималъ позицію у селенія Катань и большіе лѣса, прилежащіе къ нему. Равномѣрно какъ сей отрядъ, другой нѣсколько меньшій, съ генералъ-маіоромъ княземъ Шаховскимъ, посланъ былъ благовременно въ селеніе Касплю. При выходѣ изъ Смоленска, отъ 2 арміи послана въ городъ Красный пѣхотная дивизія генералъ-маіора Невѣровскаго, въ подкрѣпленіе отряда генералъ-маіора Оленина, и приданъ Харьковскій драгунскій полкъ. Въ дивизіи, недавно изъ рекрутъ составленной, два полка перемѣнены старыми. Въ Смоленскѣ собраны хлѣбопеки отъ всѣхъ полковъ обѣихъ армій. Оставленъ одинъ полкъ для удержанія порядка; раненые и больные вывезены въ Вязьму.

Въ разстояніи небольшого перехода отъ Рудни, арміи остановились. Главнокомандующій колебался идти впередъ; князь Багратіонъ требовалъ того настоятельно. Вмѣсто быстраго движенія, въ предпріятіи нашемъ лучшаго ручательства за успѣхъ, данъ арміямъ день безполезнаго отдыха, непріятелю лишній день для соединенія силъ! Онъ могъ уже узнать о нашемъ приближеніи.

Атаманъ Платовъ, подкрѣпленный авангардомъ графа Палена, встрѣтилъ при селеніи Лешнѣ сильный отрядъ французской конницы, разбилъ его и преслѣдовалъ до Рудни, которую непріятель оставилъ. Въ плѣнъ взято: одинъ израненый полковникъ, нѣсколько офицеровъ и 500 нижнихъ чиновъ [1]). Полковникъ сообщилъ, что о

---

[1]) Великій Князь Константинъ Павловичъ принялъ храбраго полковника съ особеннымъ вниманіемъ и сдѣлалъ ему вспомоществованіе. Узнавши послѣ, что съ нимъ говорилъ родной братъ Императора, онъ удивленъ былъ чрезвычайно деликатностію.

приближеніи нашемъ они не имѣли извѣстія и на то особенныхъ распоряженій не сдѣлано, равномѣрно въ другихъ корпусахъ никакихъ движеній не происходитъ. Изъ взятыхъ бумагъ въ квартирѣ командовавшаго генерала Себастіани видно было распоряженіе для передовыхъ постовъ и наставленіе генераламъ, кто изъ нихъ, для которой части войскъ и съ какими силами долженъ служить подкрѣпленіемъ для сохраненія общей связи. Еще обстоятельства благопріятствовали намъ, если бы главнокомандующій твердъ былъ въ намѣреніи. Пораженіе при Лешнѣ, конечно, пробудило непріятеля, но близки были новые ему удары, и кратко время для избѣжанія ихъ. Главнокомандующій не только отклонился отъ исполненія условленнаго плана, но и перемѣнилъ его совершенно.

1-я армія отошла въ селеніе Мощинки, въ 18 верстахъ отъ Смоленска, на дорогѣ въ Порѣчье. Отрядъ князя Шаховского остался въ Касплѣ. Въ подкрѣпленіе ему и для обезпеченія сообщенія его съ арміею, часть авангарда графа Палена расположена въ селеніи Лущѣ. Взятые отъ него обратно къ арміи пять егерскихъ полковъ остановлены въ деревнѣ Лавровой. Войска атамана Платова, занявши лѣвымъ крыломъ Иньково и закрывая отрядъ въ Касплѣ, протянулись до селенія Вороны.

2-я армія стала на мѣстѣ первой; авангардъ ея впереди селенія Гавриковъ, имѣя передовые посты лѣвѣе Инькова, чрезъ Лешню на Катань и до Днѣпра. Отрядъ барона Розена упраздненъ, и мѣсто его занялъ сильный постъ отъ авангарда. Чрезъ день 2-я армія по причинѣ худого качества воды, вреднаго для войскъ, и не менѣе по недостатку въ ней, возвратилась въ Смоленскъ. Авангардъ ея, подъ командою генералъ-адъютанта Васильчикова, остался въ своемъ мѣстѣ, и въ подкрѣпленіе ему корпусъ генералъ-лейтенанта князя Горчакова.

Въ селеніи Мощинкахъ 1-я армія находилась четыре дня безъ дѣйствія. Полки передовыхъ постовъ ничего важнаго не открыли. Изъ отряда генералъ-адъютанта барона Винценгероде посланныя партіи къ Велижу донесли, что стоявшій въ окрестности 4-й корпусъ вице-короля Италіанскаго вышелъ и до самаго Суража не было французскихъ войскъ. Одна партія отъ атамана Платова ворвалась въ Порѣчье, но была изгнана. Вскорѣ затѣмъ увѣдомили жители, что французы удалились изъ города.

Невозможно было постигнуть причины, которая заставляла главнокомандующаго предпочитать дѣйствія арміи со стороны Порѣчья. Ни одного изъ корпусовъ непріятельскихъ нельзя было отбросить такъ, чтобы не могъ онъ соединиться съ другими. Непріятель, если бы въ необходимости нашелся отступать, конечно, не

избралъ бы направленія на Витебскъ, или бы въ немъ не остановился; ибо дорога на Борисовъ представляетъ всѣ выгоды. Корпусъ маршала Даву, присоединяя къ себѣ корпусъ вестфальскихъ войскъ и польскую кавалерію князя Понятовскаго, идетъ навстрѣчу главной своей арміи, и она до такой усилится степени, что ей слишкомъ достаточно средствъ и нашу опрокинуть армію, и значительную часть войскъ отправить кратчайшимъ путемъ для занятія Смоленска. Допуская самыя грубыя ошибки со стороны Наполеона (чего, кажется, ожидать безразсудно), сосредоточась у Витебска, онъ будетъ имѣть не менѣе того числа войскъ, отъ котораго наша армія весьма недавно отступала. Допуская, что опрокинутый, онъ будетъ брошенъ на тѣ самыя мѣста, которыми шелъ впередъ, то и въ семъ случаѣ театра войны нельзя перенесть въ Литву, гдѣ непріятель оставилъ бы землю опустошенную и истребивши послѣдніе ея способы. Гораздо съ большимъ правдоподобіемъ предположить возможно, что расположенный въ Велижѣ корпусъ вице-короля Италіанскаго, оттуда вышедшій уже, и другой, бывшій въ Суражѣ, отступая предъ нашею арміею, и вели бы ее къ Витебску, и Наполеонъ, присоединя къ своей гвардіи войска, расположенныя къ сторонѣ Рудни и Любавичей, перешелъ бы на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ селеніе Ляды занято уже было войсками отъ корпуса маршала Даву, и былъ бы подъ стѣнами Смоленска, прежде нежели Барклай-де-Толли могъ приспѣть къ нему. 2-я армія, одна не въ состояніи будучи защищать городъ, должна была бы поспѣшно отступить къ Дорогобужу. Возвращающаяся 1-я армія, отброшенная движеніемъ Наполеона, теряла бы возможность соединиться съ княземъ Багратіономъ. Движеніе наше къ Руднѣ не было извѣстно непріятелю, какъ видно изъ показаній плѣнныхъ; атака разбросанныхъ войскъ и истребленіе немалаго числа ихъ легко могли совершиться, и армія, какъ то предположено было, должна была тотчасъ возвратиться въ свою позицію, около Смоленска. Я думаю, что главнокомандующій, отличающійся опытностію и благоразумною осторожностію, не сдѣлалъ бы иначе и не былъ бы увлеченъ успѣхомъ, съ опасностію лишиться пріобрѣтенныхъ выгодъ.

Не забуду я страннаго намѣренія твоего, Барклай-де-Толли, слышу упреки за отмѣну атаки на Рудню. За что терпѣлъ я отъ тебя упреки, Багратіонъ, благодѣтель мой! При первой мысли о нападеніи на Рудню, не я ли настаивалъ на исполненіи ея, не я ли убѣждалъ употребить возможную скорость? Я всѣми средствами старался удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласіе, боясь малѣйшаго охлажденія одного къ другому. Скажу и то, что въ сношеніяхъ и объясненіяхъ вашихъ, чрезъ

меня происходившихъ, не рѣдко холодность и невѣжливость Барклая-де-Толли представлялъ я предъ тебя въ тѣхъ видахъ, которые могли казаться пріятными. Твои отзывы, иногда грубые и колкіе, передавалъ ему въ выраженіяхъ обязательныхъ. Ты говаривалъ мнѣ, что, сверхъ ожиданія, нашелъ въ Барклаѣ-де-Толли много хорошаго [1]). Не разъ онъ повторялъ мнѣ, что онъ не думалъ, чтобы можно было, служа вмѣстѣ съ тобою, не встрѣчать неудовольствій. Благодаря довѣренности ко мнѣ васъ обоихъ, я долго удержалъ бы васъ въ семъ мнѣніи, но причиною вражды между вами помощникъ твой, графъ Сенъ-При. Онъ съ завистью смотрѣлъ на то, что я употребляемъ болѣе, нежели онъ. Должность моя при главномъ начальникѣ и въ то же время военномъ министрѣ давала мнѣ родъ нѣкоего первенства надъ нимъ и занятіямъ моимъ болѣе видную наружность. Онъ въ сужденіи своемъ не первое далъ мѣсто общей пользѣ; хотѣлъ, значитъ, болѣе, нежели могъ! Ты, почтенный благодѣтель мой, излишне уважалъ связи при дворѣ избалованнаго счастіемъ молодого человѣка, и въ довѣренности къ нему не всегда былъ осмотрительнымъ.

Потерявши много времени напрасно, 1-я армія выступила изъ Мощинокъ по той же дорогѣ обратно къ Руднѣ. Не извѣстно, было ли намѣреніе искать непріятеля, чтобы дать сраженіе, или дожидаться его прибытія, но довольно двинуться впередъ, чтобы князь Багратіонъ спѣшилъ присоединиться.

1-я армія прибыла къ селенію Гаврики, гдѣ стоялъ авангардъ генералъ-адъютанта Васильчикова; войска 2-й арміи были уже на второмъ переходѣ отъ Смоленска и должны были занять лѣвое крыло позиціи. Корпусъ генералъ-лейтенанта Раевскаго въ первый день не болѣе 15 верстъ отошелъ отъ Смоленска, выступивши тремя часами позднѣе надлежащаго. Впереди его приказано было идти 2-й гренадерской дивизіи, но она не трогалась съ мѣста [2]). Промедленіе сіе было впослѣдствіи важнѣйшею пользою; ибо генералу Раевскому предстояло совсѣмъ другое назначеніе.

Въ день прибытія арміи къ с. Гаврики, атаманъ Платовъ сдѣлалъ усиленный переходъ отъ с. Холма до с. Инькова; не остано-

---

[1]) О Барклаѣ-де-Толли князь Багратіонъ всегда спрашивалъ: „Что дѣлаетъ твой Даву?“

[2]) Дивизіею начальствовалъ генералъ-лейтенантъ принцъ Карлъ Мекленбургскій. Наканунѣ онъ, проведя вечеръ съ пріятелями, былъ пьянъ, проспался на другой день очень поздно, и тогда только могъ дать приказъ о выступленіи дивизіи. Послѣ этого винный откупъ святое дѣло, и принцъ достоинъ Государственнаго напитка!

вясь у него, вышелъ впередъ авангарда генералъ-адъютанта Васильчикова, открылъ Рудню, гдѣ не было уже непріятеля, который, по показанію жителей, выступилъ полторы сутки назадъ и у селенія Расасни переправляется на лѣвый берегъ Днѣпра. Передовые посты авангарда ничего о томъ не знали [1]). Одна изъ партій, посланныхъ атаманомъ Платовымъ, настигла послѣднія войска, идущія къ Расаснѣ; другая, по слѣдамъ непріятеля, спустясь по правому берегу рѣчки Березины, его уже не застала. Остановясь самъ въ Руднѣ, атаманъ донесъ обо всемъ главнокомандующему и ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній.

Въ сіе время князь Багратіонъ получилъ рапортъ генералъ-маіора Невѣровскаго, что 3-го числа іюля непріятель въ большихъ силахъ атаковалъ его въ г. Красномъ, гдѣ онъ, упорно защищавшись, вытѣсненъ, стремительно преслѣдуемъ, потерпѣлъ большой уронъ, потерялъ нѣсколько пушекъ и отступаетъ къ Смоленску. Офицеръ съ рапортомъ былъ сутки въ дорогѣ, и потому можно полагать, что непріятель уже въ движеніи къ Смоленску. Слышенъ былъ глухой звукъ выстрѣловъ: ближайшіе къ Днѣпру передовые посты извѣстили о сильной канонадѣ.

Г.-л. Раевскому приказано идти поспѣшнѣе съ корпусомъ въ подкрѣпленіе г.-м. Невѣровскому; 2-я армія немедленно послѣдовала къ Смоленску и въ слѣдъ за нею 1-я армія. Атаманъ Платовъ, собравши партіи, расположился у с. Приказъ Выдра. Отрядъ г.-м. князя Шаховского возвратился къ арміи; часть егерей и кавалеріи отходила дорогою по берегу Днѣпра, наблюдая броды. Ротмистру Чеченскому, извѣстному храбростію, приказалъ я, выбравъ охотниковъ изъ конвойной команды Бугскаго казачьяго полка, отправиться на лѣвый берегъ Днѣпра и осмотрѣть на маршѣ силы непріятельскія. Возвращаясь отъ селенія Гаврики, склонилъ я флигель-адъютанта полковника Кикина вступить въ должность дежурнаго генерала, оставленную имъ по болѣзни и непріятностямъ [2]).

Прощай, Ставраковъ, плачевный дежурный генералъ, комендантъ главной квартиры несравненный! Ты не будешь уже доставлять без-

---

[1]) Авангардомъ командовалъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, изъ числа отличныхъ офицеровъ арміи, недавно храбростію обратившій на себя вниманіе, но мало имѣющій опытности, не прежде какъ въ чинѣ генералъ-маіора начавши служить противъ непріятеля. До того—шефъ блистательнаго Ахтырскаго гусарскаго полка, подвигаемый къ почестямъ сильными связями.

[2]) Полезныхъ способностей, дѣятельности неутомимой, строгихъ правилъ чести, находился при образованіи Главнаго Штаба арміи и введеніи новаго порядка управленія по положенію о большихъ дѣйствующихъ арміяхъ.

прерывныя упражненія моей дѣятельности и, благодаря полковнику Кикину, я буду имѣть минуты отдохновенія! О лѣность, всегда мною чтимая! прими меня, возвращающагося къ тебѣ; клянусь вѣчнымъ постоянствомъ!

Г.-л. Раевскій прибылъ съ корпусомъ къ Смоленску и расположился въ предмѣстіяхъ города. Г.-м. Невѣровскому, съ отрядомъ бывшему только въ семи верстахъ впереди, приказалъ присоединиться къ своему корпусу. Если бы г.-л. Раевскому не воспрепятствовала 2-я гренадерская дивизія выступить ранѣе, какъ то надлежало, онъ, сдѣлавши большой переходъ, возвратился бы въ Смоленскъ слишкомъ поздно и могъ даже найти въ немъ французовъ.

Городъ Красный защищаемъ былъ авангардомъ генералъ-маіора Оленина, которому въ подкрѣпленіе дана была 27-я пѣхотной дивизіи егерская бригада флигель-адъютанта полковника Воейкова. Французы были уже въ улицахъ и не разъ изгнаны. Полки, никогда не видавшіе непріятеля, не знающіе опасности, дрались отчаянно; но уступая, наконецъ, возобновляемымъ усиліямъ, авангардъ отошелъ къ отряду, стоящему на большой дорогѣ, въ двухъ верстахъ за городомъ. Непріятель продолжалъ преслѣдовать одною конницею, весьма сильною, съ нѣкоторымъ количествомъ орудій. Пѣхота не прежде появилась, какъ подходя уже къ Смоленску. Генералъ-маіоръ Невѣровскій, офицеръ отлично храбрый, и его не устрашали опасности, но, рѣдко весьма и въ малыхъ чинахъ бывши въ дѣйствіи, при способностяхъ очень обыкновенныхъ, нашелся въ такомъ трудномъ положеніи, которое требовало, по крайней мѣрѣ, навыку и смѣтливости. Если кто немного знаетъ французскую конницу, повѣритъ нѣкоторой возможности удерживать порывы ея шестью тысячами пѣхоты, отступающей по волнистому мѣстоположенію, дорогою, обсаженною по бокамъ двумя рядами деревьевъ, и когда при ней батарейная рота. Генералъ-маіоръ Невѣровскій, имѣя одинъ Харьковскій драгунскій полкъ, подвергъ его значительному урону. Не довольно связнымъ дѣйствіемъ пѣхоты, и отправивши назадъ батарейную артиллерію, онъ далъ возможность непріятельской конницѣ дѣлать удачныя атаки. Она, пользуясь многочисленностію своею, дѣйствовала въ тылу его и овладѣла большею частію отосланной назадъ артиллеріи, въ ея движеніи. Если бы генералъ-маіоръ Невѣровскій къ знаніямъ своимъ военнаго ремесла присоединилъ искусство построенія каре, прославившее многихъ въ войнахъ противъ турокъ, оно, покоряя обыкновенному образу хода, не допустило бы до бѣгства, и ты, Апушкинъ, батарейную роту свою не исчислялъ бы дробями. Со всѣмъ этимъ непріятель не могъ не уважать неустрашимости генералъ-маіора Невѣровскаго, и, по счастію,

пѣхота французская появилась предъ нимъ въ близкомъ отъ Смоленска разстояніи, и онъ поступилъ въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Раевскаго.

4-го числа іюля генералъ-лейтенантъ Раевскій съ однимъ своимъ корпусомъ и 27 дивизіею дрался въ продолженіе цѣлаго дня, и не только защитилъ городъ, но и занявши предмѣстія, не допустилъ овладѣть ими, при всѣхъ усиліяхъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, при возможной со стороны его предпріимчивости. Немногіе изъ генераловъ рѣшились бы на то, что Раевскому не казалось исполнить труднымъ. Могло казаться удобнѣйшимъ, уступя Смоленскъ, защищать переправу чрезъ Днѣпръ, ибо арміи не могли въ скоромъ времени прійти въ помощь. Защищаясь въ крѣпости, надобно было размѣстить артиллерію по бастіонамъ и, въ случаѣ отступленія, опасаться потерять ее, имѣя къ выходу одни ворота. Силы непріятеля очевидно умножались, но онъ не зналъ положенія города и окрестностей и продолжалъ безплодныя усилія по большой дорогѣ отъ Краснаго противъ Маалховскихъ воротъ. Если бы обратился онъ къ лѣвому флангу крѣпости, прилежавшему къ рѣкѣ и, взявъ продолженіе стѣны, учредилъ сильную противъ моста батарею, Раевскій нашелся бы въ затрудненіи дѣйствовать съ большими силами, препятствуемый тѣснотою улицъ, и войска, подверглись бы ужасному истребленію артиллеріи. Поздно вечеромъ прибыла 2-я армія, не прежде ночи пришла 1-я армія, и обѣ расположились на правомъ берегу Днѣпра. Раевскій до того не допустилъ овладѣть ни одною частію предмѣстій, не потерялъ ни одного шагу. На другой день смѣнившій его генералъ Дохтуровъ съ корпусомъ, присоединивъ 27-ю пѣхотную дивизію, долгое время удерживался въ тѣхъ же предмѣстіяхъ, не допуская къ стѣнамъ города. Раевскій 5 числа присоединился къ арміи. Въ десять часовъ утра войска наши должны были войти въ крѣпость и расположились подъ защитою зубцовъ стѣны, у прикрытія батарей, и составили изъ себя резервы. Артиллерія въ большомъ числѣ заняла земляные предъ стѣнами бастіоны. Незадолго предъ тѣмъ посланный на подкрѣпленіе генералъ-лейтенантъ Коновницынъ съ 3-ю дивизіею занялъ часть города, лежащую направо. Ближайшіе дома форштадта, простирающагося къ Днѣпру, были еще въ нашихъ рукахъ, и стрѣлки наши внѣ окруженія стѣнъ. Превосходствомъ силъ непріятель въ одно время обнялъ весь городъ, атаковалъ предмѣстіе съ праваго фланга, и со всѣхъ сторонъ загорѣлся ужасный пушечный и ружейный огонь; во многихъ частяхъ города начались пожары. По распоряженіямъ генералъ-лейтенанта Коновницына, 3-я дивизія опрокинула непріятеля; имъ же направленный отрядъ генералъ-маіора Оленина не мало способство-

валъ отраженію, и егерская бригада полковника Потемкина дѣйствовала отлично. Непріятель, усмотрѣвши удобство мѣстоположенія, главнѣйшія силы направилъ на лѣвое крыло и не разъ уже былъ у самыхъ Никольскихъ воротъ. Одно мгновеніе могло рѣшить участь города, но неустрашимость генералъ-маіора Невѣровскаго и присутствіе генералъ-маіора графа Кутайсова, начальника артиллеріи 1-й арміи, направлявшаго дѣйствіе батарей, всегда торжествовали надъ усиліями непріятеля. Устроенная на правомъ берегу батарея подполковника Нилуса много вредила его атакамъ. Постоянное стремленіе на одинъ пунктъ, умножаемое количество артиллеріи, обнаружили намѣренія непріятеля и побудили послать въ подкрѣпленіе лѣваго крыла 4-ю дивизіею принца Евгенія Виртембергскаго. Полетѣли полки по слѣдамъ молодого начальника, отличнаго храбростію, ими любимаго! Главнокомандующій поручилъ мнѣ осмотрѣть, въ какомъ положеніи дѣла наши въ городѣ. Сраженіе продолжалось съ жестокостію; уронъ съ нашей стороны чувствителенъ; уронъ непріятеля несравненно большій; ибо насъ отъ дѣйствія артиллеріи охраняли крѣпостныя стѣны. За часъ до вечера непріятель былъ близко къ стѣнамъ, часть предмѣстія по лѣвой сторонѣ во власти его; единственный мостъ нашъ на Днѣпрѣ осыпаемъ былъ ядрами; городъ во многихъ мѣстахъ объятъ пламенемъ; внѣ стѣнъ не было уже ни одного изъ нашихъ стрѣлковъ. Не пощадилъ Наполеонъ польскія войска въ семъ случаѣ, и они, рабственно покорствуя его волѣ, понесли на себѣ главнѣйшую часть всей потери. Съ началомъ дня сильная часть войскъ непріятельскихъ отправилась вверхъ по лѣвому берегу Днѣпра, по дорогѣ на Ельню. За движеніемъ симъ наблюдала 2-я армія, 5 числа перешедшая на Московскую дорогу, имѣвшая цѣлью обезпечить переправу чрезъ Днѣпръ, въ 40 верстахъ отстоящую отъ Смоленска. Авангардъ ея, подъ командою генералъ-лейтенанта графа Горчакова, расположенъ былъ въ шести верстахъ отъ города; казачьи войска ея большею частію на лѣвомъ берегу Днѣпра, не выпуская изъ глазъ непріятеля; сообщеніе съ 1-ю арміею содержали кавалерійскіе посты. Непріятель, прошедши 12 верстъ на Ельню, возвратился къ городу, а потому 2-я армія имѣла ночлегъ по близости.

Князь Багратіонъ склонилъ главнокомандующаго еще одинъ день продолжать оборону города, переправиться за Днѣпръ и атаковать непріятеля, и что онъ то же сдѣлаетъ съ своей стороны. На вопросъ главнокомандующаго отвѣчалъ генералъ-квартирмейстеръ полковникъ Толь, что надобно атаковать двумя колоннами изъ города. Удивило меня подобное предложеніе человѣка съ его взглядомъ и понятіями. Я сдѣлалъ замѣчаніе, что въ городѣ весьма мало

воротъ, и они съ поворотами въ башняхъ. Большое число войскъ скоро пройти ихъ не можетъ, равно какъ и устроиться въ боевой порядокъ, не имѣя впереди свободнаго пространства и подъ огнемъ батарей, близко къ стѣнѣ придвинутыхъ. Скоро ли можетъ поспѣть, сопровождающая атаки, артиллерія, и какъ большое количество войскъ собрать безъ замѣшательства въ тѣсныхъ улицахъ города, среди развалинъ домовъ, разрушенныхъ бомбами? Я предложилъ на разсужденіе случай необходимаго отступленія, когда всѣ неудобства и затрудненія предстоятъ гораздо въ большемъ размѣрѣ. Военный министръ нашелъ основательными мои замѣчанія. Разсуждаемо было, что если необходимо нужно атаковать, то удобнѣе перейти за Днѣпръ у самаго города, съ правой его стороны, устроивъ мосты подъ защитою батарей праваго фланга крѣпости. Предмѣстіе не было еще оставлено нами; противъ него была одна только непріятельская батарея, и къ ней удобный доступъ садами, далеко простирающимися. Въ случаѣ отступленія, занявъ монастыри и церкви въ предмѣстіи, можно не допустить натиска его на мосты. 2-я армія не должна переправиться за Днѣпръ выше города, и еще менѣе атаковать правый флангъ непріятеля, какъ то предполагалъ князь Багратіонъ. Легко было воспрепятствовать переправѣ арміи, или, отбросивши атаку, разорвать сообщеніе съ 1-ю арміею, уничтожить согласіе въ дѣйствіи войскъ и способы взаимнаго вспомоществованія. Небольшими силами непріятель могъ войска наши не выпускать изъ крѣпости и свои войска сосредоточить по произволу. Представленныя мною разсужденія не воздержали меня отъ неблагоразумнаго, въ свою очередь, поступка. Я поддерживалъ мнѣніе гг. корпусныхъ командировъ еще одинъ день продолжать защиту города. Желаніе ихъ доведено до свѣдѣнія чрезъ генералъ-маіора графа Кутайсова. Защита могла быть необходимою, если бы главнокомандующій намѣревался атаковать непремѣнно. Но собственно удержать за собою Смоленскъ въ разрушеніи, въ которомъ онъ находился, было совершенно безполезно. Сильнаго гарнизона отдѣлить армія не могла, а въ городѣ и слабый не нашелъ бы средствъ къ существованію. И такъ рѣшено главнокомандующимъ оставить Смоленскъ! Встрѣтились затрудненія собрать войска, по всему пространству города разсѣянныя, артиллерію, размѣщенную во всѣхъ его частяхъ. Долго вечеромъ продолжалось сраженіе; войска вышли изъ города ночью безпрепятственно, послѣдніе изъ полковъ предъ разсвѣтомъ и истребили мостъ. Въ слѣдъ за нимъ непріятель вступилъ въ городъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Памяти Н. И. Пирогова. Привѣтствія и Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ праздновапіи Императорскимъ Университетомъ Св. Владиміра столѣтія рожденія Н. И. Пирогова, 12-го ноября 1910 года. Подъ ред. В. С. Иконникова. Кіевъ. 1911. Тип. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). 8° (18×27). VIII+96 стр.+1 портр. Вѣсъ 20 л. 800 экз.

Погодинъ, А. А., проф. Исторія Польской литературы. Харьковъ. 1911. Изд. О-ва взаимопом. студ. филол. Харьков. Унив. Тип. С. Иванченко (Костюринскій, 2). 8° (17×26). 451 стр. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 75 экз.

Покровскій, В. Алексѣй Константиновичъ Толстой. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 3-е Тип. Г. Лисснеръ и Д. Собко (Крестоводвиж., 9) 8° (17×26) 4 нен.+326 стр. Складъ: кн. маг. Спиридонова и Михайлова (Столешниковъ пер., д. Ліанозова). Ц. 60 к. Вѣсъ 30 л. 3.000 экз.

Рубецъ. А. А. Краткая историческая памятка Имп. Александровскаго, бывшаго Царскосельскаго лицея. Спб. 1911. Тип. Сиріусъ (Рыночная дл., 10). 8° (17×24). 23 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Русская исторія. Томъ 3. Кн. VI. М. 1911. Изд. т-ва Міръ. (Знаменка, 9). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К. (Пименовская, св. д.) 8° (19 × 28) 145—232+72 стр+14 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 5.000 экз.

Соболевскій, А. Нѣсколько возраженій на книгу Л. Дымши: „Холмскій вопросъ“ (Спб. 1910 г.). Холмъ. 1911. Изд. Холмскаго Св.-Богород. бр-ва. Тип. Вайнштейновъ (Люблинская, 14). 8° (17×24). 87 стр. Вѣсъ 10 л. 1.200 экз.

Соловьевъ, М. С. Указатель къ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ Сергѣя Михайловича Соловьева. Спб. 1911. Изд. и тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая ул., 39). 8° (19×28). 616 стр. (въ 2 ст.). Вѣсъ 1 ф. 11 л. 3.500 экз.

Сташевскій, Е. Д. Землевладѣніе московскаго дворянства въ первой половинѣ XVII вѣка. М. 1911. Изд. Истор. родосл. общества. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковскій пер., соб. д.). 8° (18×27). 237 стр. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 500 экз.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе военные дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Редакція Влад. Пруссака. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (16×23). 190 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 22 л. 300 экз.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Вып. II. Редакція Влад. Пруссака. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 2). 8° (28×21). 37 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 200 экз.

Трусманъ, Георгій. Летто-славянскіе элементы въ этрускихъ надписяхъ. Ревель. 1911. Изд. автора. Тип. І. и А. Пальмана. 8° (16×24). 66 стр. Складъ: кн. маг. Н. Киммель (Рига). Ц. 1 р. Вѣсъ 9 л. 600 экз.

Трутовскій, В. К. Гулистанъ, монетный дворъ Золотой орды. М. 1911. Тип. Синодальная. 8° (19×28). 16 стр. Вѣсъ 5 л. 65 экз.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Подъ ред. Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы. Книга 22, вып. I—II. Кіевъ. 1911. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская 20). 8° (18×27). 6 нен.+XIII+69+79+XIV+66+9+8+17—32 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 414 экз.

Яковлевъ, П. А. Воспоминанія нижняго чина 85-го пѣх. Выборгскаго полка о Русско-Японской войнѣ. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1911. Изд. Яковлева, 2-е испр. (7-я Рождеств., 27, кв. 17). Тип. Капиталъ (Мытнинская, 11). 8° (14×20). 127 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 12 л. 2.000 экз.

Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый Комиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Часть VIII, т. VI. Акты о землевладѣніи въ Юго-Западной Россіи XV—XVIII вв. Кіевъ. 1911. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (18×27). 4 нен.+113+435+48+XXIV+2 нен. стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 17 л. 400 экз.

Бидерманъ, фонъ. Памятка 137-го пѣхотнаго каменецкаго полка. Курскъ. 1911 Тип. П. З. Либерманъ. 16° (11×17). 40 стр. Съ 2 портр. Вѣсъ 2 л. 2,500 экз.

Вандаль, Альбертъ. Императрица Елизавета и Людовикъ XV. Перев. съ франц. А. Гретманъ. Вступительная статья Н. Н. Бороздина. („Историческая библіотека Сфинкса“, т. II). М. 1911. Изд. к-ва Сфинксъ (Петровка, 17). Тип. Ю. Вельманъ. 8° (16×22). 369+32 стр.+10 портр. Ц. 2 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 3.000 экз.

Водовозовъ, В. И. Разсказы изъ Русской исторіи. Вып. II. Спб. 1911. Изд. 11-е, испр. Тип. 1-й Спб. Трудовой Артели (Лиговская, 34). 8° (16×23). 290+2 нен. стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 25 л. 5.500 экз.

Воспоминанія объ Августѣйшей строительницѣ Кіево-Покровскаго женскаго монастыря, инокинѣ Анастасіи. (Въ мірѣ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна). Скончалась 1900 г. 13 апрѣля. Кіевъ. 1911. Изд. 2-е. Тип. 1-й Кіев. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятит., 5). 8° (16×23). 46 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Даниловъ, Г. А. Исторія 14-го Стрѣлковаго Генералъ-Фельдмаршала Гурко полка 1856—1906 г.г. Составлено при сод. Г. Н. Щербины, Шматова, Владимірскаго, Садыкова, и Д. Драценко. Одесса. 1911. Тип. Штаба Одесск. Воен. Окр. 8° (23×29). IV+465+II+19 стр. съ рис.+64 листа рис., портр. и картъ. Вѣсъ 4 ф. 500 экз.

Долговъ, Пв. Празднованіе 75-лѣтія существованія Полоцкаго Кадетскаго Корпуса 5 Декабря 1910 г. Полоцкъ. 1911. Тип. Х. В. Клячко. 8° (16×22). 156 стр. Вѣсъ 18 л. 770 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.